

МЫ ЗАДАЕМ МОДУ: «русский след» — во всем

**ФОНД
«РУССКИЙ МИР»
ОБЪЯВЛЯЕТ
ФОТОКОНКУРС**

«МОЙ РУССКИЙ МИР»

**ФОТОКОНКУРС «МОЙ РУССКИЙ МИР» ПРОВОДИТСЯ
В РАМКАХ ПРАЗДНИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, ПРИУРОЧЕННЫХ
К ЮБИЛЕЮ ФОНДА «РУССКИЙ МИР».**

**ЦЕЛЬ ФОТОКОНКУРСА – ФОРМИРОВАНИЕ, УКРЕПЛЕНИЕ
И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА РУССКОГО МИРА И РОССИИ
СРЕДИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ,
А ТАКЖЕ ГРАЖДАН ДРУГИХ СТРАН, ИНТЕРЕСУЮЩИХСЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРОЙ
И ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК.**

**РАБОТЫ НА ФОТОКОНКУРС «МОЙ РУССКИЙ МИР»
ПРИНИМАЮТСЯ С 1 МАРТА ПО 30 СЕНТЯБРЯ 2017 ГОДА.**

**ПОБЕДИТЕЛИ БУДУТ ОПРЕДЕЛЕНЫ КОНКУРСНОЙ КОМИССИЕЙ ДО 31 ОКТЯБРЯ 2017 ГОДА,
И ПРИГЛАШЕНЫ НА XI АССАМБЛЕЮ РУССКОГО МИРА,
КОТОРАЯ СОСТОИТСЯ З НОЯБРЯ 2017 ГОДА В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ.**

ФОТОКОНКУРС ПРОВОДИТСЯ В ПЯТИ НОМИНАЦИЯХ:

**Лица
Русского мира**
(портретные
фотографии
людей, имеющих
отношение
к распространению
русского языка
и культуры
за рубежом);

**Памятные места
Русского мира**
(пейзажные фотогра-
фии мест, свя-
занных с Россией
и Русским миром,
в стране прожи-
вания участника
фотоконкурса,
в том числе:
старинные здания,
храмы, монастыри,
памятники, природ-
ные заповедники,
парки и т.п.);

**События
Русского мира**
(репортаж
о событии,
связанном
с Русским
миром);

**Артефакты
Русского мира**
(фотографии одного
или нескольких
предметов,
принадлежащих
автору фотографии,
имеющих для него
духовную ценность
и символизирующих
его связь
с Русским миром);

**Приз
зрительских
симпатий**
(номинация,
победитель которой
определяется
путем открытого
голосования
в разделе
«Фотоконкурс»
на портале
www.russkiymir.ru).

Положение о фотоконкурсе «Мой Русский мир» опубликовано на сайте фонда
«Русский мир» (www.russkiymir.ru), а также на страницах фонда
«Русский мир» в социальных сетях.

МОДНЫЕ И СИЛЬНЫЕ

НАША «МЯГКАЯ СИЛА» НАЧАЛА ШАГАТЬ ПО МИРУ задолго до того, как сей термин придумал американский политолог Джозеф Най. Однако «иноземное» понимание этого термина, скорее, политизировано: «мягкую силу» используют сегодня, чтобы влиять на общественно-политические процессы в сторону, какую влияющая сторона считает благоприятной для себя.

Русская «мягкая сила» в этом плане исторически всегда была, скорее, альтруистична, лишь в последнее время мы, вслед за нашими «западными партнерами», заговорили об «идеологическом» использовании «мягкой силы». И делаем это порой успешно, порой не очень – в этой короткой заметке не вполне уместно подбивать баланс.

В этом номере вы прочтете (с. 56) статью о том, какое влияние – след – оказала русская мода на мировую моду. Можно ли моду считать проявлением «мягкой силы»? И сколько ее там? Больше, чем в кинофильме, выигрывающем призы на престижных кинофестивалях? А мы по-прежнему умеем это делать. Больше или меньше, чем в накрепко привязанных к обычательскому зарубежному восприятию России – «О! Достоевский. О! Толстой, Чехов. О! Великий русский балет»? На

самом деле мы не знаем ответа на этот вопрос. Во многом и потому, что мы – не меряем. И в этом отсутствии рассудочной расчетливости в использовании, подчас бессознательно, нашей «мягкой силы» и заключается во многом наша сила как цивилизации.

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
И. о. ректора Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

06 Ворота Х
с множеством неизвестных

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

10 Сторонник
парадоксов

14 Казаки
«ло-ча»

ИНТЕРВЬЮ

20 «Дед был
очень скромным...»

ИСТОРИЯ

24
В ополье

32 Сердце
Византии

42 Балет
на штыках

НАСЛЕДИЕ

48 Семь жизней
Павла Бажова

56 Вдохновленные
Россией

62 Невроспаст

68 Введение
на холм

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

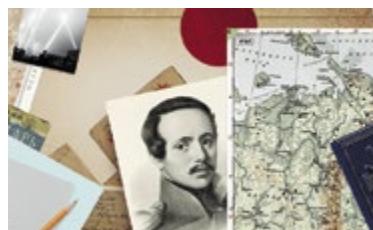
76 Андерсен
из Касимова

КУЛЬТУРА

82 Чудо
на белой стене

ЗАРИСОВКИ ЖИЗНИ

86 Путешествие
Лермонтова

РЕПОРТАЖ

90 Земля,
до востребования

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Мария БАШМАКОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Зинаида КУРБАТОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Зоя МОЗАЛЕВА
Татьяна НАГОРСКИХ
Евгений РЕЗЕПОВ
Дмитрий РУДНЕВ
Андрей СЕМАШКО
Юлия ЭГГЕР

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (495) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Во время
Второй мировой
войны у ворот X
хоронили
советских
военнопленных.
В 50-х годах
XX века проход
замуровали.
Теперь в этом
месте находится
природный парк
Центрального
кладбища Вены
©Юлия Эггер

ВОРОТА Х С МНОЖЕСТВОМ НЕИЗВЕСТНЫХ

АВТОР

ЮЛИЯ ЭГГЕР

НА ЦЕНТРАЛЬНОЕ КЛАДБИЩЕ ВЕНЫ, ОТКРЫТОЕ ЕЩЕ В XIX ВЕКЕ, ЭКСКУРСОВОДЫ ВОДЯТ ТУРИСТОВ. В ЭТОМ МЕСТЕ НАШЛИ ПОКОЙ НЕМАЛО ВЕЛИКИХ И ЗНАМЕНИТЫХ ВЕРШИТЕЛЕЙ МИРОВОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ – ТОЛЬКО МОГИЛ КОМПОЗИТОРОВ И МУЗЫКАНТОВ ОКОЛО ДВУХ ДЕСЯТКОВ. СРЕДИ НИХ ЛЮДВИГ ВАН БЕТХОВЕН, ОТЕЦ И СЫН ШТРАУСЫ, ИОГАНН БРАМС, ФРАНЦ ШУБЕРТ, АНТОНИО САЛЬЕРИ.

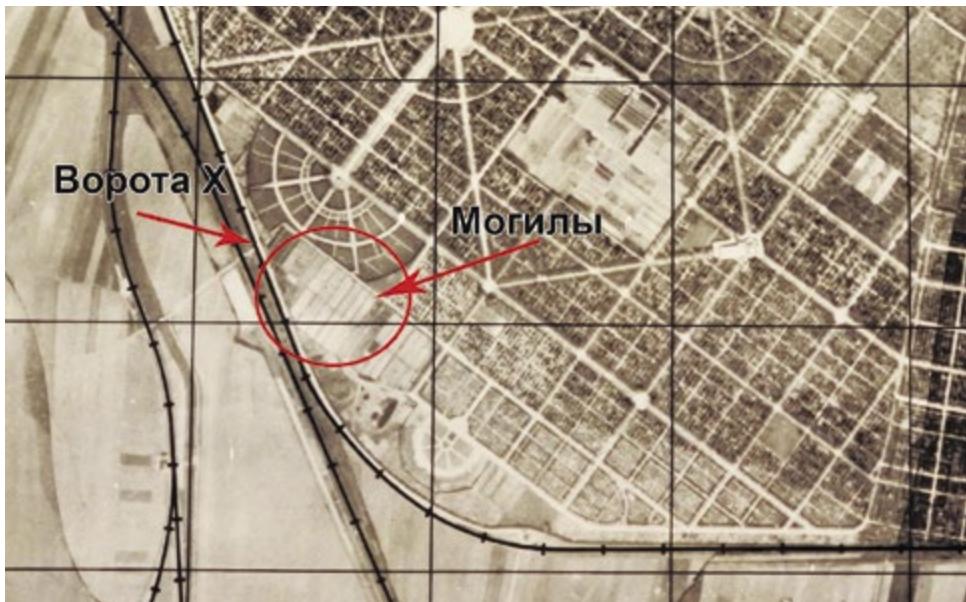
ОТДЕЛЬНЫЕ ГРУППЫ главного венского некрополя рассказывают об истории мировых войн. Два крупных военных захоронения австрийцы по привычке называют «русскими»: в могилах двух мировых войн похоронены несколько тысяч наших соотечественников.

В июне на карте Центрального кладбища австрийской столицы найдено еще одно место, рассказывающее о судьбах почти двух сотен советских граждан, погибших в немецком плену во время Второй мировой. Его заложили у ворот №10 в октябре 1941 года, но сразу после войны забыли на семь с лишним десятков лет.

ВОРОТА, КОТОРЫХ НЕТ

В самой глубине венского города мертвых, с противоположной стороны от монументального центрального входа, есть замурованные ворота с римской цифрой X на портале. До 1950 года посетители входили через них на кладбище с ближайшей остановки железнодорожного транспорта. О том, что у этих ворот с октября 1941-го по февраль 1945-го хоронили советских военнопленных, знали немногие. В документах венского кладбищенского управления территории у ворот X называлась «русским кладбищем». В апреле–мае 1945-го там еще можно было различить могилы с пронумерованными деревянными колышками. Мимо них во время боев за Вену и уже после войны на Центральное кладбище доставляли останки погибших советских солдат и офицеров, которых с воинскими почестями предавали земле в других местах огромного некрополя. Но отношение советского правительства к со-гражданам, попавшим в руки врага, было иным. Оказавшиеся в неволе советские граждане не стали для своей страны мучениками-героями. Поэтому захоронение советских военнопленных у ворот X предпочли забыть. Документы о погребении отправились в венский архив.

В послевоенные годы железнодорожные пути перестроили, станцию перенесли, а ворота за ненадобностью замуровали. Со временем могилы естественным образом сравнялись с землей. Уже в середине 50-х на месте захоронения осталась лишь поросшая травой зеленая лужайка, ставшая затем частью природного парка Центрального кладбища Вены. Дважды – в 60-х и 80-х годах прошлого века – на этом месте делали пробные подкопы, во время которых в земле были обнаружены останки человеческих тел. В 2001 году заметка о захоронении появилась в годовом журнале австрийского архива Сопротивления, который вы-

ходит небольшим тиражом. Автор подсчитал число погибших, но не назвал их имена. Только теперь, спустя 76 лет после начала Великой Отечественной, 22 июня 2017 года у ворот №10 в память о погибших советских пленных был открыт обелиск.

ИСТРЕБЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ ТРУД

Сразу после нападения на СССР Гитлер не планировал использовать труд советских военнопленных на территории Третьего рейха – эту задачу должны были выполнять гражданские, угнанные на принудительные работы. Труд военнопленных не мог использоваться на военных работах и согласно статье шестой Гаагской конвенции 1907 года. Но скоро ситуация изменилась. На заседании Нюрнбергского процесса, которое состоялось 12 декабря 1945 года, представитель американского военного трибунала Томас Додд цитировал документ германского министра труда, датированный 14 августа 1941 года, в котором говорилось: «По личному приказу рейхсмаршала Гиммлера необходимо передать авиационной промышленности 100 тысяч французских военнопленных из числа не занятых до сих пор в военной промышленности»... Выполнить эту директиву предписывалось до 1 октября 1941 года. В конце ме-

сяца появился новый документ, который позже тоже рассматривал международный трибунал в Нюрнберге: «31 октября 1941 года начальник штаба верховного командования издал специальный приказ, в котором говорится: «Фюрер издал приказ об использовании русских военнопленных в больших масштабах в военной промышленности».

Уже осенью 1941 года часть работоспособных советских узников, находившихся в лагерях на территории Остмарка – бывшей Австрии, в 1938 году ставшей частью Третьего рейха, – распределили по рабочим командам. Независимо от довоенной профессии они были задействованы на строительстве туннелей, дорог, на разборке завалов, на предприятиях горнодобывающей и металлообрабатывающей промышленности, на заводах по производству военной техники и запасных частей к ней.

Фельдмаршал вермахта Вильгельм Кейтель, признанный военным преступником и казненный в 1946 году по приговору Нюрнбергского трибунала, докладывал командованию в начале марта 1942 года, что «из 3,6 миллиона советских военнопленных всего несколько сотен тысяч пригодны к работе». Спустя месяц, в апреле 1942 года, начальник главного экономического департамента геста-

Аэрофотосъемка британской авиации до бомбардировки Вены в марте 1945 года. Ряды могил у ворот X еще хорошо различимы
©WStLA/
коллекция
ИЦ «Память»

по доносил Гиммлеру: «Война принесла заметные изменения в структуре концентрационных лагерей и изменила их обязанности. Главной целью является теперь использование заключенных в целях успешного ведения войны». «Это использование должно быть истощающим, чтобы добиться наиболее высокой производительности труда», – говорится в одном из апрельских приказов 1942 года. Принцип работы «истребление через труд» быстро распространился по всем лагерям Остмарка. В отличие от концентрационных лагерей Белжец, Малый Тростенец, Собибор, Треблинка, Хелмно или Ясеновац штала ги, олаги и дулаги бывшей Австрии формально не считались учреждениями для массового уничтожения узников. Но для советских пленных, находившихся на самой нижней ступени лагерной иерархической лестницы, они стали лагерями смерти. Условия содержания и обращения, тяжелейший труд, голод и болезни почти не оставляли им шансов выжить. К уже названным причинам гибели советских заключенных, работавших в промышленности, добавлялись еще как минимум три: смерть во время транспортировки, несчастные случаи на производстве и гибель во время бомбардировок самолетами авиации союзников.

Точное число советских узников, погибших в рабочих командах Остмарка, вряд ли когда-нибудь будет подсчитано. Но исследовательский центр «Память» установил имена 177 из 182 советских пленных, погребенных у ворот №10 Центрального кладбища Вены. Все они были приписаны к рабочим командам. Они умирали долго и мучительно. Причина смерти большинства из них указана в персональных картах пленных: туберкулез, тиф, воспаление легких, сердечная недостаточность, общее истощение, гибель при обрушении, во время транспортировки в лагерь и при бомбардировке, расстрел при попытке побега.

КЛАДБИЩЕНСКИЕ ПРАВИЛА

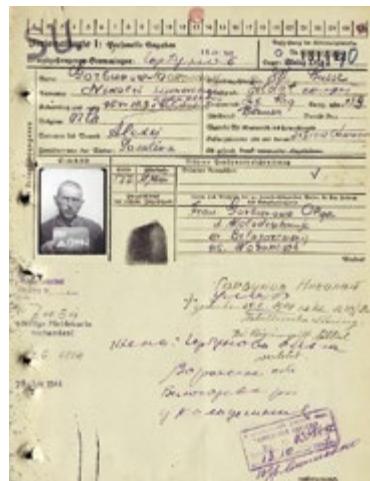
К воротам Х с осени 1941 года свозили только умерших советских пленных. Все они были приписаны к рабочим командам «большой Вены», города, переставшего быть столицей страны после аншлюса 1938 года и разросшегося почти в два раза за счет присоединения к нему 97 соседних населенных пунктов.

Личная карта №1 военнопленного Николая Горбунова. Он погиб при бомбардировке и 3 июня 1944 года был похоронен у ворот Х
© ЦАМО

Первого погибшего похоронили у ворот Х в октябре 1941 года. Как раз в это время появился документ, в котором до мельчайших подробностей был описан порядок погребения советских военнопленных. Присутствовать на похоронах разрешалось только сотрудникам лагерей и самим пленным, в том числе священникам из их числа, при этом гражданские лица туда не допускались. Класть венки на могилы советских пленных разрешалось, но на это не имели права граждане Германии. На венках могли быть только белые или черные ленты. Место захоронения должно было находиться поодаль от могил местных жителей. При одновременном поступлении большого количества трупов разрешалось хоронить их в общих могилах – траншеях. Директива также предписывала передавать советских пленных земле без одежды и не в гробах, а в так называемой асфальтовой бумаге – специальной бумаге, пропитанной битумом или техническим маслом.

В переписке с венской комендатурой вермахта руководитель городского похоронного отдела оспорил один из пунктов документа: «На Центральном кладбище не представляется целесообразным хоронить без гробов, так как случайные посетители кладбища, которые не знают, что это останки советских военнопленных, распространяют самые невероятные домыслы и разного рода слухи».

Изготовление гробов было затратным – почти в четыре раза дороже, чем стоимость асфальтовой бумаги, и в семь раз – чем обычная деревянная доска, к которой перед погребением привязывали тело. Но, памятую о ду-

шевном спокойствии местных жителей, умерших некоторое время все-таки хоронили в гробах. А затем нашли более дешевое решение проблемы: предавать земле останки советских пленных в темное время суток, оборачивая их в бумагу.

Всего пару месяцев, до тех пор, пока не началась эпидемия тифа, процедура погребения не менялась. В самом начале 1942 года санитарное управление снова подготовило письмо, в котором просило разрешения довозить умерших от тифа до места погребения в деревянных гробах из сырой древесины, обработанных специальным дезинфицирующим составом, а потом сваливать в могилу. В этом выражалась забота о здоровье местных сотрудников похоронной команды, которые так или иначе имели отношение к захоронению останков советских пленных.

В лагерях и рабочих командах все осталось по-прежнему: изнуряющий труд, минимум пищи и воды, отсутствие гигиенических условий, болезни, смерть. Больных доставляли в лазарет, чтобы констатировать смерть, или делали это прямо на месте, в лагере, а потом везли на кладбище. В конце войны их хоронили сами заключенные.

Фрагмент списка венского кладбищенского управления от 9 июня 1944 года. В нем указаны имена похороненных у ворот Х советских пленных
© WStLA/ коллекция ИЦ «Память»

ОТ 18 ДО 52

Самому старому из похороненных у ворот Х было 52 года, самому молодому едва исполнилось 18 лет.

Они попали в плен в боях под Брестом, Воронежем, Курском, Смоленском, Сталинградом, Орлом, Оршей, Ржевом, Ригой, Харьковом... Это уроженцы Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Молдавии, РСФСР, Украины. Большинство из погибших родом из крестьянских семей.

Из 182 человек, документы о погребении которых у ворот Х имеются в распоряжении исследовательского центра «Память», 107 до сих пор считались пропавшими без вести. Волонтеры из России помогли найти ныне живущих родственников пятерых павших.

Пехотинец рядовой Николай Алексеевич Горбунов попал в плен под Харьковом 26 июня 1942 года. 29-летнего крестьянина определили в штаблаг XVIIА Кайзерштайнбрух – один из самых крупных лагерей для военнопленных в Остмарке, расположенный в 40 километрах от центра Вены. Сейчас в этом месте находится лагерное кладбище, заложенное во время войны. Через месяц после прибытия в штаблаг XVIIА Николая определили в рабочую команду. Скорее всего, рабский труд пленного использовался на заводе по производству оборудования для строительства переправ и мостов. Затем его перевезли в другой район города, где в ремонтных цехах аэродрома Асперн погибло немало советских пленных. 11 марта 1943 года Николая переместили в последний раз. Металлообрабатывающее предприятие Vereinigte Wiener Metallwerke в венском районе Лизинг стало мишенью

-Russische Kriegsgefangene-	
29.	Lewadny Ilja, Br. Nr. 84438/XVIIIB
29.	Kurilow Wasil, Br. Nr. 129968/XVIIIA
29.	Schumichin Nikolai, Br. Nr. 83929/XVIIIB
29.	Gorbunow Nikolai, Br. Nr. 131442/XVIIIA
	Zentralfriedhof, Tor X-102/IV.
	Zentralfriedhof, Tor X-102/I.
	Zentralfriedhof, Tor X-102/III.
	Zentralfriedhof, Tor X-102/III.

для бомбардировщиков стран-союзников.

Николай Алексеевич Горбунов был смертельно ранен при бомбардировке 29 мая 1944 года. Его вместе с тремя советскими погибшими захоронили у ворот X Центрального кладбища Вены 3 июня 1944 года. До сих пор семья Николая Горбунова не знала, где похоронен их родной человек. «Мой дедушка, Николай Алексеевич Горбунов, 1913 года рождения, уроженец села Колодежное Воронежской области, погиб в плену. После войны к моей бабушке, жене погибшего, Ольге Федоровне Горбуновой, приезжал мужчина, который находился вместе с моим дедушкой в концлагере, – рассказывает внук погибшего Андрей Горбунов. – Семья узнала, что дедушка погиб у него на глазах во время бомбежки. Самолеты бомбили лагерь. Все легли на землю в укрытие, а дедушка остался стоять, хотя все кричали ему, чтобы ложился. У него остались двое детей: дочь Нина (умерла в 2010 году) и сын Алексей, мой отец (умер в 1992 году). Из внуков в живых остался я один».

Поиски родных продолжаются. Полный список погибших опубликован на сайте ИЦ «Память» www.memory-austria.at. Эта некоммерческая общественная организация создана живущими в Австрии россиянками Александрой Кольб и Юлией Эgger, занимается вопросами российско-австрийской военной и постсоветской истории и поиском погибших в Австрии советских граждан.

ОБЕЛИСК В ПАМЯТЬ О ПОГИБШИХ

После обработки информации о похороненных у ворот X и передачи ее в МВД Австрии и посольство России исполнительный директор Российского военно-исторического общества (РВИО) Владислав Кононов пообещал, что у десятых ворот будет установлен памятный

Кладбище штала XVIIA в населенном пункте Кайзерштайнерхру в 40 километрах от Вены
©Юлия Эgger

обелиск. Он был доставлен из России и открыт этим летом, в День памяти и скорби.

Стела у ворот X возвышается на 3,5 метра. Она украшена стилизованной звездой и надписями на русском и немецком языках: «Здесь покоятся советские военнопленные, погибшие в 1941–1945 годах. Российское военно-историческое общество 2017. Скульптор Д. Стриговиц. Никто не забыт, ничто не забыто». Расходы по установке обелиска взяла на себя австрийская сторона. «Противоположностью равнодушия является память», – отметила в своем выступлении во время открытия обелиска представитель австрийского Министерства внутренних дел Элизабет Слеха.

«Имя каждого похороненного бойца будет выбито на дополнительных пилонах, которые мы изготавлим и здесь установим к очередной памятной дате в следующем году», – отметил исполнительный директор РВИО Владислав Кононов во время церемонии открытия памятника.

Сегодня в Австрии известно более 300 советских воинских захоронений и памятных мест, связанных с историей Второй мировой войны. По государственному договору, заключенному в 1955 году между Австрией и странами – союзниками по антигитлеровской коалиции (СССР, США, Великобританией и Францией), и другим государственным правовым актам Австрия обязуется уважать, охранять и поддерживать на своей территории могилы воинов, военнопленных и принудительно привезенных в Австрию граждан союзных держав, а равно и иных государств Организации Объединенных Наций, находившихся в состоянии войны с Германией, а также памятники и эмблемы на этих могилах, памятники воинской славы армий, сражавшихся на территории Австрии против гитлеровской Германии.

СТОРОННИК ПАРАДОКСОВ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

НА НЕДАВНО ПРОШЕДШЕЙ ВЫСТАВКЕ В РИГЕ ЧЕСТВОВАЛИ ИЗВЕСТНОГО РУССКОГО ХУДОЖНИКА ЛАТВИИ НИКОЛАЯ УВАРОВА, РОДОНАЧАЛЬНИКА ЛАТВИЙСКОГО САТИРИЧЕСКОГО ЛУБКА, ИЗОБРЕТАТЕЛЯ ТЕХНИКИ КОФЕЙНОЙ ГРАФИКИ, ПОКЛОННИКА И ЗНАТОКА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА, АВТОРА СЕРИАЛА ПАРАДОКСАЛЬНЫХ КАРИКАТУР И ПОПУЛЯРНОГО ИЛЛЮСТРАТОРА КНИГ.

...Е

ГО ДЕД, ПРАДЕД и даже прапрадед были православными священниками. Дедушка Уварова служил священником в Ташкенте. Там и родился будущий художник. Но долго понежиться в тепле Николаю не довелось: в 1946 году,

когда ему было 5 лет, мама с сыном переехала в Латвию к своей сестре. Может быть, именно поэтому он всю последующую жизнь старался хотя бы раз в год обязательно побывать в Узбекистане. И до сих пор остается самым горячим поклонником Средней Азии.

МИР В ЧЕРНО-БЕЛЫХ ТОНАХ

Как и все дети советского времени, школьник Коля Уваров, конечно, знал, что живет в самой прекрасной стране. Но знал он и то, что в этой же самой стране были сталинские концлагеря, через мясорубку которых прошел его дядя – родной брат матери. Его рассказы навсегда запали в душу будущего художника и наложили свой отпечаток на его творчество. В детстве Николай интересовался русской историей, зачитывался балладами и сказками. В пятом классе прочитал книгу о Гитлере и задумался о проблеме подавления личности и возможностях исправления мира.

Уже тогда он мечтал стать художником. Почему-токазалось, что именно художники как-то могут повлиять на этот мир. Правда, Николай видел окружающий мир преимущественно в черно-белых тонах. Наверное, поэтому и выбрал графику.

Но до этого еще была армия, о службе в которой он вспоминает с теплом. Говорит, жили как в пионерском лагере: побудка,

На открытии персональной выставки Н.Н. Уварова в рижской галерее

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

утренняя зарядка, строевым шагом – в столовую и на занятия. О дедовщине тогда и не слышали. Это был период хрущевской оттепели, в их армейской библиотеке можно было найти много великолепных книг. Между прочим, именно в армии Уваров впервые прочитал и «Один день Ивана Денисовича» Солженицына. Такая вот была вольница... С армейских времен у Николая сохранился альбом с рисунками. И можно только поразиться тому, что выполнены эти работы любителем, даже не студентом Академии художеств.

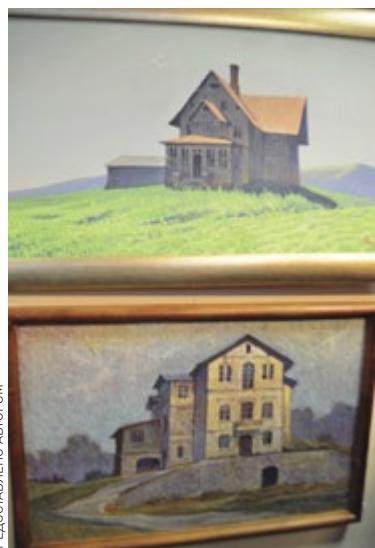
ХУДОЖНИК И ДЕТИ

Он дважды пытался поступить в Московский полиграфический институт, мечтая стать иллюстратором книг. Не пройдя по конкурсу, вернулся в Ригу и вскоре стал студентом Латвийской академии художеств. Учился Николай на отделении графики, получал стипендию – 28 рублей, а по вечерам подрабатывал оформителем на заводах, делая патриотические плакаты и лозунги. Платили за них хорошо. Летом студент на эти деньги мог путешествовать по всей стране, и даже еще оставалось.

Учился он легко и с радостью. По сравнению с Москвой или Ленинградом, как утверждает Николай, у рижских студентов было больше свободы, им многое позволялось, а полет творчества даже поощрялся. Молодого художника направили на элек-

тротехнический завод в бюро технической эстетики. Звучало это возвыщенно, но на самом деле было невыносимо скучно. Через полгода, как он сам признает, Николай почувствовал, что превращается в робота-идиота. И тогда он ушел работать в школу учителем рисования. С детьми все было иначе. Он разработал собственную методику преподавания, стремясь разбудить детское воображение. Иногда приходил в класс и объявлял: «Ребята, сегодня мы с вами будем читать Брэдбери». Весь урок ученики слушали его затаив дыхание. Иногда они разыгрывали цепные спектакли. В архиве Уварова до сих пор хранятся детские рисунки-фантазии его учеников.

Потом Николай работал в молодежной газете ретушером. Была раньше такая должность: рету-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Одна из последних работ внука православного священника с цитатой из «Капитанской дочки»:
«Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!..»

шер должен был подкрашивать и подрисовывать фотографии, чтобы лица героев или репортажные фото выглядели более четко и выразительно. Но редактор в дополнение к этому, не особенно творческому делу предложил Николаю заняться и общим оформлением газеты, чтобы она стала интересной и молодежной не только по духу, но и по виду. Обещал не мешать творческому процессу. И слово свое сдержал, за что мы, читатели «молодежки», ему до сих пор благодарны. Художник-новатор разработал свою систему рубрик и художественных плашек в газете, которые сразу выделили ее из общего ряда изданий. Он делал иллюстрации к газетным публикациям, что тоже тогда было редкостью.

Но вот наступил 1980 год, а с ним – завинчивание гаек, выхолащивание всего творческого, что не подпадало под стандарты. Николай Уваров ушел в медицинское издательство, а потом и вообще – на вольные хлеба.

Художник наконец обрел свободу...

СИНТЕЗ ОБРАЗА И СЛОВА

Свобода началась с его фантастичных миниатюр, названных... «дебилками». Это такие карикатурные и очень злые картины с не менее злым текстом и подтекстом. Что же так разозлило в общем-то доброго человека? «Все художники немножко провидцы. Так и я в конце 80-х отчетливо увидел, что народ используют в качестве статистов, – поясняет Николай появление своих карикатур. – В рисунках того периода я выразил свое отношение к происходящему вокруг нас. И вовсе это не шутки и не приколы. Это – взрывоопасный материал, свидетельство истории и документы эпохи».

Свою особую стилистику в сатирической графике рижский художник нашел с подачи питерских художников-неконформистов – митьков, когда случайно в застойные годы впервые попал на их полузакрытую выставку на Нарвской заставе в Ленинграде.

Картины из серии «Портреты домов»

де. «Меня тогда как будто громом ошарашило, – вспоминает карикатурист. – Например, цикл работ Дмитрия Шагина «Добрые дела», выполненный в стиле древнегреческих фресок или настальной живописи. Условные, плоскостные фигуры слегка дебильных персонажей и текст типа – «доброе дело – переводить старушку через дорогу. Я перевожу старушку, ты переводишь, мы переводим...». До этого я так долго искал свой стиль и язык, а тут вдруг увидел: вот он – универсальный синтез образа и слова! И он меня полностью покорил. Наверное, сказалось, что сам я из филологической семьи – мама преподавала синтаксис в университете, отец всю жизнь был школьным учителем русского языка и литературы. В детстве я запомнил читал русские народные сказки. Если поковыряться в русском фольклоре, это же невероятное огромнейшее богатство – целая галактика!»

В Латвии Уваров фактически стал зачинателем этого жанра – русского сатирического лубка на актуальные темы. А тут как раз перестройка подоспела, Латвия стала независимой, в стране начались разброд и шатания. Лубочная стилистика пришла как нельзя кстати. Уваровские «дебилки» высмеивали нападки на русский язык и культуру, преклонение перед американскими и западными ценностями, стремление на любых условиях примкнуть к сильным мира сего, жертвуя интересами своего народа и даже своими традициями. Вот, к примеру, его картинка «Здорово, орлы!» была создана в 2004 году, когда три страны Балтии вступали в ЕС. Три обицапанных тощих петушка с гордым видом шагают навстречу приманивающему их повару с плотоядно высунутым языком. А за его спиной помощник, облизываясь, уже держит наготове нож и поварешку...

Впрочем, неблагодарное это дело – лубок пересказывать, его надо рассматривать, взглядываться и вдумываться. Все творчество Уварова пронизано фольклором и обыгрыванием слов, понятных только русскоязычно-

Сборник рассказов-страшилок от Э. Успенского с карикатурами Н. Уварова

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

му человеку. Ну кто, кроме русского человека, поймет его миниатюры «Вертится на языке» или «Наш папа офонарел»? «Николай, а как рождаются ваши сюжеты?» – спросил его кто-то из журналистов.

«Это не я придумываю, это жизнь подсказывает. Надо только уметь слышать, – заверил художник-сатирик. – Пройдешься неспешно по городскому базару или в транспорте пойдешь – обязательно что-нибудь да услышишь. Вот вчера в голове сложилась фраза: «Америка получила несовместимые с жизнью трампы»... Или вот недавно мне рассказали чудный лингвистический анекдот: «Он держал ее за талию, она его – за дурака. Так они и болтали – он о жизни, она ногами...» Это ж прямо так и просится на карандаш!»

Неудивительно, что когда-то именно рижскому художнику-карикатуристу детский писатель Эдуард Успенский доверил ил-

люстрацию своих рассказов-страшилок из пионерского детства. Во многих работах Уварова проходит тема фашизма и вытравливания из себя раба. Фашизм – это ведь тоже диктатура посредственности, философия скота, пришедшего к власти. И эта тема до сих пор присутствует на рисунках Уварова. Сам он считает «дебилки» чем-то вроде исповеди. Но это не самобичевание, нет. Скорее, самолечение. Неприятно? А что делать – лекарство почти всегда бывает очень горьким...

«И ЕЩЕ МНОГОЕ, НЕПРЕДСКАЗУЕМОЕ...»

Вот некоторые из направлений творчества Уварова: библейские мотивы, фантастика, философские рисунки, горы, путешествия, пейзажи, мимолетные видения. Последнее называется: «И еще многое, непредсказуемое»... Десять лет он практически не выставлялся – много болел, отказали ноги. Но руки-то кисть и карандаши еще держать могут! Правда, художнику почти полностью пришлось перейти на миниатюры. Поэтому на его персональной выставке больших полотен было немного.

Кажется, в его работах главную роль играет не объект изображения, а пространство, воздух. Художник считает, что тогда и сама картина «приобретает дыхание». Одна из его работ так и называется: «Портрет горно-

Один из образчиков цветного лубка Уварова

го воздуха на рассвете». Если внимательно присмотреться и прислушаться, то можно почувствовать легкое дуновение ветерка и прохладу. Возможно, секрет здесь и в чисто уваровском нововведении. Классическую пастельную живопись он выполняет на специально подобранный... нахадчной бумаге, что придает картинам оригинальную фактуру и глубину. Такой вот очередной парадокс от Николая Уварова – горный воздух на обычной нахадчке... Ему нравится затягивать зрителей в пространство. Многие именно для этого и ходят на выставки его картин. Просто нигде больше такого не увидишь – только у Уварова. Сейчас, правда, это редко случается. У русских художников Латвии не так много возможностей для проведения персональных выставок. Открытие каждой из них – событие для всего нашего русскоязычного братства. В рижскую галерею полюбоваться на уваровские творения пришли коллеги-художники, друзья, ученики и давние поклонники его творчества. Поздравляли, вспоминали, благодарили... Анна Тихомирова – особая гордость учителья. Она пришла к нему в студию учиться, когда ей было 13 лет. Сейчас сама дает детям уроки рисования. Другой его ученик, Дмитрий Аверьянов, стал в Риге модным архитектором, еще одна ученица Николая после учебы в Европе проходила стажировку как сценограф в «Ла Скала»...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«Акварели»
на кофейной
гуще рождаются
на кухне перед
завтраком

Кофе. Пушкин.
Лукоморье

ЧАШКА КОФЕ НА СТОЛЕ

А вот совсем недавнее изобретение Николая – миниатюры, написанные свежеприготовленным растворимым кофе. Уваровские «50 оттенков коричневого» выглядят как старинные линогравюры. Каждое утро, сидя у себя на кухне в типовой хрущевке, художник, как кажется со стороны, гадает на кофейной гуще. И пока не закончит очередную «акварель», к завтраку не приступит. Здесь у него и дорога к Храму, и Ходжа Насреддин, и Пушкин у Лукоморья... В планах – закончить работу над иллюстрациями к Ветхому Заве-

ту – от создания мира до Исхода. Кофе должно хватить, да и сил тоже...

Особо почетным гостям, пришедшим на открытие его выставки, Николай Уваров вручал репродукцию своей последней «акварели» на военную тему. На фоне тревожного кровавого заката возникают летящие «мессеры», внизу – сплошная мертвая зона, одинокие обгоревшие деревья, кресты. И надпись «22 июня 1941 г. – ПОМНИТЬ ВЕЧНО!». День Победы для него остается святым днем. Несмотря на свой недуг, 9 Мая он всегда старается попасть к памятнику Освободителям Риги. Как и большинство русскоязычных жителей Латвии, внук православного священника приходит сюда для того, чтобы почтить память павших воинов.

«Как художник может ответить на попытки политиков пересмотреть итоги Второй мировой войны? Своим творчеством, – говорит Уваров. – Я абсолютно уверен, что только благодаря победе над нацистской идеологией человечество не погибло. Грустно, что сегодня не все это осознают. Увы, дебилизм явление бесконечное. Значит, и нам еще рано складывать кисти...».

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

КАЗАКИ «ЛО-ЧА»

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ИХ НЕВОЗМОЖНО ОТЛИЧИТЬ ОТ КИТАЙЦЕВ. ПО-РУССКИ ОНИ НЕ ГОВОРЯТ. ОДНАКО ПРЕДКОВ СВОИХ ПОМНЯТ И СОХРАНЯЮТ РУССКИЕ ИМЕНА И ФАМИЛИИ, ЧТО ОТОБРАЖАЕТСЯ В ИХ КИТАЙСКИХ ПАСПОРТАХ: ДУ – ДУБИНИНЫ, ЯО – ЯКОВЛЕВЫ.

ОТЫСКАТЬ АЛБАЗИНЦЕВ – задача не из легких. В среде современной русской диаспоры в Пекине о потомках албазинских казаков знают и лишь изредка с ними встречаются. Сами албазинцы какой-то единой общиной не являются. Они непросто идут на контакт, по-русски не говорят, мало кто из них знает какой-либо другой язык, кроме китайского. Тем не менее албазинцы гордятся своим происхождением, сохраняют некоторые русские традиции и, как они считают, самое главное – православную веру. С Матроной из рода Яковлевых я встретился благодаря одному пекинскому русисту, который любезно согласился быть переводчиком.

САВВА И СИМЕОН

Я подозревал, что албазинцы помнят свои русские фамилии благодаря древней китайской традиции составлять родовые таблички – цзяпу. В старом Китае цзяпу имелись даже у крестьян, записывавших на них имена предков, живших сотни лет назад. Однако о наличии таких та-

блазинцы на литургии в храме Русской духовной миссии в Пекине. Рисунок сделан с натуры «рисовальщиком» миссии Иваном Чмутовым в 1850-е годы

Последний начальник духовной миссии, архиепископ Пекинский Виктор (в центре), епископ Харбинский Никандр (слева) и двоюродный дед Матроны епископ Шанхайский Симеон (справа)

бличек у албазинцев Матрона не знает. Что касается истории переселения в Китай, в их семье ее рассказывали так. После взятия китайцами острога Албазин (в китайской традиции – Яксы) 45 пленных казаков, героически оборонявших приграничную крепость, привели в Пекин. Версию о добровольном переходе на службу к китайскому императору албазинцы отрицают категорически. Весь путь пленники проделали пешком, большинство при этом погибли. До столицы Китая смогли добраться представители пяти фамилий: Дубинины (в Китае ставшие Ду), Яковлевы (Яо), Романовы (Ло), Хабаровы (Хэ) и Холостовы (Хо). Правитель Китая оценил мужество и боевые качества казаков: в составе личной императорской гвардии была создана специальная Русская сотня. А самих албазинцев китайцы называли «ло-ча». Казакам положили хорошее жалованье, дали землю, дома, жен. Последними были то ли придворные девицы, то ли вдовы казненных преступников – в разных семьях бытуют различные версии. Так албазинские казаки стали смешиваться с китайцами, превратившись в особое этническое сообщество – китайское по языку и православное по вере.

Далее семейная история Матроны переносится сразу в 1900 год – восстание ихэтуаней (Боксерское восстание). Прадед Матроны по материнской линии был растерзан религиозными фанатиками и стал одним из китайских мучеников, прославленных в лице святых. Все это происходило на глазах деда Матроны – Саввы, тогда маленького мальчика. Савву от ихэтуаней спрятал его дядя, который затем пристроил сироту в Русскую духовную миссию (РДМ) в Пекине. Савва получил образование в Москве, где учился и работал почти двадцать лет. Думал навсегда остаться в России, но его брат Федор Ду – священник православного храма в Тяньцзине – убедил Савву, что он нужнее в Китае. Савва вернулся, поселился в Тяньцзине, работал в русском издательстве, в политику не вме-

шивался, жил скромно, отдавая большую часть заработанных денег на поддержание РДМ. А отец Федор в 1950 году стал первым китайцем-архиереем – викарием Пекинской епархии, епископом Тяньцзиньским Симеоном (Ду). Родители Матроны, Николай и Мария, до 1950-х годов работали на молочной ферме при РДМ в пригороде Пекина. У миссии тогда было большое хозяйство, даже мыловарни свои имелись. А в 1954 году, после упразднения РДМ, ее территория была отдана под посольство СССР в КНР. Китайские власти выселили албазинцев с земли, где они прожили почти триста лет. Правда, большинство из них переселились поблизости с бывшей миссией. Почему – не совсем понятно. Может быть, ждали, что все вернется на круги своя?

Отец Матроны продолжал работать на той же ферме, ставшей полугосударственной. Сама Матрона выучилась на медработника и трудилась в городской больнице. Ее сестра стала учительницей в школе, брат сделал успешную карьеру, заняв пост руководителя пекинского кабельного телеканала.

Матрона помнит, что ее мать хранила старые русские иконы, красила на Пасху яйца – точнее, расписывала их кисточкой. А вот традиция пасхальных куличей у албазинцев не сохранилась. Возможно, потому, что слово «кулич» в китайском языкеозвучно с понятием «хлеб для тех, кто занят тяжелым физическим трудом».

ПО ЮЖНОМУ ПОДВОРЬЮ

Сколько сейчас албазинцев в Китае – подсчитать сложно. Сами албазинцы говорят, что их приблизительно 300–400 человек. Большинство живут в Пекине, несколько десятков – в Тяньцзине, есть албазинцы в Харбине, Шанхае, Ухани, вероятно, и в других крупных городах. Из пяти родов, приведенных в Китай, до нашего времени сохранились представители трех фамилий – Ду, Яо и Ло. Самым многочисленным является род Дубининов (Ду).

IT-специалист Николай Дубинин владеет английским языком, что для албазинцев редкость. С Николаем и его отцом Виктором мы встретились у ворот посольства России. Место встречи выбрали сами албазинцы – хотели пройтись по дорогому сердцу району, где жили их предки. Так что мы отправились гулять по перестроенным кварталам, где некогда располагалось южное подворье РДМ. Виктору Дубинину 79 лет. Он учился в русской школе при

Виктор Дубинин у ворот, за которыми располагалась последняя православная церковь в Пекине – так называемая новая Успенская церковь

Николай Дубинин – активный деятель популяризации православия в Китае, на эту тему он ведет блог на английском языке

Малолетний Виктор Дубинин на руках у своей бабушки Галины. Справа – его мама София

миссии, но признается, что русский язык забыл. Виктор пытался найти и показать мне некое «кафе», во дворе которого когда-то стояла последняя действующая православная церковь, закрытая в период «культурной революции». На улицах, давно застроенных новыми домами, он чувствовал себя неуверенно. Поначалу посчитал, что на том месте, где раньше стоял храм, сейчас находится европейский ресторан, из окон которого доносились русская речь. Но потом решил, что историческое место все-таки по соседству: ныне здесь какая-то забегаловка.

Примерно до 2000 года большинство албазинцев проживали недалеко от российского посольства. После реконструкции квартала они разъехались по всему городу. Дубинины переселились в современный район на севере столицы. Отец с сыном пригласили меня к себе в гости.

Нас ждала с угощением мать Николая – Маклина из рода Яковлевых. Пока хозяйка накрывала на стол, я успел осмотреться. Заметил в гостиной низкий столик, заваленный разобранной раритетной техникой: катушечный магнитофон, кассетный плеер, транзисторы, лампы... Виктор признался, что и на пен-

Гвардейцы, ставшие мучениками

После взятия китайскими войсками в 1685 году острога Албазин на Амуре часть русских казаков была уведена в Пекин. Казаки быстро ассимилировались и уже в начале XVIII века больше походили на китайцев. Тем не менее одним из основных мотивов открытия в 1716 году в Пекине Русской духовной миссии (РДМ) было как раз окормление албазинцев.

В XIX веке албазинцы почти полностью потеряли свое привилегированное положение в китайской армии, современники описывали их как людей заносчивых, гордящихся своим гвардейским прошлым, считавших всякое занятие недостойным. Многие албазинцы так или иначе были связаны с РДМ. Но российское духовенство относилось к ним довольно пренебрежительно, считая, что они отступятся и от православия, и от миссии, как только перестанут получать от нее помощь. Восстание ихэтуаней в 1900 году доказало несправедливость такого отношения к албазинцам. Радикально настроенные против европейцев и христиан ихэтуань сожгли дотла территорию миссии, уничтожили несколько сот православных китайцев, большинство из которых были албазинцами. Избежать смерти было нетрудно – ихэтуань требовали от китайцев только отречься от Христа. Но албазинцы сознательно шли на смерть.

После восстания ихэтуаней РДМ восстанавливалась на той территории, которую когда-то император выделил для своей Русской сотни. В 1904 году в память о погибших за веру Христову китайцам в центре миссии был построен оригинальной архитектуры храм Всех святых мучеников, в склепе которого в мраморных гробницах поместили останки жертв ихэтуаней.

Почти все албазинцы работали либо при миссии, либо (после революции 1917 года) в русских эмигрантских организациях. Приход к власти китайских коммунистов в 1949 году привел к исчезновению русской диаспоры, а впоследствии и РДМ.

Епископ Пекинский и Китайский Василий (Яо) в метро. Снимок сделан после епископской хиротонии, состоявшейся 30 мая 1957 года в Преображенском храме в Москве

Уцелевшие после восстания ихэтуаней албазинцы со своей иконой-святыней. 1901 год

ции не забывает свою специальность радиоэлектронщика, разбирает и собирает старую технику в свое удовольствие. А вот каких-то старых вещей, оставшихся от предков, у Дубининых нет. В семье хранится лишь несколько фотографий Дубининых и Яковлевых начала XX века. Вообще-то представители этих родов – родственники. Епископ Симеон (Ду) по линии отца приходится Николаю двоюродным прадедом, а по линии матери Николай считает своим родственником первого предстоятеля Китайской авто-

номной православной церкви, епископа Пекинского Василия (Яо). В 1957 году епископ Василий побывал в Москве, сохранилось несколько занимательных фотографий, например как китайский епископ едет в московском метро...

Иконы в доме Дубининых тоже имеются, но не старинные. Образов китайских мучеников нет во все. Наверное, единственный из албазинцев, у кого такая икона имеется, – брат Маклайна Борис, который привез образ китайских мучеников несколько лет назад из США. За Борисом, проживающим неподалеку, мы заехали на машине и все вместе отправились на бывшее русское кладбище, ныне – парк Цинняньху.

ЗА АНЬДИНМЭНЬСКИМИ ВРАТАМИ

На входе красуется новенький плакат с картой парка и описанием его истории. Виктор и Борис припали к плану, обсуждая, как выглядело это место во времена их молодости. Я прочитал историю парка на английском языке... Ни слова о некрополе РДМ – просто «болото», превращенное передовой коммунистической молодежью в прекрасный парк. Энтузиазм у этой молодежи был завидный: они лопатами выкопали огромный водоем, занимающий более трети территории парка – 61 гектар. В честь этого и назвали парк «Цинняньху», что означает «Молодежное озеро». В старые времена неподалеку располагались

Аньдинмэньские врата городской крепостной стены, отсюда и встречающееся в источниках название «кладбище за Аньдинмэньскими вратами».

Цинняньху – типичный пекинский парк: лодочки в пруду, плачущие ивы над водой, аллеи тополей, старички упражняются на нехитрых тренажерах, дети ползают по лестницам и смешным каменным толстякам... Вот и большой остров, обведенный узким каналом. Здесь и располагалось кладбище. Хоронили на нем с начала XVIII века – русских, албазинцев, православных китайцев. А теперь на острове гольф-клуб. Виктор вспоминает, что кладбище возвышалось над камышовыми зарослями, к нему поднимались с разных сторон две лестницы. Аккурат на месте северной лестницы сейчас – мостик и вход в клуб. Виктор, как пламенный оратор, эмоционально жести-

кулируя, рассказывал нам: «Дед здесь лежит – протоиерей Василий Дубинин, китайские мученики здесь, церковь стояла. Почему всё разорили?»

Церковь в честь преподобного Серафима Саровского на кладбище вмещала 350 прихожан. Строили ее в 1903–1906 годах на деньги китайского двора – в качестве компенсации за ущерб, нанесенный ихэтуанями русской миссии. Некрополь действительно имеет особую ценность: здесь покоятся и мученики китайские, и мученики алапаевские – члены дома Романовых, убитые в 1918 году в заброшенной шахте под Алапаевском. Армия адмирала Колчака тела убитых из шахты вызволила и, отступая, везла их на восток. В апреле 1920 года останки прибыли в Пекин. Тела великой княгини Елизаветы Федоровны и ее келейницы Варвары отправили в Иерусалим, где погреб-

Храм
Всех святых
мучеников
на северном
подворье стал
главным храмом
возрожденной
миссии

ли под храмом Святой Марии Магдалины. А останки великого князя Сергея Михайловича и еще пяти алапаевских мучеников остались в Пекине. Они были запаяны в металлические гробы и поставлены в склеп под амвоном церкви Преподобного Серафима Саровского на кладбище за Аньдинмэньскими вратами. Сначала предполагалось, что тела Романовых будут покояться на территории РДМ. Однако пекинские власти запретили ввозить их в черту города. Разрешение было получено только в 1938 году, когда в Пекине хозяйничали японцы. В том же году алапаевские и китайские мученики оказались в храме Всех святых мучеников на территории РДМ. Спустя девять лет последний руководитель Русской духовной миссии, архиепископ Виктор (Святин), уже перешедший под юрисдикцию Русской православной церкви, получил из Москвы распоряжение захоронить останки Романовых на миссионерском кладбище. Ночью на нескольких подводах гробы тайно перевезли обратно в склеп Серафимовской церкви, который тщательно заботонировали.

Борис, Виктор и Николай в парке Цинняньху. Албазинцы были особенно довольны тем, что им впервые удалось пройти непосредственно на газон гольф-поля

В 1954 году владыка Виктор получил из Московской патриархии последнее предписание: миссию упразднить, все имущество передать советскому посольству в Китае, русских священников отправить в СССР. Советские дипломаты давно присматривались к территории РДМ. В 1924 году имущество миссии от захвата спасли только грамотные действия архиепископа Пекинского и Китайского Иннокентия (Фигуровского), который доказал властям, что РДМ в Китае является самостоятельным образованием и ее имущество никак не может быть приравнено к собственности СССР. Но в 1954 году отстоять миссию не получилось. Новые хозяева снесли колокольню и храм Всех святых мучеников на территории РДМ. Останки мучеников успели перенести на русское кладбище.

ДВА СТАРОЖИЛА

Коммунистическая молодежь копала здесь свое озеро в 1959–1960 годах. Кладбище почти не затронули: оно оставалось на холме за высоким кирпичным забором. В годы «культурной революции» некрополь хоть и был несколько раз осквернен, но выстоял. В храме Серафима Саровского устроили склад, кладбище приходило в упадок. В 1986–1987 годах пекинские власти в рамках реконструкции парка расширили его территорию, а некрополь снесли. Виктор Дубинин вспоминает, что снос занял не одну неделю. Советское посольство не вмешивалось в происходящее. Тем более обидно, ведь времена в Китае уже были иные, отношения с СССР налаживались, готовился визит Горбачева в Пекин. Храм и кладбище вполне можно было бы сохранить. В конце концов некрополь можно было перенести, как это сделали в Харбине в те же самые годы...

Дубинины уверены, что останки их предков, а также святых мучеников так и покоятся под газоном поля для гольфа. Виктор утверждает, что масштабных земельных работ на кладбище не производилось, его просто выровняли бульдозером, оставив в земле и часть могильных плит. В качестве доказательства Виктор показал фотографию надгробия некоего монаха Мелиссена, сделанную им на «выровненном» кладбище.

Наша живописная группа привлекла внимание какого-то старика, прогуливающегося по парку. Оказалось, он – местный старожил, так что Виктор и наш новый знакомый начали что-то горячо обсуждать. Причем так, что создавалось ощущение, что разговор вот-вот перерастет в драку. Однако Николай успокоил: старики вспоминают молодость, то, как «хорошо было организовано кладбище». Старожил, в частности, был благодарен русским, которые нанимали его родню присматривать за могилами и хорошо платили.

Русское кладбище за Аньдин-мэньскими вратами. На заднем плане церковь Серафима Саровского. Говорят, колокола церкви и несколько надгробий хранятся в одном из пекинских музеев

Могильная плита монаха Мелиссена на разрушенном кладбище.
1987 год

Мы уже обогнули почти весь остров. Общительный старик стал прощаться с нами, посоветовав найти в парке другого старожила, живущего в этом районе уже восемьдесят лет и много знающего о русском кладбище. И мы его нашли: на площадке среди авангардных скульптур, где местные пенсионеры собираются поиграть в китайское домино.

Старичок в инвалидной коляске подтвердил, что живет в этом районе более восьмидесяти лет, и дружелюбно поинтересовался, зачем он нам понадобился. Но, услышав вопросы о русском кладбище, он неожиданно развернулся и шустро припустил от нас на своей коляске. Догонять его мы не стали...

«ВЕРИТЬ И ПЫТАТЬСЯ»

Самую суть своего русского духа албазинцы видят в православной вере. Собственно, это главный показатель, по которому они отличают албазинца от китайца, пусть даже кто-то из родителей и является потомком албазинских казаков. Правда, православная вера у албазинцев довольно своеобразная, это, скорее, некая православная традиция. К примеру, никаких молитв Дубинины не знают, молитвословия не имеют, Евангелия – тоже. В этом смысле Матрона – самая продвинутая. Крестилась она осознанно в 1990-е годы, молится по молитвослову на китайском языке, составленному еще сотрудниками РДМ и поправленному современным российским синологом. Матрона с несколькими другими албазинцами ездила в Россию на место подвига своих предков-казаков – в село Албазино Амурской области. Один из попутчиков Матроны там крестился, другой – высыпал на албазинском кладбище землю с могилы своих родителей, а с собой в Китай увез горсть земли предков. Последние лет двадцать Матрона занималась приобщением албазинцев к церковной жизни, мечтая о восстановлении хоть в каком-то виде православной церкви в Пекине. Церковь, находящуюся на территории российского посольства, албазинцам разрешили посещать только в последние годы и лишь по большим праздникам. Матрона еще в конце 1990-х годов подавала

в Управление КНР по делам религий прошение позволить албазинцам организовывать богослужения на 12 главных христианских праздников. Ответа нет до сих пор. Каждый раз для того, чтобы провести литургию, приходилось обивать пороги чиновников, тратить на получение разрешения уйму времени и сил. За двадцать лет Матрона сумела организовать не более десятка служб. Богослужения проходили, как правило, в одном из католических храмов Пекина, служили священники Русской православной церкви.

Но у Матроны руки опустились: лета уже преклонные, китайские религиозные порядки не постижимы в своей строгости, да и между самими албазинцами нет единого видения восстановления церковной жизни. Дубинины, к примеру, уверены, что нужно добиваться от властей компенсаций за снесенные храмы и дома, требовать, по возможности, возврата собственности – это они уже пытались делать, обращаясь в пекинский муниципалитет. Матрона и ее

сторонники считают, что такая позиция только усугубит ситуацию, нужно все старое забыть и самим создавать свою новую церковь. Насколько я понял, основная причина разлада внутри албазинцев именно в этом и заключается.

Правда, прошедший год ознаменовался небывалым событием, объединившим всех албазинцев. На Пасху 2016 года – в год общечерковного прославления китайских мучеников – Отдел внешних церковных связей Московского патриархата организо-

Успенская церковь на территории посольства России в Пекине. Восстановлена в 2009 году

Матрона – одна из немногих албазинцев, кто составил свою подробную родословную до прадеда

вал для албазинцев паломническую поездку в Москву, Сергиев Посад, Тверь, Великий Новгород, Санкт-Петербург, а также встречу с патриархом Кириллом. Эта поездка собрала сразу 40 албазинцев. Таким большим и единым сообществом они не выступали, наверное, со времен существования РДМ.

Ну а теперь Матрона думает уйти в монастырь. Пока еще точно не знает в какой. Переехать ради этого в Россию вряд ли получится. Русский язык Матрона не дался, хотя она несколько лет целенаправленно занималась с разными преподавателями. Зато у Матроны есть подруга, живущая в Греции, которая обещает устроить албазинку в местную женскую обитель.

А Николай Дубинин полон решимости продолжить борьбу за наследие предков. Добиться от властей восстановления храма на бывшем кладбище – одна из его смелых идей. Сам он, конечно, понимает маловероятность положительного исхода дела, но все же несколько раз во время нашей встречи повторял: «Мы должны верить и пытаться!»

«ДЕД БЫЛ ОЧЕНЬ СКРОМНЫМ...»

БЕСЕДОВАЛА

ФОТО

МАРИЯ БАШМАКОВА

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ДРАМАТИЧЕСКАЯ АКТРИСА С ДИВНЫМ МЕЦЦО-СОПРАНО – НАТУРА ЯРКАЯ. ЕЕ ЛЕГКО ПРЕДСТАВИТЬ В ОБРАЗЕ ГЕНЕРАЛЬШИ ЕПАНЧИНОЙ – НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ И ВЗБАЛМОШНОЙ. ИЛИ В ОПЕРАХ МОДЕСТА МУСОРГСКОГО И МИХАИЛА ГЛИНКИ. МАНАНА ГОГИТИДЗЕ, КАК И ЕЕ ДЕД, КОМПОЗИТОР АНДРЕЙ ПЕТРОВ, СВОБОДНА ОТ ПОСЛЕДСТВИЙ ИСКУШЕНИЯ МЕДНЫМИ ТРУБАМИ, ХОТЯ ДВАЖДЫ СТАЛА ЛАУРЕАТОМ «ЗОЛОТОЙ МАСКИ». ОНА ПРОДОЛЖИЛА МУЗЫКАЛЬНУЮ ДИНАСТИЮ, ВЫБРАВ ЖАНР МЮЗИКЛА. В ЭТОМ ИНТЕРВЬЮ ПЕВИЦА РАССКАЗЫВАЕТ, ЧТО СПЛАЧИВАЕТ БОЛЬШУЮ СЕМЬЮ И КТО ПОМОГ АНДРЕЮ ПЕТРОВУ НАПИСАТЬ МЮЗИКЛ.

— **М**

АНАНА, ВЫ ЗВЕЗДА МЮЗИКЛОВ. У ВАС ЕСТЬ РОЛЬ, О КОТОРОЙ МЕЧТАЕТЕ?

— Роль-мечта есть, но не уверена, что она осуществима для российского артиста, — выступить на Бродвее. Много прекрасных мужских ролей мне нравится. Я все время подпеваю мужским партиям, у меня низкий голос.

— Впервые на Бродвее вы побывали с дедушкой?

— Да. Я была студенткой. Дедушка водил меня на бродвейские мюзиклы. Я влюбилась в Нью-Йорк, Таймс-сквер, Бродвей. Сейчас понимаю и смею заявляю: наши артисты не хуже. Хорошо бы освежить воспоминания, потому что впечатление было неоднозначное. Все классно поют, классно двигаются и играют, но они как будто куклы. Нет такой жизни, страсти, как у наших артистов.

— Что Андрей Павлович слушал для души?

— Честно говоря, я не помню, чтобы дед слушал музыку для души — что-то было для работы или по чьему-то совету. Сужу по себе: если профессия связана с музыкой, то когда появляется возможность отдохнуть от нее, ты это делаешь. Я тоже люблю тишину, как и дед. А мужу, наоборот, нравится фоновая музыка. Мне это тяжело: я начинаю прислушиваться к словам, исполнению. Потому и в машине езжу в тишине, если не требуется по работе что-то слушать. В отпуске сейчас не выдала ни одной ноты! Хотя бывает, кто-то слово скажет — и я к нему песню вспоминаю. А с друзьями мы любим попеть все подряд — от Пугачевой до рока. Так же было и с серьезными книгами: мама предлагала или читала, чтобы нас завлечь, несколько глав. Дальше мы читали сами. Знаете, дед с любовью и уважением относился к Юрию Шевчуку, и это было взаимно. Макаревич, Бутусов — он любил классический рок. Дед ко всем музыкальным жанрам, кроме от-

кровенной попсы, относился с интересом: к року, мюзиклу, опере. Дома звучала Элла Фицджеральд, Стиви Уандер — один из любимых певцов моей мамы. У дедушки была полка с пластинками: «АВВА», «Битлз», помимо классики. Мы слушали.

— А ведь Андрей Петров и сам написал мюзикл, верно? Хотя он вроде бы не очень «рифмуется» с этим жанром.

— Вы правы: Андрей Петров ассоциируется с киномузыкой, но у него есть и балеты, и симфонические произведения, и оперы. Знаете, сама я на оперу прихожу крайне редко, для меня этот жанр сложный, не до конца могу его прочувствовать или понять, но оперу дедушки «Петр Первый» слушала раз, наверное, двенадцать. В ней особая мелодичность... Дедушка написал мюзикл «Капитанская дочка» в соавторстве со своей дочерью — моей мамой. Дед начал писать, но понял, что не успевает, потому что параллельно были другие работы — и тогда подключилась мама. К сериалу «Петербургские тайны» они тоже писали музыку совместно. Идея попробовать создать мюзикл вместе с русским композитором возникла в американском Театральном центре Юджина О'Нила, а идея взять сюжет именно пушкинской «Капитанской дочки» принадлежит моему деду. Была написана пьеса на английском языке. А спустя несколько лет в Бостоне состоялась премьера мюзикла. Чуть позже американская сторона привезла солистов в Петербург, а студенты курса, на котором я училась, были приглашены на роли второго плана и массовые сцены. Вот тогда мы, будучи студентами, сыграли «Капитанскую дочку» вместе с бродвейскими артистами в Учебном и Эрмитажном театрах. Для нас это был потрясающий, ни с чем не сравнимый опыт!

— Вы поете в мюзиклах, но вас легко представить, скажем, в «Хованщине»...

— Да! Многие говорят, что видят меня в опере — голос низкий, меццо-сопрано. Но, может быть, я еще не доросла до этого, а пока работаю в «легком» жанре. Меня с первого курса воспитывали на музыкальном материале, наш мастер считала: с музыки должно начинаться обучение, на музыке легче почувствовать драматическое начало. Мы, студенты, ставили «Небесные ласточки», я играла настоятельницу монастыря. Потом любимые многими «Голоса ушедшего века» — песни и романсы от начала XX века до 1970-х, зрители очень его любили. Потом «Идиот» — драма в чистом виде. Там я играла маму Гани Ивлгину, хотя репетировала генеральшу Епанчину, но не помню, что помешало ее сыграть.

— В семье не пытались повлиять на ваш профессиональный выбор?

— Никогда. В нашей семье всегда уважительно относились к личному выбору детей. Потому сложный период тинейджерства, когда я кинулась в рок, красила черной помадой губы, носила драные джинсы, все в семье молча пережидали. Сейчас я тоже в драных джинсах, но это модно, и надеюсь, выгляжу я «вполне прилично». А вот в старших классах школы это было не очень... Дед воспитывал нас своим примером: тем, что слушал сам, тем, как и о чем разговаривал с людьми. Я помню, как он отвечал по телефону, здоровался с соседями, — мы все это наблюдали. Думаю, воспитание своим примером самое лучшее. Мама и дед иногда специально подсовывали нам с братом что-то хорошее послушать, но не настаивали. Мы принимали.

— Кем был для вас Андрей Петров: другом, наставником?

— Ориентиром. Когда я уже училась в институте, мне захотелось обращаться к нему на «вы»: хотя понимала, что это мой дедушка, но проснулось особое уважение. Кстати, дед всю жизнь с папой был на «вы». Очевидно это в крови, так как родная сестра деда, моя двоюродная бабушка, тоже на «вы» и с моим папой, и с моим мужем.

Осознание масштабности личности Андрея Павловича пришло довольно поздно. Когда мы с братом Петром были детьми, фильмы с музыкой деда показывали часто, но никто не говорил: «Вот послушай, это музыка твоего дедушки!» И он не говорил: «О, моя музыка!» Мы просто слушали музыку, пели и танцевали под нее. И как-то, когда я в начальной школе училась, кто-то из гостей спросил: «А вы, вообще, понимаете, кто ваш дедушка?» «Нет», — говорим. Дед был очень скромным. Не принято было говорить о его известности ни дома, ни среди близких друзей. Если и говорили о его музыке, то только по слуху, по необходимости... И когда мы поняли, кто же такой наш дед, стали с братом высматривать титры, когда шли фильмы Рязанова, Данелии. И так радовались, читая его имя! Брат больше похож на деда. Сдержанностью, чувством юмора и даже формой ног. Петр — контрабасист в филармоническом оркестре. Его жена играет на арфе.

— Музыкой вы занимаетесь с детства?

— Да. Помню семейные посиделки: мы собирались за столом, я включала Уитни Хьюстон и пела с ней. А в музыкальной школе начала учиться с 5–6 лет. И там никто не обсуждал, чьи мы с братом внуки, да и фамилия у нас не дедова.

– Тут нельзя не спросить о знакомстве Андрея Павловича с будущим зятем...

– По понятным причинам я не присутствовала при этом, но, по рассказам, было так: мама в Грузии познакомилась с моим отцом, у них завязался роман. Грузинская деревня, козы, глуши, там никто не знал, кто такой Андрей Петров. Родители моего отца были против этого союза, но он бросил все, выкрадя паспорт и уехал. Так и сбежал в одних штанах и майке. Представьте: звонят в дверь, открывает дедушка, а перед ним заросший щетиной незнакомый кавказский мужчина, который с сильным акцентом сказал: «Здравствуйте! Я Гиви». Дедушка невозмутимо предложил чаю.

– Он был очень сдержаным человеком, похоже...

– Да! Ни разу не слышала, чтобы он повысил голос. Дед и мой отец поладили. К тому же мой пapa очень добрый, умный и обаятельный человек. И подчеркну: в нашей семье все очень уважительно относятся к личному выбору друг друга. Мы с мужем так же стараемся воспитывать нашего семилетнего сына Филиппа. Даем право на выбор, но объясняем, какие будут последствия. Дедушка был мудрым, спокойным, интеллигентным, образованным. Не с того начала: над этими всеми качествами я ставлю чувство юмора! Сам Андрей Павлович был далек от того, чтобы его отливали в бронзе. Он читал много стихов, перебирал, чтобы это подошло к фильму. Эльдар Александрович Рязанов всегда давал несколько вариантов стихов, включая собственные, но не указывал, чьи они. Дед это перечитывал и часто выбирал стихи Рязанова. Но вообще, о работе он говорил редко.

– Манана, как вам кажется, сегодня помнят Андрея Петрова?

– Люди могут не помнить лица композитора, имени, званий, но помнят музыку, что намного важнее. Спроси сейчас на улице: «Кто такой Андрей Петров?» – пожилые ответят, молодые, может, не вспомнят. Но если им спеть песенку из «Человека-амфибии» или «Я шагаю по Москве», поймут, о ком речь, так как знают эти фильмы и песни. Это ценно. И мы будем только рады, если когда-нибудь людям захочется узнать чуть больше о человеке, который написал эту музыку. Всегда хочется большего. Мы – моя бабушка, мама, я – стараемся популяризировать музыку дедушки: у нас есть Фонд Андрея Петрова и два крупных проекта: Фестиваль Андрея Петрова и Конкурс композиторов, который проходит раз в год. Сейчас идет второй тур этого конкурса, на первый было прислано 547 песен, в финал выйдут только 12 человек. Наш фонд поддерживается комитетом Санкт-Петербурга по культуре. Мы проводим концерты, ежегодно в БКЗ «Октябрьский» проходит концерт ко Дню города. Фонд и сквер в честь дедушки на Каменноостровском проспекте возникли спустя год после его смерти. Дедушка жил на Петровской набережной, это совсем рядом. Для него Петроградка – родной

район, тут «Ленфильм» и школа, в которую мы ходили, теперь там учится Филипп. Там работала моя мама, а сейчас школа носит имя Андрея Петрова. Я рассказываю сыну о прадеде, но он пока не понимает, насколько это выдающаяся фигура.

– Ваш сын занимается музыкой. Как он относится к вашему творчеству?

– Филипп ходит в музыкальную школу. Считаю, музыкальное образование нужно абсолютно всем для общего развития. А вот станет ли музыка его профессией, не знаю, пока я в этом сомневаюсь. Сын был на моих спектаклях, видел маму-Урсулу (имеется в виду образ ведьмы Урсулы в мюзикле «Русалочка». – Прим. авт.). Когда он был совсем маленьkim, я брала его с собой в гримерки, чтобы больше времени проводить вместе. Филипп видел, как я наношу грим: ему было интересно, я рассказывала, что и зачем делаю. Но на сцене, подозреваю, я сыну не очень нравлюсь, более того, он не любит, когда я пою! Не могу этого объяснить: видимо, срабатывает ассоциация с работой, а значит, разлукой. Он и дома просит не петь. А мужу, по-моему, нравится, как я пою. Антон не очень музыкальный человек – драматический артист, отлично танцует. Просьба спеть от мужа я не слышу, но он спрашивает о программе концертов и, если будет что-то, что ему хочется услышать, обещает прийти.

– *Кем себя больше чувствуете: певицей, актрисой, преподавателем? Вы ведь вели курс в Театральной академии.*

– Сложно сказать. Актриса и певица – 50 на 50. Преподавание – пока что нет. Этому нужно отдаваться целиком. Когда я пыталась преподавать, поняла, что не могу разорваться. Я училась в аспирантуре, четыре года с моим педагогом вела курс актерского мастерства. Потом преподавала музыкальную грамоту на кафедре вокала, затем Юрий Шварцкопф, генеральный директор Театра музыкальной комедии, предложил набрать курс артистов мюзиклов. Мы набрали, но не получилось вести: времени не хватало. У меня спектакль: я прибегаю к студентам в гриме на другой этаж, потом несусь на спектакль.

– *Как вам кажется, насколько популярен сейчас мюзикл?*

– Этот жанр сейчас на волне, судя по количеству мюзиклов в Петербурге и Москве, спросу у публики. Мюзикл позволяет совмещать и драматическое искусство, и вокал, и пластику. Таких жанров, если не брать оперетту, которая, думаю, угасает, больше нет. В опере мы не обращаем внимания на актерскую игру, первичен голос, в балете – пластика. А что важнее в мюзикле: сыграть или спеть? Пренебрежительных отзывов о мюзикле давно не слышала. Видимо, люди больше стали слушать и понимали: в мюзикле есть партии, которые ни один оперный певец не споет никогда. Как партию Джекила–Хайда – разные голоса, разная манера подачи звука. В мюзикле надо и хрипнуть, и гаркнуть, а это смущает оперного певца: как, я задену связки! Во-вторых, как я буду делать «плоский звук»?!

– *Какой из ваших мюзиклов наиболее любим публикой?*

– Безусловно, «Бал вампиров». Там, видимо, какая-то магия, судя по тому, что творится с публикой. Наверное, что-то похожее было на концертах «Битлз»: на служебном входе не выйти! По Итальянской не проехать – стоит толпа людей. Мы играли спектакль три года, потом два года был перерыв. И после этой паузы на первый спектакль билеты ушли за два часа. Мама сказала: «Надо мне тоже сходить!» А билетов нет, достали ей с трудом. В прошлом сезоне у меня было по 28–29 спектаклей в месяц.

– *Расскажите о своей героине – Ребекке из «Бала вампиров».*

– Роль небольшая, у нее нет сольной арии. Даже поклонники придумали хештег «Арию Ребекке». Мне предложили эту роль сразу после мюзикла «Чикаго», а там я пела маму Мортон с двумя ариями! Я задумалась: уж больно маленькая роль, хотела отказаться, но мама отговорила от этого шага. Это роль-перевертыш: практически весь первый акт Ребекка – грозная хозяйка трактира, которая бьет мужа колбасой по башке за то, что он ей из-

меняет. Потом мужа кусает вампир, он умирает – и в сцене похорон это совсем другая женщина. Дочь убежала к вампиру, эта гром-баба хоронит мужа. Она совсем одна... Для артиста эта перемена очень сложна и интересна.

– *Наверное, фильмы-мюзиклы вы очень любите?*

– Да, «Кабаре», «Чикаго», «Бурлеск» очень люблю, но на «Ла-ла-ленде» заснула. В кино бываю редко.

– *Над чем сейчас работаете?*

– Начинается новая постановка в Театре музкомедии – мюзикл «Граф Монте-Кристо». Параллельно в Петербурге идет «Демон Онегина», в котором яучаствую, и концерт «Хиты Бродвея». Актриса я исполнительная и послушная. Сама я плохо сочиняю роль, но органично оправдаю ожидания режиссера.

– *Фамилия деда вам мешает или помогает? Легко уживаетесь в большой семье?*

– Менять фамилию мысли не было. У меня грузинское имя и грузинское отчество. Маму часто спрашивали, не родственница ли она Андрею Петрову. Она отвечала: однофамилица. Мы все хотим стать самостоятельными, а не прикрываться чужим талантом. Когда маме сказали: «А, вы мама Мананы...» – для нее это был новый этап в жизни. Она впервые услышала, что она не дочь композитора Андрея Петрова, а мать певицы Мананы Гогитидзе. Ревности и зависти в семье не бывает: все радуются друг за друга. Мечта моего отца-грузина сбылась: мы живем все вместе в загородном доме, а нас десять человек. Он счастлив и шутит: «Давно в доме нет запаха пеленок!» Да, у нас очередь в ванную, но это мелочи. Папа – моряк, у него свой причал с корабликами на Неве. Моего дедушку часто спрашивали, как удается дружно жить в такой большой семье. Он отвечал: «У нас у всех хорошее чувство юмора». При дедушке вместе мы жили только летом на даче в Осиновой Роще, а теперь это наше гнездо круглый год.

– *В вашей семье есть традиции?*

– Традиций у нас не так много, но они есть. Во-первых, Новый год. Это праздник, который всегда с семьей! Так как мы артисты, нам довольно часто предлагаю подработку в новогоднюю ночь, зачастую очень выгодную, но мы всегда отказываемся. Помню, когда я еще была студенткой, хотела поработать в новогоднюю ночь и купить себе компьютер. Но дед сказал: «Давай я тебе подарю компьютер на Новый год, но ты будешь дома, с нами!» Конечно, я согласилась. Еще одна традиция: отмечать именины Ольги. Моя прабабушка (мама дедушки) была Ольгой, моя мама Ольга и жена моего брата Ольга. Традиция очень давняя, помню ее с раннего детства. Почему-то больше ничьи именины не отмечаются... Только Ольга, всегда 24 июля и всегда с традиционным черничным пирогом, который готовится только раз в год! ☺

В ОПОЛЬЕ

АВТОР

ДМИТРИЙ РУДНЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ВООБЩЕ-ТО ЭТО ДОЛЖНО БЫЛО БЫТЬ ИНТЕРВЬЮ. АКАДЕМИК РАН И ДИРЕКТОР АКАДЕМИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ МАКАРОВ ЖДАЛ НАС В СУЗДАЛЕ, ЧТОБЫ ОТВЕТИТЬ НА ВОПРОСЫ. А В ИТОГЕ НАША ПОЕЗДКА ПРЕВРАТИЛАСЬ В ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ. НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ ОТКРЫЛ ПЕРЕД НАМИ ЦЕЛЫЙ МИР СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ, КОТОРУЮ МНОГИЕ ОШИБОЧНО СЧИТАЮТ ПЕРИФЕРИЕЙ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА.

<<С

ЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

назад мы приехали сюда, чтобы провести спасательные археологические работы перед стройкой. И так и остались до сегодняшнего дня, — говорит академик Макаров. — Очень многое нас здесь и удивило, и заставило пересмотреть устоявшиеся взгляды».

В наш век фантастических скоростей и огромных информационных потоков мы уже привыкли к тому, что слова нередко произносятся лишь для того, чтобы заполнить тишину. И потому они зачастую ничего не стоят. И вот эта вредная привычка немножко сбивает с толку в общении с Николаем Андреевичем.

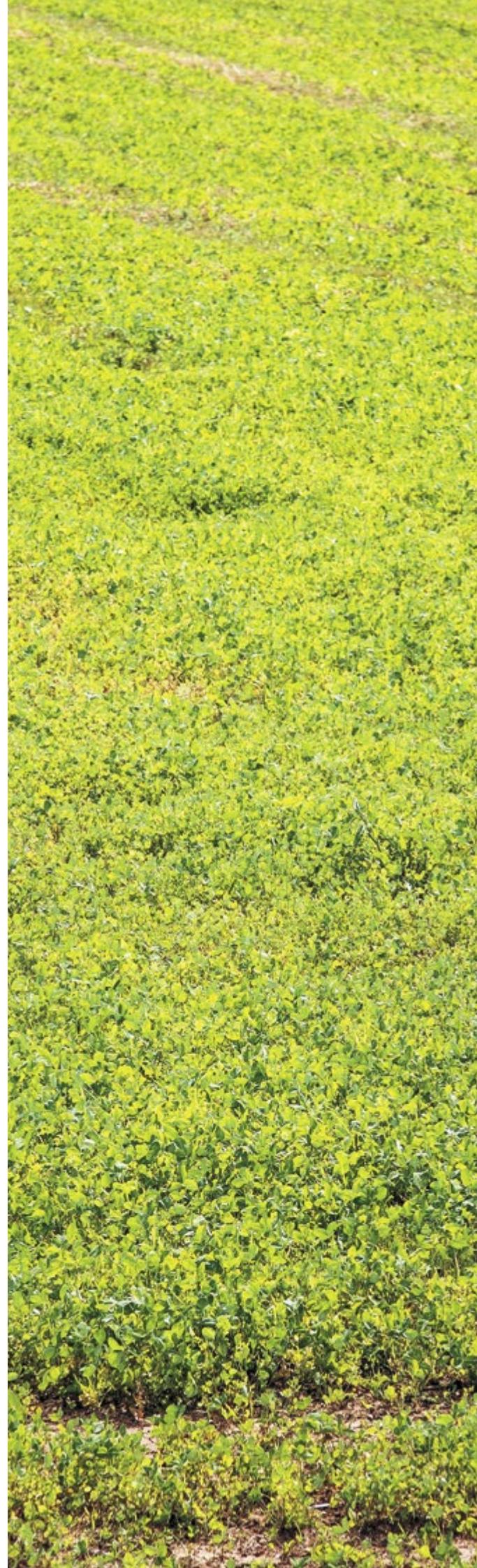
У каких-нибудь политологов или журналистов-обозревателей фраза о том, что нечто «заставило пересмотреть устоявшиеся взгляды» — дежурное клише. Говорится оно просто для того, чтобы придать веса своей позиции. Когда же это произносит академик Николай Макаров, это значит, что основы научного мироздания были реально потрясены...

ОШИБКА ЖУРНАЛИСТА

Владимирский тракт не обманул ожиданий: порадовал и пробками, и авариями, а потому мы припозднились и приехали в Сузdalь как раз к началу полуденного перерыва у археологов. Пока они отдыхали, было решено посидеть в кафе и пообщаться.

«Сейчас мы занимаемся двумя объектами в ополье, — говорит Николай Андреевич, стремительно шагая в сторону Суздальских торговых рядов. — Первое место — охранные раскопки на стадионе «Спартак», а второе — большой курганный комплекс в деревне Шекшово. Правда, в середине XIX века его раскопал граф Алексей Уваров. Но оба места очень интересные. Что касается «Спартака», то это пример того, как совершенно случайно культурный слой может оказаться не тронутым до наших дней. Стадион буквально спас довольно большую территорию. А в Шекшово, наоборот: и распашка была, и раскопки XIX века».

«Николай Андреевич, а правда, что скоро исчезнет музей-

ная археология?» – не удержавшись, сразу задаю провокационный вопрос.

Лицо академика принимает мучительное выражение, и как бы через силу он отвечает: «Ну как же она может исчезнуть? Она же сквозь асфальт прорастет! Постановление Минкульта? Ну не могут административные меры взять и прервать то, что естественно и органично развивалось долгие десятилетия...»

«А стоит ли вообще подчинять, например, исторические музеи Минкульту, а не Министерству образования и науки?»

Академик сокрушенно качает головой и страдальчески смотрит из-под седых бровей: «Это общемировая практика, нигде в мире нет министерства истории. Музеи всегда подчиняются министерствам культуры. То, о чем мы сейчас говорим – вообще не проблема археологии. И это вообще не проблема».

Разговор не клеится. Николай Андреевич говорит не о том, о чем мы его спрашиваем, а о том, что в обсуждаемой проблеме важно для него самого. Например, когда зашла речь о плачевном состоянии Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, Николай Андреевич говорил не о виновных, а о том, как исправить ситуацию. Уже позже мне стало понятно, почему в самом начале нашей встречи так тяжело было беседовать и почему так легко и не-принужденно мы общались в конце дня.

Ответ прост. Николаю Андреевичу интересно то, что связано с историей, с любыми, даже незначительными, но информативными находками, штрихами и поворотами в науке. Разговаривать с ученым такого масштаба на отвлеченные и якобы глобальные темы – все равно что попросить рассказать профессора Преображенского о положении дел в месткоме и лично у товарища Швондера.

ЮЖНОЕ БУТОВО ДРЕВНЕГО СУЗДАЛЯ

В археологии эпохальные открытия соседствуют с маленькими находками.

Вот мы в 800 метрах от валов Сузdalского кремля, у раскопа на стадионе «Спартак». В руках у Николая Андреевича кусок причерноморской амфоры. Найдка – чуть более чем заурядная. Но в глазах академика – живой огонек. Он аккуратно похлопывает ладонью по черепку и говорит: «Мы проводим раскопки не по всему стадиону, а только в тех частях, где будут стоять капитальные сооружения. Здесь планируется поставить опору для освещения поля, и мы наткнулись на замечательный погреб XII века. В нем находился развал вот этой амфоры. В них обычно возили на Русь масло и вино, это товары дорогостоящие. И целую амфору мог хранить у себя только очень состоятельный домовладелец. То, что в его подвале обнаружились эти черепки, показывает размер древнего Суздalia. Если раньше мы считали, что это – периферия города, населенная простолюдинами, то сейчас понимаем, что здесь был вполне комфортабельный район».

То есть то, что до недавнего времени здесь считали Южным Бутовом, внезапно превратилось в Рублевку.

Николай Баранов, младший научный сотрудник Института археологии РАН, разложил перед нашим приездом на раскладном столике интересные артефакты, найденные на раскопе. Вот в руках Николая Андреевича появляется ключ. Академик с ходу определяет его тип. Многие обиходные вещи ремесленники во все времена делали типовыми. Это увеличивало экономическую эффективность их труда. Подобные мелочи археологи находят часто, и они легко типологизируются, что позволяет специалисту назвать точный период, когда такие вещи производились.

«Ключи такого типа позднее XII века уже не делали, – говорит Николай Андреевич. – Если есть ключ, был и сундук, а сундук – это еще один аргумент в пользу того, что здесь жили состоятельные люди. Или вот, посмотрите – крестик. Довольно часто мы их находим в слоях домонгольского времени. Их очень активно носили, но не так, как мы теперь, а поверх одежды, демон-

стрируя свою принадлежность к христианству. И вот благодаря тому, что мы имеем определенную массовость этих находок и знаем о том, что подобные вещи были массовыми и в Византии, мы понимаем, что существовали не только торговые и политические связи. Велико было и бытовое влияние империи на жизнь простых людей Руси, на их повседневный быт».

«А правда, что в XI–XII веках город на Руси был христианским, а село – языческим?»

«О! Это классическая позиция советских историков: если курганы вятичей фиксируются до XII века, значит, деревня на Руси в ту пору была языческой, – улыбается академик. – Но, на мой взгляд, курганные захоронения не были демонстрацией религиозной принадлежности, а были демонстрацией определенного рода самоидентификации, ведь мы находим в них приметы именно христианских, а не языческих захоронений».

В археологии красноречива каждая мелочь. Вот в руках у Макарова спираль из бронзовой проволоки, это височное кольцо – точнейший знак, что здесь жили славяне.

Каждая пядь
Сузdalской
земли – кладезь
информации
для академика
Макарова

РУКОТВОРНАЯ СТЕПЬ

Оставив маленький, но очень информативный раскоп, мы покидаем Суздаль и едем на северо-восток. Николай Андреевич на своей машине мчится так, что мы не успеваем за ним даже на хорошей дороге. Когда же на территории Ивановской области шоссе превращается в полосу препятствий из ям и колдобин, его машина вообще превращается в точку. Перед тем как окончательно оторваться от нас, Николай Андреевич делает остановку. Притормаживаем и мы.

«Ну вот, здесь я бы и хотел рассказать вам об ополье, – говорит Николай Андреевич и решительно уходит в нежно-зеленый луг, который простирается до самого горизонта. Он замирает, делает глубокий вдох и, будто выпив глоток местного пространства, продолжает: – Это совершенно удивительная территория. Необычная. Мы фиксируем здесь необычайную плотность населения. За семнадцать лет зафиксировано 340 поселений, и это – лишь малая часть того, что располагалось на территории в поперечнике в 120 километров. Вот – село Весь. –

Николай Андреевич указывает направо. – Оно возникло здесь в X веке, и если мы выйдем на его территорию и заложим шурф, то обнаружим слой X, XI, XII веков, содержащий археологические находки. И уже тогда это было большое поселение, узел расселения славян. На окраине села во время раскопок графа Уварова еще существовала курганская группа, которая была им раскопана. Мы провели раскопки одного из поселений рядом с селом и нашли слой IX века, то есть это одно из самых ранних поселений, которое мы нашли здесь за эти годы. И хотя церкви в современных селах это довольно поздние постройки XVIII–XIX веков, они, по-видимому, маркируют места церквей XII века. Поэтому что топография очень традиционная, ландшафт мало менялся, места поселений оставались очень стабильными. И по расположению церквей мы можем оценить плотность населения XII века, то есть, глядя на них, заглянуть в Средневековые. И вот сам ландшафт, его остеопенистость – результат деятельности земледельцев, которые сюда пришли в X веке».

Молодежь на раскопе. Все великие археологи начинали простыми землекопами

ОДИН ИЗ ЦЕНТРОВ, А НЕ ПЕРИФЕРИЯ

Наша минутная остановка затянулась почти на полчаса. Николай Андреевич увлеченно объяснял, что плодородие местных почв было не только благословением этой земли, но и проклятием, поскольку делало ее беззащитной перед степной конницей. Что после Батыева нашествия жизнь во Владимире затухает, а деревни, напротив, продолжают жить и оставляют заметный культурный слой. Я не удержался и спросил: но ведь и на Дону встречаются следы славянской колонизации самого раннего периода – IX–X веков? На что академик Макаров улыбнулся и сказал: «Да, встречаются, но там это не получило продолжения в виде государственности, а здесь – получило».

И ведь действительно, мы до сих пор воспринимаем собственную историю не с высоты современного научного знания, а как бы глазами летописца. Вот был Киев, вот – Новгород, и все князья мечтали сидеть на тамошних столах. Мы представляем поход Долгорукого на Киев за великокняжеским титулом как цель, как звезду в темном небе, к которой летит неуспокоенная душа.

А на самом деле владимиро-суздальские правители законно претендовали на киевский стол и получали его, в том числе и потому, что имели под своей властью ополье с гигантским по средневековым меркам человеческим и экономическим ресурсом. Причем в самый ранний период здесь не было доминирующего города, а существовало полтора десятка совершенно равнозначных крупных поселений, скорее всего, с очень амбициозным населением. Суздаль начинает доминировать только в конце XI века, а пока он – один из крупных населенных пунктов, таких как, например, Шекшово.

СЮРПРИЗЫ РАСПАХАННЫХ КУРГАНОВ

Сюда и лежал наш путь. Когда мы доковыляли до местной церкви – удивительного по красоте здания XVII века, – Николай Андреевич уже ждал нас минут десять. «Дальше вы не проедете, ставьте машину здесь, церкви всегда были местом защиты. Будем надеяться, что с вашей машиной ничего не случится. Пересаживайтесь в мою».

Как археологи умудряются находить следы жизни тысячелетней давности – просто неразрешимый вопрос для нас, дилетантов. Поле – ровное как стол. Но археологи указали геофизикам, где провести изыскания, и те зафиксировали четкую курганный группу. Ну а дальше – больше. Плуги современных тракторов сантиметров 10–12 не достают до захоронений. Везение? Прорицание? Непонятно, но к разряду чудес отнесем и то, что в XIX веке курганы – а тогда они еще были заметны – копали просто: делали шурф из вершины, если что-то находили – прекрасно, если нет – то, как говорится, и бог с ним.

Вот в 2011-м экспедиция академика Макарова находит курган, в нем уваровский шурф, на дне аккуратно сложенные кости, но в почве, в стороне от шурфа – топорик. Состояние – ужасное, кажется, что сплошная коррозия. А на реставрации оказывается, что все не так плохо – у топорика от одной щеки до другой, через обух, идет серебряная оковка, а на ней – тамга, родовой знак Рюриковичей. И еще одна – на верхней грани, в которой сделана проушина. Кстати, один из вариантов тамги Рюриковичей Украина избрала в качестве своего государственного герба.

Датировка артефакта – начало XI века. И, казалось бы, Сузdalское ополье – периферия Древней Руси, но вот он – артефакт, свидетельствующий и о государственности, и о целостности всех тогдашних древнерусских территорий.

Новые методики в археологии позволяют увидеть то, чего не видит человеческий глаз

СУЗДАЛЬСКИЙ АПК В СИСТЕМЕ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ

Люди, жившие здесь, занимались сельским хозяйством. Продукт, который они производили, в экономике называется «товарным». Его было столько, что он не только удовлетворял потребности местного населения, но и шел на продажу.

Таким образом, был скорректирован общеизвестный факт, что Новгород, земли которого не отличались плодородием, закупал зерно в низовых, рязанских землях. Сузdalское ополье, открытое для нас академиком Макаровым, было, безусловно, более привлекательным рынком для новгородцев. Точнее, сузdalским купцам было проще довозить свой товар до Новгорода, нежели рязанским. И, скопее всего, именно они доминировали на рынке провианта Великого Новгорода.

О том, что в ополье шла бойкая торговля, свидетельствует масса находок. Во-первых, это мо-

неты. Арабское серебро – дирхемы, и европейское – денарии. Стеклянные бусы, а это для X – начала XI века – всегда импорт. Есть находки украшений из природных материалов.

Через пару дней после нашей поездки археологи открыли здесь погребение женщины, в котором были найдены бирюзовые бусины. В X веке главным местом добычи этого небесно-голубого камня был либо Синай, либо иранский Нишапур. Также бесспорное свидетельство того, что здесь процветала торговля – найденное коромыслом весов. В древности монеты делались из золота и серебра, и, чтобы совершать покупки, цена которых была меньше целой монеты, их резали на части. Так получались деньги, которые называются «резаны». И поскольку покупательная способность таких денег определялась весом, то их взвешивали. Так что весы в те времена были таким же атрибутом торговли, как сегодня кассовый аппарат.

Анна Красникова,
сотрудник ГИМ.
О том, что перед
ней захоронение,
свидетельствуют
остатки глиняных
горшков

ПОД СУЗДАЛЕМ, НА БЕРЕГУ СТИКСА

Когда мы приехали в Шекшово, на раскопе было одно расчищенное погребение и две обозначившиеся могильные ямы. «Далеко не все погребения находятся в центре курганной насыпи. Традиция курганных захоронений трансформируется. Может, под влиянием христианства. В этом захоронении, –

показывает Николай Андреевич на прямоугольную ямку с полуистлевшим скелетом, – на христианскую принадлежность покойника указывает то, что захоронение ориентировано на запад».

Археологи часто находят могильные ямы внушительных размеров, значительно большие, чем нужно, чтобы уложить в могилу покойного и погре-

Плугам
тракторов
не хватило
нескольких
сантиметров,
чтобы
уничтожить
это захоронение

бальный инвентарь. Возможно, размер ямы символизировал честь, отдаваемую покойному. То есть люди думали так: не будем насыпать курган, но выражаем уважение усопшему тем, что выкопаем ему большую могилу.

«Это, – продолжает рассказ Николай Андреевич, – типичное для раннего ополья погребение с интересным штрихом: все как обычно, в ногах два керамических сосуда, возле руки – нож, но вот в районе солнечного сплетения – половина арабского дирхема. В нем нет отверстия, значит, это деньги, а не украшение. Такой момент, хоть редко, но встречается. И это тоже влияние бытовой византийской культуры. Потому что там монеты в могилу клались в соответствии с очень древней традицией».

«Плата Харону?» – уточняю я. Академик раздумывает с полминуты, качает головой и говорит: «Ну, если очень приблизительно, то – да».

Это только
кажется, что
археология
смотрит под ноги
и в прошлое.
На самом деле
она позволяет
современному
человеку понять,
кто он такой

БОБРОВЫЕ ЛАПЫ И ОРДЫНСКИЕ МОНЕТЫ

Следующим и последним пунктом нашей поездки стала база археологов, которая находится в «православной деревне» – короткой уличке на окраине одной из соседних деревень. Здесь стоят 10 одинаковых домиков, которые построил для своих прихожан один известный подмосковный священник. Но прихожане жить здесь не стали, и священник пригласил археологов занять одно из пустующих зданий.

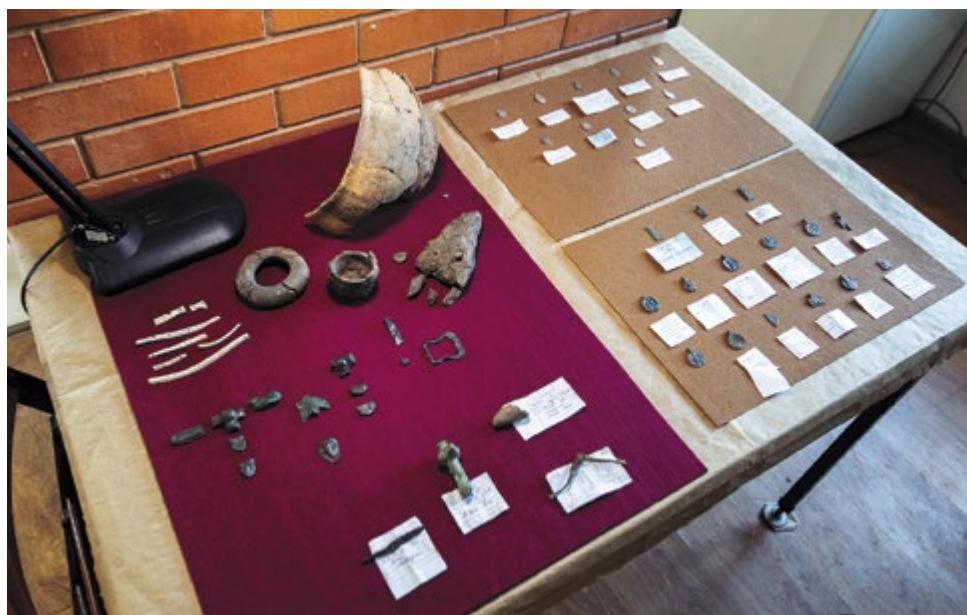
На базе Николай Андреевич показал нам несколько интересных артефактов: лапу бобра и массивное кольцо, найденные в захоронении с трупосожжением. Эти вещи вылеплены из глины, подобные лапы встречаются в захоронениях на Аландских островах в центральной Балтике и здесь, в ополье. Это атрибутика языческого погребения. Помимо них на дрогоравшее кострище с умершим была положена конская узда степного типа. От нее остались металлические бляшки очень необычной формы. Подобных наука знает очень немногого. Две-три на Северном Каспии и еще примерно столько же на Южном Урале. При этом в груде обожженных костей не нашлось

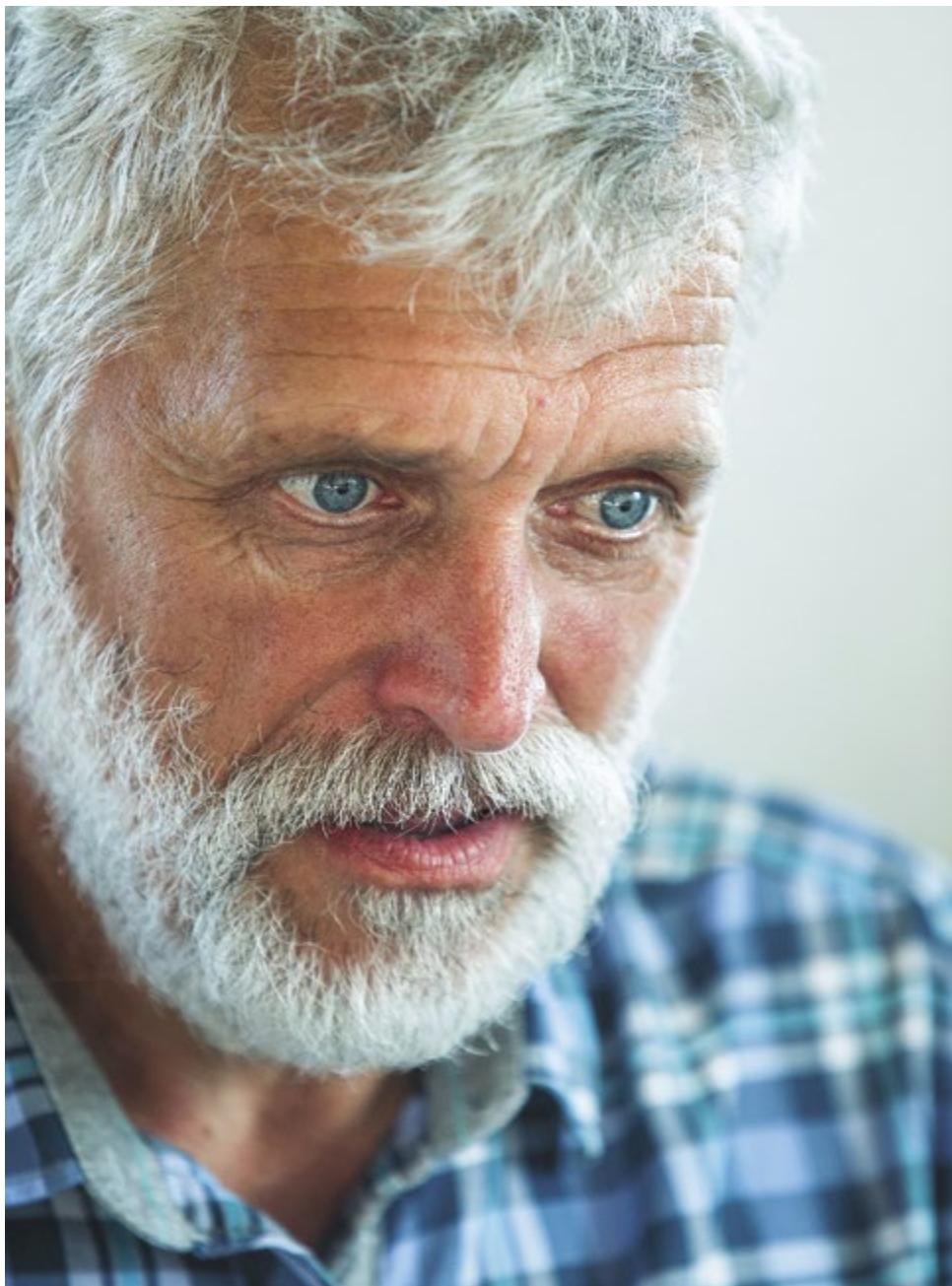
ни одной конской. Там есть человеческие кости, козы, кости каких-то пушных зверей из семейства куньих, но конских нет. В качестве рабочей версии археологи рассказали следующее: возможно, узда оказалась военным трофеем вместе с конем. И каким-то образом они попали в ополье. Когда умер их хозяин, люди, хоронившие его, с уздой решили расстаться, а вот коня пожалели из-за его исключительной ценности. Возможно, средневековые жители Шекшово посчитали,

что его задача не возить своего хозяина по просторам загробного мира, а потрудиться над улучшением потомства у местных лошадок.

Чтобы рассказать обо всех находках, которые нам показал в тот вечер Николай Андреевич, надо писать отдельную статью. Там были и крестики XI–XIV веков, и рукоятка плети в виде головы хищной птицы, и подвесные иконки, которые носили на шее, сделанные из вислых печатей, как русских, так и византий-

Эклектичный мир опольной археологии. От скандинавского язычества до кочевников Прикаспийских степей

ских. Особо упомянем о небольшом кладе серебряных чешуек конца XIV века. Это монеты Суздальско-Нижегородского княжества. Все они – реплики с монет Золотой Орды. Вероятно, после Донского побоища русские княжества уже посчитали себя вполне состоятельными, чтобы чеканить собственную монету, но не настолько суверенными, чтобы делать ее оригинальной. А потому суздальские деньги, насколько позволял профессионализм мастеров и технология изготовления, повторяли ордынские монеты.

ПЕРВАЯ ЗАДАЧА УЧЕНОГО

После знакомства с находками мы все-таки сели с Николаем Андреевичем за стол и начали интервью. Он рассказал о том, что главная проблема археологии сегодня – нехватка времени осмыслять, систематизировать и найти аналогии результатам раскопок и что археологи, закончив копать в одном месте, тут же переходят на другое. Так как средства выделяются для того, чтобы копать, а не для того, чтобы осмысливать найденное. И особо актуальна эта проблема для молодых ученых.

Академик
Макаров:
я все еще
в действии!

Что организаций, в первую очередь коммерческих, имеющих право производить археологические раскопки, много, а качество их работы очень невысоко. И причиной тому – сокращение рабочих мест в бюджетном секторе для гуманитариев вообще и для археологов в частности.

О том, что качество также зависит и от количества. Ведь в США или Китае число историков и филологов, работающих в науке на государственные деньги, на порядки выше, чем в нашей стране.

О том, что конкуренция на мировом уровне существует не только между военно-промышленными комплексами или профессиональными спортсменами, но и в сфере производства научных знаний. И это должны понимать и государство, и общество.

Очень тепло Николай Андреевич отзывался о своих коллегах, об их вкладе в науку, об их открытиях. А вот о своих открытиях, о себе, о личных интересах говорить никак не хотел, сводя все к шуткам. Так же как и о своих замечательных книгах. Он считает, что написанные им книги могли бы быть лучше и их могло бы быть больше. Любимой он может назвать каждую из них. Археологом он стал, потому что больше никуда не взяли. Мы смеялись этим шуткам, пытались, как это называется на журналистском жаргоне, его «раскрутить». Но Николай Андреевич не поддавался и был тверд как скала.

«А в профессиональной деятельности, что вам греет душу? Какой момент вы с особой теплотой вспоминаете?» – спросил я под конец беседы.

«Нет смысла отвечать на этот вопрос. Я не считаю, что я вступил в возраст мемуаристов, чтобы пересказывать свою жизнь. Я еще нахожусь в действии», – ответил академик.

«А первая задача ученого – это наука?» – допытывался я.

«Нет, первая задача человека – это жизнь», – ответил Николай Андреевич Макаров.

СЕРДЦЕ ВИЗАНТИИ

АВТОР

ЛАДА
КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА
БУРОГО

КОГДА-ТО ЭТЫ ВЕЛИКИЙ ГОРОД
НЕ ИМЕЛ СЕБЕ РАВНЫХ В МИРЕ.
ТОЛЬКО ЕГО НАЗЫВАЛИ ЦАРЬГРАДОМ.
ТОЛЬКО ОН БЫЛ «МАГНИТОМ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» И «КЛЮЧОМ
ВСЕЛЕННОЙ» – ТАК ИМЕНОВАЛИ
ЕГО ХРОНИСТЫ. ГРАД КОНСТАНТИНА
ВЕЛИКОГО СЧИТАЛСЯ БЛЕСТЯЩИМ
ИДЕАЛОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, НОВЫМ
ИЕРУСАЛИМОМ. А ПРЕДЕЛОМ
МЕЧТАНИЙ ВОЖДЕЙ МНОГИХ ПЛЕМЕН
ДОЛГИЕ СТОЛЕТИЯ ОСТАВАЛСЯ ВЕНЕЦ
ВИЗАНТИЙСКИХ ВАСИЛЕВСОВ...

СЕГОДНЯ ОТ БЫЛОГО величия империи римских императоров остались лишь бледная тень: современный мегаполис жадно поглощает руины Византии. Но, к счастью, не может расправиться с ними окончательно: гуляя по историческому центру Стамбула, сталкиваешься с остатками прежнего Константинополя почти на каждом шагу.

Однако есть в этом городе и то, что неподвластно времени. Все так же играет волнами Босфора ветер, все так же парят над куполами храмов чайки и все так же незыблемо стоит в центре Стамбула церковь Святой Софии. Главный храм Константинополя. Сердце Византии. «Матерь империи», как называли ее римляне...

ДВА ПОЖАРА

Мы пришли к самому открытию музея и не прогадали: огромная очередь туристов образуется здесь ближе к полудню. А сейчас на часах – без четверти девять, и перед входом стоят всего три-четыре человека. Пятнадцать минут ожидания – и вот наконец мы во дворе Святой Софии. Громада из желто-розовых кирпичей в обрамлении четырех минаретов сначала кажется беспорядочным нагромождением строений и немного разочаровывает. Но это – только мимолетная иллюзия: стоит лишь встать лицом к западному фасаду, где сейчас находится вход в храм, и сразу понимаешь, что перед тобой – уникальный архитектурный памятник, равного которому не найти.

Нынешняя Святая София вовсе не была первым храмом, построенным на этом месте. Когда Константин Великий заложил на мысе между Золотым Рогом и Мраморным морем свой город, то построил в нем первые три церкви. Одну император посвятил Божественному миру (церковь Святой Ирины), вторую – Воскресению Господню (Святого мученика Анастасия); по другим сведениям, церковь была построена в честь Силы

Двор Святой Софии уставлен археологическими находками, часть из которых не имеет отношения к самой церкви

Господней и носила имя Святого апостола Силы. – Прим. авт.), а третью – Премудрости Божией, то есть Святой Софии. Эта кафедральная базилика украсила площадь Августеон, рядом находился легендарный ипподром Константинополя, где происходили многие судьбоносные для империи события и где веками жестоко соперничали партии болельщиков – димы, отдаленно напоминающие нынешних футбольных фанатов.

В 404 году первая Святая София погибла в пламени пожара во время восстания горожан. Меж-

ду прочим, одна из причин этого самого мятежа до сих пор находится во дворе храма. Недалеко от входа стоит впечатительный порфировый цоколь колонны, на которой красовалась отлитая из серебра статуя Евдоксии – жены императора Аркадия и фактической правительницы империи. А епископом Константинополя в то время был сам Иоанн Хризостом (Златоуст). Надо сказать, императрица не отличалась благонравием, а потому Златоуст не раз обличал ее в своих проповедях с амвона Святой Софии.

Каждый день перед входом в музей выстраивается огромная очередь из паломников и туристов

Когда же неподалеку от храма была поставлена серебряная статуя Евдоксии, вокруг которой горожане устраивали шумные гуляния и непристойные шествия, Златоуст с новой силой обрушился на императрицу, сравнив ее то ли с Иродиадой, то ли с Иезавелью – тут хронисты расходятся во мнениях. Евдоксия рассвирепела,

и Аркадий, которого придворные за глаза называли подкаблучником, приказал Иоанну удалиться в ссылку. Но пастырь не послушался. Василевс отправил в церковь солдат с приказом изгнать оттуда епископа, и тогда за Златоуста вступились прихожане. Дело закончилось кровопролитием и мятежом с поджогом церкви. В итоге

Вечная красота
Великой церкви

Чтобы избежать
толп туристов,
нужно прийти
в Святую Софию
ранним утром

Иоанн Златоуст все-таки отбыл в ссылку, в которой и скончался в 407 году. Евдоксия же умерла тремя годами ранее. А Святую Софию в 415 году заново отстроил следующий император – Феодосий Младший. Как ни странно, но и второй Святой Софии была уготована та же судьба, что и первой. В январе 532 года храм был сожжен во время одного из самых крупных мятежей в истории империи – восстания «Ника». Попытка заговорщиков сместь императора Юстиниана I почти удалась, запаниковавший василевс уже собрался бежать из столицы, но был остановлен своей женой Феодорой. Императрица пристыдила мужа, сказав, что лучше погибнуть василевсом, нежели стать изгнаником. «Порфира – вот лучший саван!» – твердо заявила она. Юстиниан опомнился и перешел к действиям. Он жестоко подавил восстание: на ипподроме, где собралась толпа, чтобы провозгласить нового императора, верные Юстиниану части армии вырезали свыше 35 тысяч бунтовщиков! Константинополь был потрясен и усмирен.

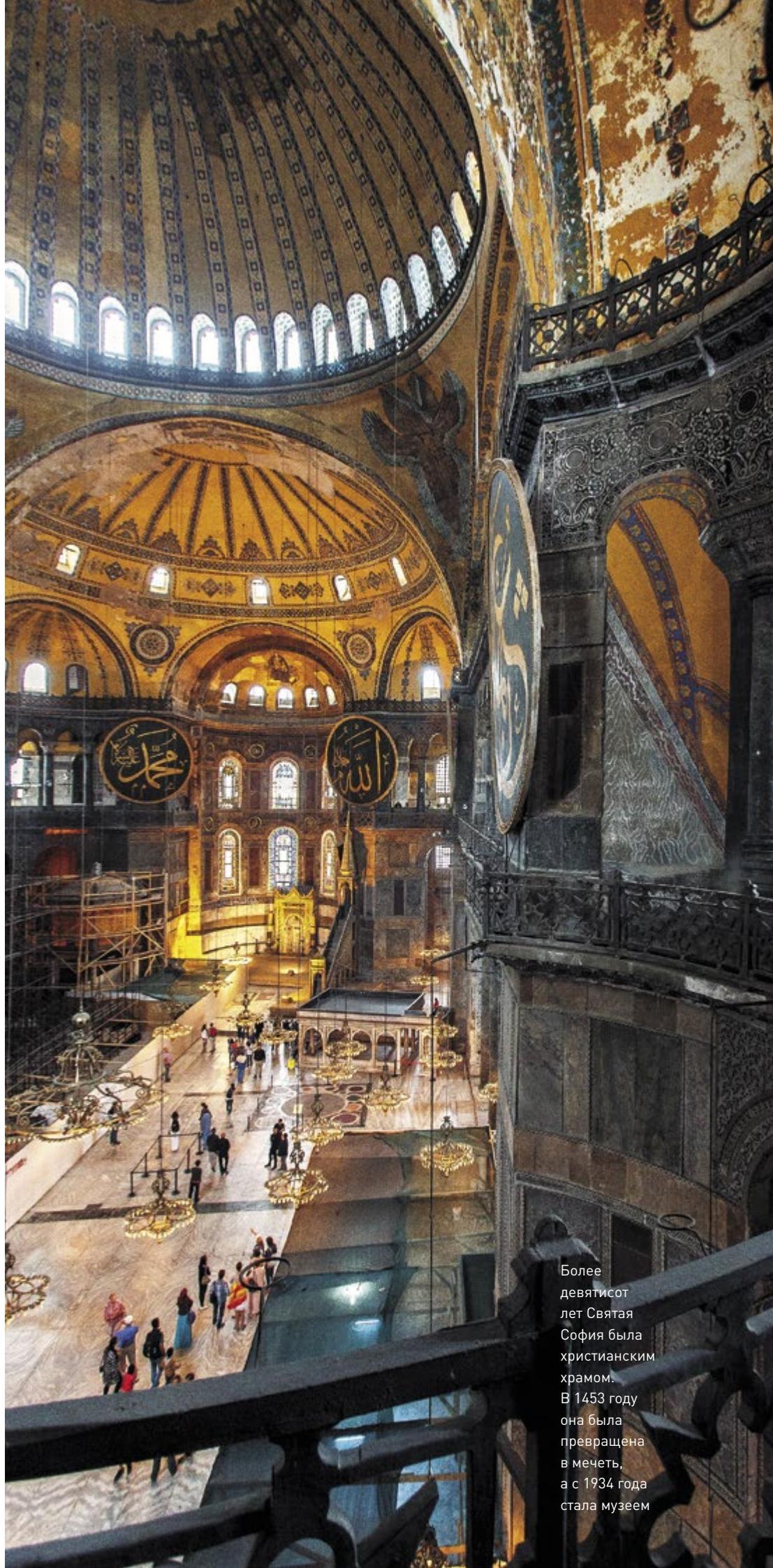

ПРЕВЗОЙТИ СОЛОМОНА

Спустя 40 дней после бойни, 23 февраля 532 года, Юстиниан распорядился начать строительство новой Святой Софии. Замысел императора был грандиозен: он решил превзойти ветхозаветного Соломона и построить храм, которого до сей поры не видел белый свет. И это ему удалось.

Все-таки не зря этот император остался в истории как Юстиниан Великий. Хронисты путались, называя его то фракийцем, то иллирийцем, зато подробно описали внешность и характер василевса. Это был коренастый человек, обладавший немалой физической силой и выносливостью: к примеру, он работал не только днем, но и ночью, из-за чего его прозвали «бессонным императором». Царь был неприхотлив в еде, его никогда не видели пьяным, он был абсолютно равнодушен к роскоши, отличался независимостью в суждениях и действиях: достаточно сказать, что женился Юстиниан по горячей любви на бывшей танцовщице, выступавшей на ипподроме. Скандал был немыслимый. Еще бы! Какие только сплетни не ходили о красавице Феодоре, отличительной чертой внешности которой были огромные черные глаза, сверкающие под сросшимися бровями. Какими только оскорбительными эпитетами ее не награждали! Об этом можно узнать из «Тайной истории» Прокопия Кесарийского, служившего секретарем у Велизария – лучшего полководца Юстиниана. Прокопий ненавидел императорскую чету – это становится ясно после прочтения его памфлета, но даже он признавал мудрость супругов и их взаимную любовь. Говорили, что они ни разу не изменили друг другу.

Помимо вышеперечисленных достоинств Юстиниан умел быстро фокусироваться на решении задач, обладал изощренным умом и выдающимися организаторскими способно-

Более девятисот лет Святая София была христианским храмом. В 1453 году она была превращена в мечеть, а с 1934 года стала музеем

стями. Для строительства новой Святой Софии он собрал 10 тысяч рабочих и привлек лучших архитекторов того времени – Анфимия из Тралл и Исидора из Милета. Правда, Прокопий в своем труде «О постройках» упоминает о зодчем Менданре, а «Летописец Еллинский и Римский» добавляет имена еще двух архитекторов – Михаила и Игнатия. В любом случае, сколько бы их ни было, зодчим удалось блестяще справиться с труднейшей задачей: поднять огромный купол (диаметр, как считают современные исследователи, был чуть более 31 метра: купол юстиниановской

Софии обвалился в середине VI века из-за землетрясения. – **Прим. авт.**) на высоту 55 метров. Вплоть до XIV века, пока в Англии не появился Линкольнский собор Девы Марии, Святая София была самой высокой церковью в мире.

Современников так поражала эта грандиозная стройка, что не замедлили родиться связанные с ней легенды. О кладах, счастливо найденных именно в тот момент, когда введение храма истощило казну империи. О том, что на каждом кирпиче, изготовленном для Святой Софии, была сделана надпись: «Бог посреди Ее,

Изображение
херувима
в одном
из парусов
куполя Святой
Софии

и Она не поколеблется: поможет ей Бог от утра до утра» (немецкий архитектор Вильгельм Зальценберг, приглашенный в XIX веке российским посольством в Стамбуле для обмера и оценки состояния храма, обнаружил в Святой Софии немало кирпичей с надписью «Великая церковь». – **Прим. авт.**). О неизвестном юноше, который пообещал императору помочь деньгами и отвел придворных в свой дворец, где лопатой наполнил золотом несколько десятков мешков. Юстиниан, пожелавший лично поблагодарить благодетеля, не смог найти ни юношу, ни его дворец, после чего молва посчитала, что поспособствовал стройке небесный посланник. Но самая красивая легенда связана с божественным хранителем собора. Как-то раз строители спустились с лесов, чтобы победать, а охранять инструменты оставили подмастерья. Несожиданно перед ним предстал молодой красавец в белоснежных одеждах. Очи его горели странным огнем, напугавшим мальчишку. Незнакомец поинтересовался: куда делись строители? Мальчик пролепетал, что те спустились перекусить. Пришелец вознегодовал и потребовал немедленно возобновить работу. Подмастерье стал оправдываться: мол, отлучиться и позвать начальство он не может, поскольку ему запретили это делать. И тогда незнакомец ответил: «иди за строителями, я не уйду никуда, пока ты не вернешься!» Мальчик сломя голову бросился вниз и рассказал обо всем мастерам. А с ними в это время беседовал сам Юстиниан – император нередко бывал на стройке, проверяя, как идут работы. Он-то и сообразил, что незнакомец – это ангел. И тут же отправил мальчика в Рим, запретив когда-либо возвращаться в Константинополь. Так у храма Святой Софии появился свой ангел-хранитель, который, как считал народ, жил в одном из столпов у алтаря.

Экзонартексы
Святой Софии

Легенда – легендой, а вот греческие и турецкие источники, повествующие о взятии Константинополя турками в 1453 году, говорят о том, что накануне падения города многие наблюдали страшную картина: ночью Святая София засветилась странным, невероятно ярким огнем, который через окна купола ушел в небо. Крик и плач тогда поднялся в Константинополе, ибо поняли ромеи: ангел-хранитель покинул Святую Софию и теперь город обречен...

Строительство Святой Софии длилось почти шесть лет. Юстиниан не жалел ради него никаких средств: для украшения храма использовался мрамор нескольких видов, золото, серебро, свинец, хрусталь, бронза, слоновая кость, смальта, самоцветы и драгоценные камни, со всех концов империи свозились мраморные колонны из языческих храмов. В труде «О постройках» Прокопий Кесарийский так описывал новую церковь: «Этот храм представлял чудесное зрелище, – для смотревших на него он казался исключительным, для слышавших о нем – совершенно невероятным. В высоту он поднимается как будто до неба, и, как корабль на высоких волнах моря, он выделяется среди других строений, как бы склоняясь над остальным городом, украшая его как составная его часть, сам украшается им, так как, будучи его частью и входя в его состав, он настолько выдается над ним, что с него можно видеть весь город как на ладони». Кстати, необыкновенные размеры Святой Софии тоже породили интересную легенду: многие были уверены, что в храме насчитывается 365 дверей – по одному входу специально на каждый день года...

На освящении церкви 27 декабря 537 года Юстиниан подошел к серебряному амвону, воздел руки к небу и воскликнул: «Благословен Бог, избравший меня для совершения такого дела! Соломон, я победил тебя!»

СВЕТ НЕБЕСНЫЙ

Даже сегодня, когда Святая София лишилась почти всех своих мозаик, уничтоженных после завоевания Константинополя турками, а также всех своих драгоценных украшений, разграбленных сначала крестоносцами, а затем янычарами, храм производит неизгладимое впечатление. Поражает его невесомость и легкость. В первые минуты никак не можешь понять,

что ты находишься внутри той самой желто-розовой громады, на которую только что любовался с улицы. Огромный купол будто парит в воздухе, поддерживаемый, кажется, лишь потоками света, льющимися из 40 окон. Но, увы, это – всего лишь призрак былой красоты: просто представьте, как выглядел храм раньше, если учесть, что вся поверхность стен и купола Святой Софии была покрыта сплошным

Мозаичное изображение Богородицы с Младенцем Христом на коленях в конхе апсиды Святой Софии

ковром золотой мозаики с цветочными орнаментами! В смальту – кусочки прозрачного стекла – специально были запаяны лепестки золота. Через определенные промежутки ее укладывали под углом 30 градусов к поверхности, из-за чего золото под лучами света начинало светиться. Этот удивительный эффект до сих пор можно увидеть на чудом сохранившейся прекрасной алтарной мозаике, на которой изображена Богородица с младенцем Христом. Или на остатках золотого мозаичного ковра на потолке нартекса (притвора) храма. Неслучайно послы великого князя Владимира, побывавшие в Святой Софии, были шокированы увиденным. Как сообщает «Повесть временных лет», рассказывали они о своих впечатлениях так: «...и не знали – на небе или на земле мы, ибо нет на земле такого зрелица и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом. <...> Не можем мы забыть красоты той, ибо всякий человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького...» Спустя почти тысячу лет русский путешественник и поэт Николай Гумилев был поражен не меньше: «Перед нами сердце Византии. Ни лестниц или ниш, этой легко доступной радости готических храмов, только пространство и его стройность. Чудится,

что архитектор задался целью «вылепить воздух». Приблизительно так же описывали свои впечатления от Святой Софии и русские паломники, побывавшие здесь в разные века: Антоний Новгородский (см.: «Русский мир.ru» №4, 5, 6 за 2016 год, статья «Свидетели апокалипсиса». – Прим. ред.), Стефан Новгородец, иеродиакон Зосима, дьяк Александр, дьякон Игнатий... И неслучайно три главных собора Древней Руси были построены по образу и подобию константинопольской Великой церкви – храмы Святой Софии в Киеве, Новгороде и Полоцке. И вряд ли можно считать простым совпадением тот факт, что князь Владимир принял крещение в Херсонесе именно в церкви Святой Софии... Сейчас вместо исчезнувшего золотого мозаичного ковра стены

Остатки золотого мозаичного ковра можно увидеть на потолке нартекса

и купол Святой Софии выкрашены желтой краской. Это – итог реставрации, проведенной по инициативе российского посольства в Стамбуле в 40-х годах XIX века. Для работ были приглашены братья-архитекторы Фоссати, спроектировавший здание российского посольства, взялся за реставрацию Святой Софии после того, как было получено соответствующее разрешение от султана Абдул-Меджида. Фоссати заделали трещины и дыры в стенах, укрепили своды и купол, очистили от известки сохранившиеся мозаики. Правда, в конце работ мозаики с иконными сюжетами были вновь замазаны известкой – по приказу султана. Историки ругают Фоссати за варварскую реставрацию, однако мы должны быть призательны швейцарским архитекторам: рискуя репутацией и контрактом, братья по ночам взирались на стену Святой Софии по лесам, через окно проникали в храм и зарисовывали открытые из-под слоя известки сохранившиеся мозаики. Так что только благодаря их решительности в 1853 году был издан уникальный живописный альбом «Аяя-София», и сегодня мы имеем представление о том, как в XIX веке выглядел превращенный в мечеть храм.

СТРАЖИ СВЯТОЙ СОФИИ

Ранним утром, пока храм еще не наводнили туристические и паломнические группы, в Святой Софии можно встретить ее нынешних стражей. Теперь вместо ангела, покинувшего церковь в XV веке, Святую Софию охраняют... кошки. Одним из таких хвостатых сторожей нам удалось познакомиться: недалеко от алтаря сидел роскошный полосатый кот с умными глазами. Мы погладили его, почесали за ушком, снова погладили. Кот сидел не шелохнувшись. «Это – Кири, он работает в музее, – объяснил подошедший к нам смотритель. – Он здесь главный!» «И чем он здесь занимается?» – поинтересовались мы. «Охраняет музей! – рассмеялся смотритель. – Мышей-крыс ловит». Кири наконец удостоил нас взглядом. Но тут в дверях нефа послышался гвалт: появились первые группы туристов. Кири встал, потянулся и благородно покинул пост, пропав где-то в недрах апсиды.

Многие из туристов сразу ринулись в северо-западный угол нефа и выстроились в очередь у знаменитой «плачущей колонны», обитой медным «корсетом». Раньше она называлась колонной Святого Григория Чудотворца,

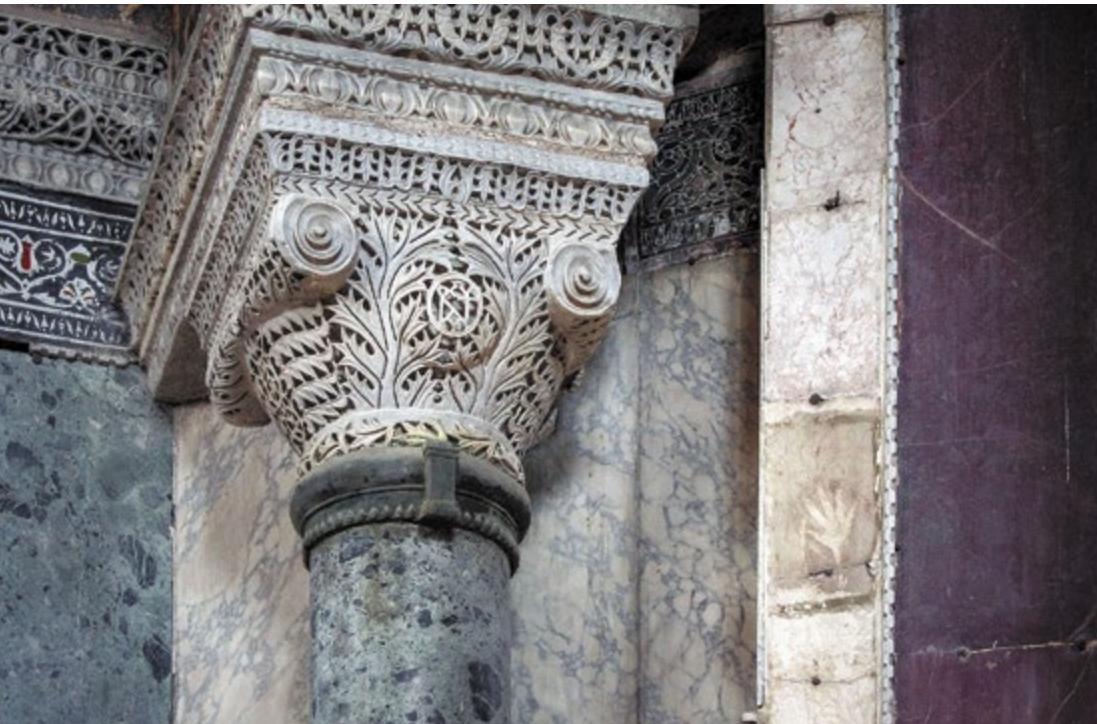
Кот Кири – страж Святой Софии

До сих пор историки спорят о том, что зашифровано в странном узоре из кругов, окружающем омфал

епископа Неокесарийского. Этот святитель жил во времена римского императора Деция и стал особо почитаться в Константинополе после того, как в IX веке явился прихожанам Святой Софии. На месте его явления и была поставлена эта колонна, из которой до сих пор сочится вода. Как писал в «Паломнике» Антоний Новгородский, верующие прикладывались к ней грудью и плечами, терлись об нее и получали исцеление. Вода и тыся-

чи прихожан источили мрамор, и тогда колонну обили медью. Но паломники и туристы умудрились протереть дыру даже в металле. И теперь многочисленные желающие, вставив палец в отверстие, стремятся провернуть его на 360 градусов: считается, что это приносит здоровье и удачу... А мы тем временем отыскали на мраморном полу Святой Софии так называемый омфал – пуп земли, или краеугольный камень. Это – огромный круг из серого

гранита, заключенный в квадрат, по граням которого в странном порядке расположены круги разного диаметра из порфира и зеленого мрамора. «Иногда полагают, что здесь стоял императорский трон, но это ошибка, – пишет в своей книге «В поисках Константинополя» известный византист Сергей Иванов. – Омфал возник не ранее XIV века. Маленькие и большие кружки, роящиеся по периметру центрального круга, образуют загадочный, несимметричный рисунок, причем для пущей головоломки цвета некоторых кругов совпадают. Считали, будто это астрологическое пророчество или зашифрованное гностическими символами словосочетание «Христос София», однако все эти объяснения были впоследствии опровергнуты».

Некоторые исследователи указывают, что омфал (или омфалий) был местом остановки и молитвы императора, своеобразной доминирующей зоной в центре церкви. «Обычай такого оформления пола широко распространился по греческим церквам, попал он и к нам на Русь, – отмечает в книге «Храм Святой Софии в Константинополе» священник Григорий Евтушенко. – <...> В русских соборных чиновниках этот ом-

фалий называют просто – «круг» или «мерой среди церкви». <...> Позднее в Греции в омфалии стали изображать орла, двуглавого или одноглавого, отсюда название омфалия – аетос (орел). Возможно, орлец архиерея – это просто «переносной» омфалий».

РАЙСКИЕ РЕКИ

Предание гласит, что Юстиниан хотел сделать пол в Святой Софии из чистого золота. Но советники отговорили императора, найдя оригинальный довод: мол, после него Византии будут править «бедные императоры», которые придут в храм и

«Отпечаток» ладони Мехмета Завоевателя на колонне. На капитали соседней колонны в центре растительного орнамента можно увидеть монограмму императора Юстиниана Великого

Порфировые колонны Святой Софии

все обдерут. И василевс распорядился покрыть пол белым мрамором. А поперек церкви, параллельно солее, выложили четыре полосы из темно-зеленого мрамора, символизировавшие четыре райских реки Ветхого Завета: Фисон, Гихон, Тигр и Евфрат. Согласно литургическому комментарию епископа Андидского Феодора, жившего в XII веке, в начале богослужения в Святой Софии архиерей представлял явление Христа на Иордане, стоя именно на этих райских реках, или потамионах (источниках). Они же являлись границами для определенных категорий молящихся – кающихся и оглашенных, – которые эти люди не имели права переступать.

Сегодня от четырех «райских рек» в Святой Софии почти ничего не осталось, увидеть можно лишь одну из них, пересекающую храм под аркой восточного полукупола.

Зато можно полюбоваться на роскошную мраморную облицовку стен и мраморные колонны храма. В причудливых узорах мрамора некоторые угадывают то Богородицу, то ангелов, а то и ядерный взрыв, сметающий с лица земли какой-то город. Но самая удивительная «картинка», созданная природой, находится на одной из колонн справа от алтаря: здесь на высоте 5,5 метра можно увидеть «отпечаток» руки. Османская легенда гласит, что появился он следующим образом. 29 мая 1453 года, когда Константинополь был захвачен турками, султан Мехмет Завоеватель въехал в Святую Софию верхом. Церковь была завалена убитыми христианами. Конь султана, преодолевая гору трупов, оступился, и Мехмет, чтобы не упасть, оперся рукой на колонну, оставив на ней отпечаток ладони и пяти пальцев.

Но эта мрачная история не имеет никакого отношения к действительности. Поскольку перед тем, как войти в Великую церковь Царыграда, Мехмет II спешился у дверей храма...

Окончание в следующем номере.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

БАЛЕТ НА ШТИКАХ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ОСОБЕННОСТЬЮ ЭТОГО ВИДА БАЛЕТА ЯВЛЯЕТСЯ ОТСУТСТВИЕ ПАССИВНЫХ ЗРИТЕЛЕЙ. ТАНЦУЮТ, СОГЛАСНО ЛЕОНИДУ КУРАВЛЕВУ – КНЯЗЮ МИЛОСЛАВСКОМУ, ВСЕ. НА АРМЕЙСКОМ СЛЕНГЕ В РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ БАЛЕТОМ НАЗЫВАЛИ НАШ ЗНАМЕНИТЫЙ ДОМОРОЩЕННЫЙ ШТИКОВОЙ БОЙ.

В ПОСЛЕДНЕМ ПРЕД-
ставлении во вре-
мя Первой мировой
войны германцам дове-
лось поучаствовать в июле 1917
года под Тарнополем. Так тогда
называлась одна из губернских
столиц в Галиции. Ныне это –
областной центр Тернополь на
Украине. Спектакль выдался
на славу, особенно в той части
огромной сцены под открытым
небом, где угораздило расположиться
гренадеров 8-го Бавар-
ского полка: у деревни Мшаны.
«Танцевать» им пришлось с сол-

датами гвардейского Преобра-
женского полка. К слову, после
Февральского переворота Вре-
менное правительство гвардей-
ский статус сохранило всем во-
инским частям, входившим в
императорскую гвардию. Отме-
нило лишь приставку «лейб». В
сущности, события под Тарно-
полем стали для Русской армии
финалом всей войны. Да, была
еще тоскливая оборонительная
операция в латышских землях,
завершившаяся 6 сентября сда-
чей Риги. Была драма Моонзун-
да, когда только минные банки,

поставленные на входе в Фин-
ский залив под чутким руковод-
ством Александра Колчака да
надвигающаяся на балтийские
воды зима спасла Петроград от
удовольствия лицезреть кораб-
ли кайзеровского флота. Были
локальные стычки на Украине
даже после подписания в Бре-
сте в марте 1918-го мирного до-
говора с Германией, который
иначе как позорным называть
не принято. Однако именно 5-я
Галицийская битва, начавшаяся
1 июля 1917 года русским на-
ступлением на Галич и Львов и
завершившаяся чуть более чем
через месяц тотальным отсту-
плением наших армий на ста-
рую государственную границу
по реке Збруч, стала последним
масштабным событием на Вос-
точном фронте.

К.С. Петров-
Водкин.
На линии огня.
1916 год

стороны, и немцам, и австрийцам воевать на востоке всерьез стало нечем. Все ресурсы пожирали французский, итальянский и греческий фронты. Ну а причем тут «преображенский балет», спрашивается? Притом, что наряду с остальными частями армии в Галицийском сражении в последний раз в своей истории участвовали самые знаменитые полки русской пехоты – гвардейские. А еще притом, что ряд гвардейских полков, брошенных армией, но стоявших насмерть, были сразу же подвергнуты, мягко говоря, неприветливой критике, которая усилиями некоторых современных историков и публицистов от войны превратилась в устойчивый уничтожительный штамп.

На следующий день после того, как 25 июля Тарнополь был сдан, газета «Киевская мысль» – заметьте, самая тиражная провинциальная газета России – разразилась комментарием: «Гвардия самовольно оставила свои позиции под Тарнополем и без всякого давления со стороны противника отошла в восточном направлении». Если учесть, что многие гвардейские части – практически вся кавалерия – находились в значительном отдалении от Тарнопольской губернии, такое заявление выглядит попросту огульным. Однако важнее другое – оставила или не оставила?

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Русский солдат, верный присяге, пытается остановить своих однополчан-дезертиров. Юго-Западный фронт. 1917 год

УВЕРТИЮРА. ЗАНАВЕС

Был такой генерал в Русской армии – Александр Лукомский. Летом 1917-го занимал должность начальника штаба Верховного главнокомандующего. Второй человек в Ставке. Так вот в докладе о событиях второй половины июля он писал: «1-й гвардейский корпус, смененный в ночь на 7 (20) июля 5-м армейским корпусом, самовольно ушел в Вишневец (65 верст от боевой линии)». Что-то, воля ваша, не пойму – если корпус был сменен, то почему он должен был оставаться на месте? Простая логика подсказывает, что он как раз должен был

куда-то уйти. Может быть, в вышестоящих штабах забыли сообщить корпусному начальству, куда именно? Такое более чем возможно, ведь, по многим свидетельствам, остальные бежали без оглядки, а возглавляли бегство как раз штабные. Штаб 11-й армии оказался за 100 километров от Тарнополя – в Прокурове (ныне – Хмельницкий), штаб Юго-Западного фронта и вовсе умчался из Бердичева в Киев... Откуда же взяться телефонной, телеграфной да хотя бы голубиной связи при таких забегах? Кстати, от тех мест, где сражались или стояли в дивизионном и корпусном резервах

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка Рыбалко – часовой у знамени полка. Слева от часового стоит капитан Кутепов, в будущем один из лидеров Белого движения. Первая мировая война

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

полки 1-го Гвардейского корпуса, до местечка Вишневец вовсе не 65 верст (69 километров), а в полтора-два раза меньше. Ну да это ерунда...

Примечательно, что в подробных мемуарах, изданных в 1922 году, эмигрант Лукомский Тарнопольскую историю обходит стороной, хотя весьма подробно описывает даже события, прямым участником которых он не являлся. Видать, успокоился Александр Сергеевич в Европе, вспомнил что-то, документы кое-какие почитал. А в исследованиях написано: «1-й гвардейский корпус самовольно бросил тарнопольские позиции и отошел в восточном направлении. Только гвардейская Петровская бригада упорно сдерживала превосходящие силы врага, потеряв 80 процентов офицерского состава». Получается, что уже не вся гвардия. И не весь корпус. Для справки: 1-й Гвардейский корпус насчитывал 8 пехотных полков. Кавалеристы корпуса стерегли позиции на Волыни.

По поводу «самовольно бросил» мы уже объяснились. Пожалуй, штабы армии и фронта старательно пытались снять с себя ответственность за сдачу Галиции. Но вот как расценивать пассаж современного специалиста в военной истории, с пафосом восклицающего: «Картина поразительная: прославленный Первый гвардейский корпус – преображенцы, семеновцы, измайловцы, егеря, московцы, гренадеры, павловцы и финляндцы – бежит перед слабейшим противником. Что произошло с фронтовиками?» А далее – еще чудеснее: «Масса идет за вождями. Посмотрим внимательнее, что там были за вожди». Давайте. Командиром Преображенского полка в 1917 году был полковник Александр Кутепов. Тот самый, что прошел всю Гражданскую войну, держал в порядке 30-тысячный корпус Русской армии в Галлиполи, возглавлял РОВС после смерти Врангеля...

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Генерал
Александр
Павлович
Кутепов
(1882–1930)

АКТ ПЕРВЫЙ. ПЕТРОВСКАЯ БРИГАДА

В отличие от Лукомского Ставка ВГК, в которой он служил начальником штаба, 20 июля 1917 года официально сообщила: «На Юго-Западном фронте при малейшем артиллерийском обстреле наши войска, забыв долг и присягу перед Родиной, покидают свои позиции. На всем фронте, только в районе Тарнополя, полки Преображенский и Семеновский исполняют свой долг». На то число так оно и было. Чуть позже долг исполнили и другие.

Выждав, когда русское наступление в Галиции выдохнется, немцы перешли в контрнаступление и 19 июля прорвали фронт. Крайне сложная ситуация сложилась у городка Зборов, от которого дорога вела к местечку Езерно и далее – в Тарнополь. Мало того что губернский центр был мощным транспортным узлом, где скопилось большое количество тяжелой артиллерии, так еще в Езерно находились огромные интендантские и оружейные склады. Германцам требовалось пройти каких-то 30 километров, чтобы и склады захватить, и транспортные пути,

и гаубицы, и к тому же отрезать 8-ю армию. На поддержку частей, которые, как полагали в штабах, сдержат немца, срочно отправили преображенцев и семеновцев. Перед выходом Кутепов обратился к полку: «Россия в опасности. Все простить можно. Нельзя простить предательства. Преображенцы предателями не были. Пусть шкурники остаются, они не нужны. Полк сейчас выступит и пойдет со мной». Шкурников не оказалось. И это не игра в слова. Тому свидетелями – офицеры полка. Например, капитан Юрий Зубов, вспоминавший об этих минутах спустя двенадцать лет на страницах журнала «Часовой».

Форсированным ночным маршем под непрерывным дождем, без артиллерии и кавалерийского прикрытия Петровская бригада ранним утром 20 июля прибыла в деревню Мишаны. В ней разместились батальоны Кутепова, семеновцы расположились в соседней деревне Ядровце, верстах в трех. Приказ обсушиться и отдохнуть солдаты выполнить не успели. На подходах к деревне появились густые цепи. А в Мишанах – роты 9-го пехотного Ингерманландского полка. Они уходили через деревню на восток. Одна была польза от «бегунцов» – Кутепов узнал, что все полки 3-й и 176-й пехотных дивизий бросили позиции еще ночью. А посему густые цепи – это атакующие немцы. Батальоны были подняты в ружье. Не только дурной пример заразителен, но и пример, достойный подражания. «Начальники пулеметных команд 10-го Новоингерманландского, 11-го Псковского, 12-го Великолуцкого пехотных полков, одного из полков 176-й дивизии и два командира батарей 35-й артиллерийской бригады доложили, что команды и батареи уходить в тыл считают позором и будут драться», – вспоминал Зубов. Германцев подпустили на 200 шагов, и 2-й батальон преображенцев бросился в атаку. Вот вам и балет. В 3-м батальоне не выдержали и откликнулись на мощное «Ура!». Элитных бавар-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АКТ ВТОРОЙ. ВТОРАЯ ДИВИЗИЯ

Утверждать, что все без исключения гвардейцы в 1917 году были образцом боевой выучки, дисциплины, преданности Отечеству – никак нельзя. Императорская гвардия несла огромные потери в 1914 году – в Мазурских болотах и в центральной Польше. Восстановленная к лету 1916-го, гибла в Брусиловском прорыве и на реке Стоход под Ковелем. Еще раз восстановленная к кампании 1917-го, она уже не состояла из того уникального человеческого, как говорится, материала, что имелся в распоряжении военного ведомства перед войной. Офицер лейб-гвардии Финляндского полка Яков Слащёв, имевший к этому времени восемь боевых орденов и пять ранений, утверждал, что за три года войны через полк прошло 30 тысяч человек. То есть сменилось по меньшей мере семь составов. Официальная полковая статистика извещает, что потери от кадрового состава – это 93 процента офицеров и почти 100 процентов нижних чинов. В ротах оставались считанные единицы тех, кто в августе 1914 года покинул полковые казармы на Васильевском острове Петрограда. Не удивительно, что после революционных событий и в гвардейских частях на фронте возникали всякого рода эксцессы. Бальзам на раны тех, кто считает, что гвардия вместе с обычными армейскими частями в 5-й Галицкой битве бросала позиции, уходила без приказа в тыл, отказывалась драться – история гвардейских гренадер. Заслуженный-перезаслуженный полк, героически сражавшийся в Первой мировой, на самом деле летом 1917-го «сломался» и повел себя нетипично. Причина? Прежде всего человеческий фактор. Та самая роль личности в истории. Если у преображенцев был волевой и бесстрашный командир, то у гренадер в лидерах оказался харизматичный авантюрист штабс-капитан Игнатий Дзевалтовский-Гинтворт. Этот товарищ не зря окончил четыре курса Петербургского психоневрологического института. Знал, как

цев гнали 2 версты. А где и 2 с половиной. В штыки! Однако силы были слишком неравны. К полуночи выяснилось, что против четырех преображенских батальонов немцы имеют пятнадцать. Стала ясна и боевая задача: удерживать противника у Мишан хотя бы сутки. Тогда в тылу успеют подготовить к взрыву склады и вывезти тяжелые пушки, которые являлись традиционным дефицитом в Русской армии.

Германские командиры сообразили, что в лобовых атаках никакое превосходство в живой силе преображенцев не сломит. Русские штыки как гигантский дикобраз. Поэтому на полную мощь включили артиллерию, которая стала перепахивать ничем не защищенные позиции Петровской бригады. Да, теперь уже бригады, так как подошел на помощь батальон братьев-семеновцев. Пользуясь тем, что артиллерийский обстрел не давал поднять голову, немцы начали охват русских батальонов с флангов. Кутепов во время отреагировал на маневр и применил контраневр: отход волнами. В итоге батальоны к вечеру вернулись в Мишаны. С трудом удалось оттащить от немцев батальон семеновцев. Никак не хотели выходить из драки.

В

самом конце боя случился эпизод, который долго не давал покоя преображенцам, оставшимся в живых. Полковая традиция гласила: не оставлять на поле боя тела погибших офицеров. А та-ковых оказалось шестеро. Уже не было ни сил, ни возможностей нести тела дальше. В деревне от артиллерийских снарядов погибло много солдат, что несли

Русские казаки въезжают в деревню.
Галиция.
Первая мировая война

мертвых офицеров. И пятерых погибших оставили в униатской церкви в Мишанах. На гимнастерку каждого прикрепили по клочку бумаги, на которых – полк, фамилия, чин. И – приписки: «Пал за Родину».

Таких, павших за Родину в том бою, только в рядах Преображенского полка оказалось 569 человек. Общие потери полка – 1317 солдат и офицеров. А ведь были убитые и раненые среди тех, кто дрался с преображенцами плечом к плечу. Полковой адъютант капитан Петр Малевский-Малевич вспоминал: «Бои между 7 (20) и 15 (28) июля нельзя назвать иначе, как подвигом Петровской бригады. <...> Как наша бригада, дерясь с противником каждый день в течение двух недель, вышла из этого ада, я думаю, никто сейчас объяснить не может». Итак, 28 июля бригада еще дралась. А если помните, по мнению «Киевской мысли» – 25-го уже «самовольно отходила».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Яков
Александрович
Слащёв.
1918 год

управлять массовым сознанием. Политехнолог своего рода. Будучи избранным председателем полкового комитета, он, большевик со стажем в четыре месяца, старался контролировать в полку все, вплоть до того, какие газеты и листовки могут попасть в руки солдату, а какие нет. И у него получалось.

Гвардейские гренадеры стояли недалеко от передовой. За считанные дни до начала 5-й Галицкой битвы расположение полков 1-го Гвардейского корпуса посетил премьер Александр Керенский. Гренадеры во время визита демонстративно встали в каре в полукилометре от места общего сбора. А 3 июля полк получил приказ выступить в зону боевых действий. Но согласно решению полкового комитета, читай – Дзевалтовского, остался на месте. Кончилось все простоенько, как ни удивительно для столь революционной эпохи. Стоянку полка окружили кавалерией, подтянули артиллерию и предъявили ультиматум: бузу прекратить, оружие сдать. А заодно – и зачинщиков. Через два с половиной часа в случае неисполнения – огонь на поражение. Гренадеры послушались, равно как и солдаты присоединенного к ним батальона гвардии Павловского полка. Солдаты большевиков числом 78 человек и штабс-капитана Дзевалтовского арестовали и препроводили в тюрьму города Каменца-Подольского. Полк раскассировали и командами по 60–70 человек отправили в другие части. Оставшихся верными присяге 300 гренадер отправили в тыл с сохранением полкового названия и регалий на переформирование. Один из комиссаров Гренадерского, а позже – гвардии Волынского полка уже в советское время в «глубоко аргументированных» мемуарах поведал миру, что его подопечные отошли с линии фронта, что и обеспечило немцам успех в Тарнопольском прорыве. Чего только не вспомнишь ради партийного пайка! Гвардейские гренадеры на линию фронта даже не выходили. И защищать Тарнополь не

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.Ф. Керенский выступает на митинге во время поездки на Юго-Западный фронт. 1917 год

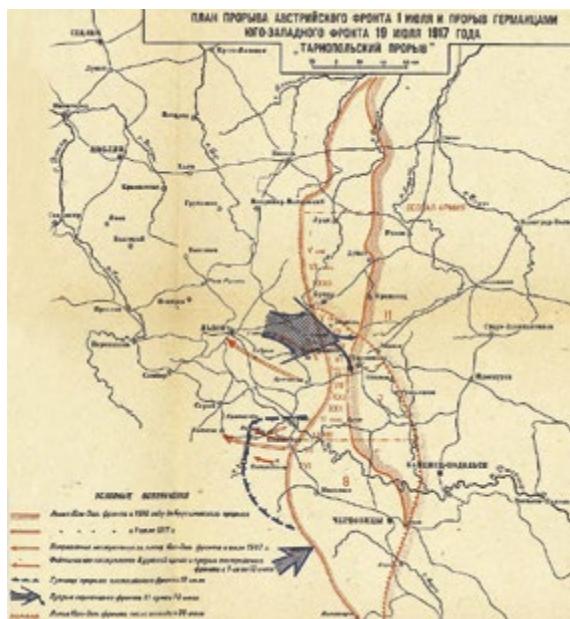
могли по вышеуказанной причине – полка как такового уже не было. А прорыв спровоцировали полки 6-й гренадерской дивизии, сформированные из свежепризванных ратников в 1917 году, пороха не нюхавших. Это они первыми побежали после первой артиллерийской обработки, чем спровоцировали на подобное других.

Иным образом повел себя другой полк, 2-й гвардейской дивизии 1-го Гвардейского корпуса. Тот самый, в котором служил Яков Слащёв. Пока гренадеры «качали права», он воевал. Отметился отменным боем 18 июля, когда наступление еще не превратилось в отступление, затем – под Тарнополем и в самом городе. Гвардии

Финляндский полк дрался яростно, в течение суток удерживая вверенную ему высоту, пока не получил приказ об отходе вследствие того, что армейские части продолжали свой бег к Зброчу, оголяя фланги сражавшихся гвардейских батальонов и обрекая их на окружение и полное уничтожение. Случилось это на следующий день после того, как германцы ворвались в Тарнополь. То есть, выходит, полк 1-го Гвардейского корпуса былся после того, как его вкупе с другими обвинили в том, что он самовольно ушел с передовой. «Самоволка» по приказу – что-то из ряда воин!

Кстати, узнав о странных комментариях Ставки, связанных с событиями под Тарнополем, командир 3-го батальона, потерявшего в боях 15 процентов личного состава, отправил рапорт с опровержением той оценки, что была дана действиям финляндцев. В горячке всяческих преобразований, бесконечных обсуждений, многочасовых дискуссий на тему «самой свободной и демократичной армии в мире» комиссия по расследованию Тарнопольской катастрофы была создана довольно быстро. Ее возглавил генерал от кавалерии Сергей Шейдеман. Так вот, эта комиссия вынуждена была признать, что к гвардии Финляндскому полку претензий нет. Как и к гвардии Измайловскому, державшему позиции левее Тарнополя по реке Серет.

План «Тарнопольского прорыва». Июль 1917 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АКТ ТРЕТИЙ. ТРЕТЬЯ ДИВИЗИЯ

После сдачи Тарнополя последняя Галицийская битва не закончилась. Германца надо было остановить. И где, как не на государственной границе, что пролегала до войны по реке Збруч, в полусотне верст восточнее Тарнопольского рубежа. Сюда-то и бросили полки 2-го Гвардейского корпуса. Гвардии Кексгольмскому полку в роли пожарной команды выступать на войне было делом привычным. Первый опыт он получил еще в сентябре 1914 года на стыке Восточной Пруссии и Русской Польши.

Незадолго до германского контранаступления начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Николай Духонин (позже – последний Главковерх Русской армии в этой войне) делился с командующим 8-й армией генералом Лавром Корниловым соображениями по поводу того, что 2-й Гвардейский корпус воевать не хочет. И не только солдаты корпуса, но и их начальник – генерал-лейтенант Георгий Вирановский.

Очевидно, что в чехарде, царившей с марта 1917 года в армии, уровень коммуникаций между большими начальниками оставлял желать лучшего. Кто-то из опаски помалкивал, кто-то «истерил», кто-то строил расчеты на будущее, кто-то психологически вымотался. До-

вольно было таких, кто на революционной волне взмыл на уровень, не соответствовавший его квалификации и боевому опыту. О том же Корнилове, проделавшем за три года путь от командира дивизии до Главковерха, коллеги, достойные уважения, высказывались как о «продукте времени». Если вспомнить, что полтора года из трех военных лет Лавр Георгиевич провел в плену и на лечении, претензии имеют место. Так что мнение Духонина о потенциале 2-го Гвардейского корпуса могло базироваться на чем угодно, только не на реальном положении вещей.

А положение было таково. Оказавшись на линии огня у Збру-

Эвакуация
раненых русских
солдат с поля
боя. Галиция.
1917 год

Генерал-
лейтенант
Николай
Николаевич
Духонин
(1876–1917)

ча, основанный в 1710 году Кексгольмский полк дрался две недели с небольшими перерывами вплоть до 4 августа. Пока немцы и австрийцы на этом направлении не успокоились. И вместе с товарищами по корпусу из гвардии Волынского полка купали кайзеровцев в Збруче неоднократно. И без балета в одни дни тоже не обходилось.

Кстати, о волынцах. Это был особенный полк. Он отличался невероятной дисциплиной. И надо же такому случиться, что именно в петроградских казармах этого полка выплеснулась наружу революционная брага Февраля. Однако в поверхностных спорах на сей счет как-то забывается, что в казармах находились не волынцы-фронтовики, а призывники, из которых только собирались делать полноценных солдат-гвардейцев. Скупая на эмоции летопись полка напоминает: «Подошедший из резерва Волынский полк своей кровью смыл позор запасного батальона и еще раз доказал свой железный характер, как было отмечено в донесении Ставки, заслужив в бою 356 Георгиевских крестов. 12 офицеров полка были награждены солдатскими Георгиевскими крестами «с веточкой». 1 августа 1917 года Корнилов предписал общее контранаступление, и русские полки опрокинули неприятеля в Збруч».

В августе 1917 года линия фронта в полосе ответственности гвардейских корпусов Русской армии стабилизировалась. Стрелять стали редко. В заступившей на позиции гвардии Стрелковой дивизии солдаты убили командира 1-го Стрелкового полка и заступившегося за него батальонного команда. Пулей, прикладом или штыком – не важно. Если офицеров убивают не в бою, это говорит о том, что очередная война закончилась. О том, что впереди – очередная революция. А революция и балет – две вещи несовместные. ■

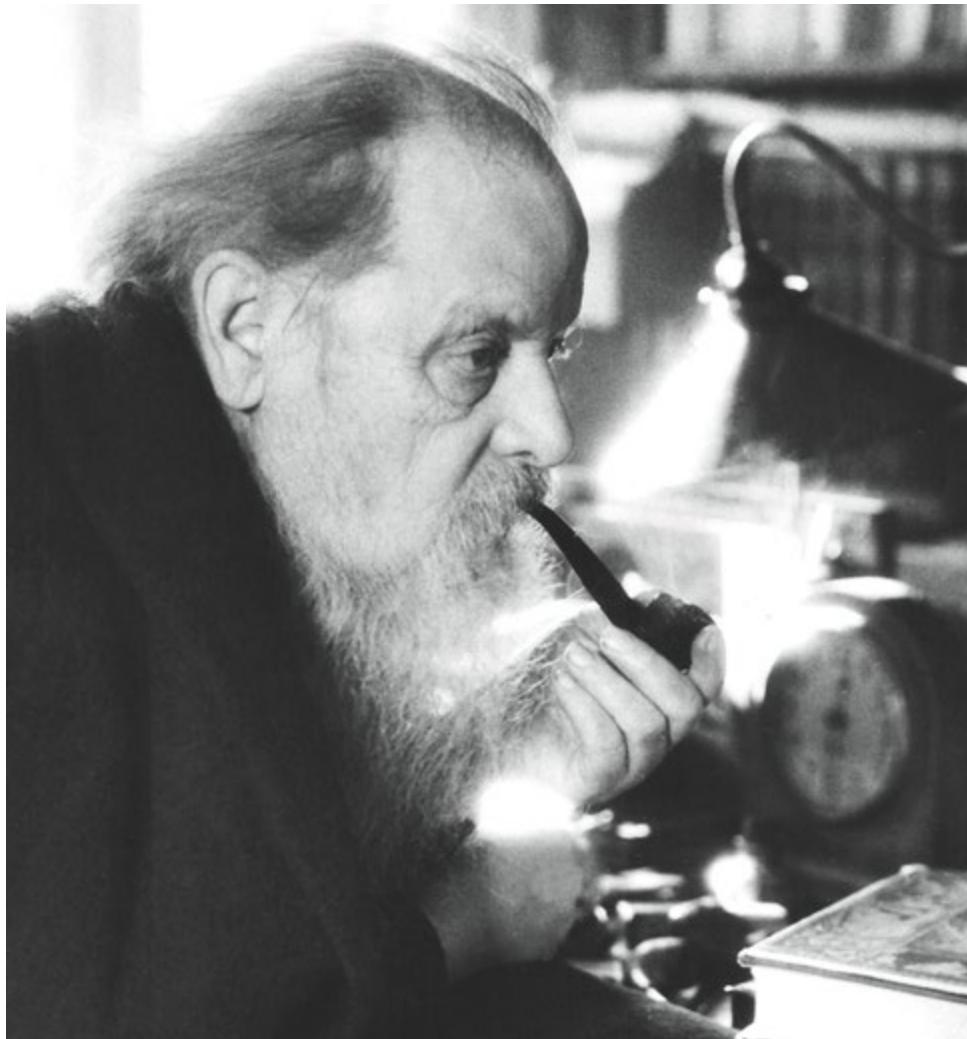
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

СЕМЬ ЖИЗНЕЙ ПАВЛА БАЖОВА

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

О СКАЗАХ БАЖОВА КРИТИКИ СРАЗУ НАЧАЛИ СПОРИТЬ:
ЭТО ОН САМ ПРИДУМАЛ ИЛИ РУССКИЙ НАРОД? ЭТО ЗАПИСИ
ФОЛЬКЛОРА ИЛИ АВТОРСКОЕ ТВОРЧЕСТВО? ПРАВЫ ВСЕ:
ЭТО ПРИДУМАЛ И РУССКИЙ НАРОД, И САМ БАЖОВ.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В годы учебы в Пермской духовной семинарии. Конец 1890-х годов

ЖИЗНЬ ПЕРВАЯ: СРЕДИ РАБОЧИХ

Отец работал на металлургическом заводе. Характер у отца был сложный – отсюда, возможно, и его прозвище – Сверло: ехидные остроты, адресованные фабричному начальству, не раз стоили ему должности. Семья то и дело кочевала – отец работал то на одном заводе, то на другом. «Работал отец в пудлингово-сварочных цехах в Сысерти, Северском, Верх-Сысертском и Полевском заводах, – писал Бажов в автобиографии. – К концу своей жизни был служащим – «рухлядным припасным» (это примерно соответствует цеховому завхозу или инструментальщику)».

Мать была круглой сиротой. В детстве ее взяли в «барскую ружодельню», где она выучилась плести кружева и вязать; ее кружева и узорчатые чулки пользовались спросом у местных дам, а заработка помогали семье выживать, когда Петр Васильевич сидел без работы.

Автобиографическая повесть «Зеленая кобылка» дает некоторое представление о детстве Бажова в маленьком городке, где мальчишки воюют улица на улицу, торчат целыми днями на рыбалке, а возвращаясь домой, получают нагоняй от матери и кусок хлеба от

Будущий сказочник Павел Бажов был единственным сыном горного мастера Петра Васильевича Бажова и его жены Августы Стефановны. Родился он в маленьком городке Сысерти 15 (28) января 1879 года. Фамилия семьи тогда писалась как «Бажевы».

Сысертский завод. 1894 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

доброй бабушки. Мальчик за- слушивался сказками сысертских стариков – в особенности бывшего горного мастера Василия Хмелинина, или дедушки Слышико, о котором Бажов рассказывает в «Уральских сказах». Дедушка работал сторожем дровяного склада при заводе, и маленький Павлуша с приятелями бегал в хмелининскую сторожку-«караулку» на Думной горе слушать истории о старом времени.

В земской трехлетней школе Павел был лучшим учеником. Оказалось, у него была великолепная память: раз библиотекарь в шутку сказал ему, что второй том Пушкина выдают тем, кто выучил первый наизусть – и Бажов выучил наизусть весь первый том Пушкина! О чудо-мальчике услышал ветеринарный врач Смородинцев, который посоветовал родителям отдать сына в Екатеринбургское духовное училище: плата за обучение там была гораздо ниже, чем в гимназии. На первых порах мальчик жил дома у Смородинцев в поселке Верх-Исетского завода, затем перебрался в ученическую квартиру. В духовном училище Павел проучился с 10 до 14 лет, а в 1893 году поступил в Пермскую духовную семинарию.

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ: СЕМИНАРИСТ И УЧИТЕЛЬ

Здесь Бажова за красноречие прозвали Ритором. Семинарию он окончил «по первому разряду», с третьим результатом, ему предложили поступать в Киевскую духовную академию на казенное содержание. Бажов отказался: он не собирался становиться священником. Надеялся посту-

пить в Томский университет – один из трех университетов в Российской империи, куда принимали семинаристов. Но денег на оплату обучения у него не было. Отец его умер, когда он был в четвертом классе семинарии, у матери стало слабеть зрение, она больше не могла заниматься рукоделием. Поэтому Бажов уехал работать учителем начальной школы в деревне Шайдурихе под Невьянском. Через три месяца по хлопотам Смородинцева молодого учителя отозвали в Екатеринбург, где он начал преподавать в духовном училище, в котором сам учился. Преподавал русский и церковнославянский языки, русскую литературу и даже арифметику, чистописание и черчение. Это и была его первая настоящая работа.

С 1908 года он работал и в епархиальном училище, где готовили учительниц. На одной из своих выпускниц, Валентине Александровне Иваницкой, он женился в 1911 году. Ариадна Павловна Бажова, дочь писателя, рассказывала в одном из интервью: «Мама говорила, что папой восхищались все ученицы. Правда, к нему женщины всегда были неравнодушны, притом что он ни за кем никогда не ухаживал – был предан моей мамочке. А учителем был строгим, критиковал ее за сочинения, но на выпускном (видимо, присмотревшись) сделал предложение. И они счастливо прожили сорок лет».

Учителем Бажов проработал до 1917 года. На длинные летние каникулы он уезжал в экспедиции, в которых изучал быт рабочих, условия их труда, собирая крестьянский и рабочий фольклор. Весь собранный материал, жаловался Бажов в автобиографии, пропал вместе с его библиотекой во время Гражданской войны, когда Екатеринбург был под властью белых.

Сам Бажов к 1917 году был уже убежденным красным. Но большевиком он стал не сразу.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЖИЗНЬ ТРЕТЬЯ: РЕВОЛЮЦИОНЕР

В 1905 году, во время Первой русской революции, Бажов участвовал в рабочих маёвках и даже попал в тюрьму, где просидел два месяца: по одной версии, из-за маёвки, по другой – из-за участия в «учительском союзе». В партийной анкете он потом писал, что участвовал в это время в «анархо-народнических группировках». Но первая его книга – «Программа трудового крестьянства (к вопросу о крестьянской организации)», которую он издал летом 1917 года, – близка к программе эсеров. В советское время Бажов пытался отмежеваться от эсеров, объясняя, что был, скорее, анархистом и блокировался с ними по тактическим соображениям.

Однако первый его опубликованный текст – педагогический: «Мамин-Сибиряк как писатель для детей» («Екатеринбургские епархиальные ведомости», 1913). А с 1917 года Бажов начинает регулярно печататься, причем в центре его внимания уже не педагогика, а выборы в Учредительное собрание, свобода слова... Он публикуется в газете «Заря народоправства», иногда подписывается псевдонимом Деревенский.

Сразу после женитьбы Бажов решил обзавестись собственным домом: взял кредит и начал стройку. Большой бревенчатый дом с высокими потолками, в котором он потом прожил почти всю жизнь, был построен к 1914 году. Но началась Первая мировая война. Бажовы с двумя детьми, погодками Ольгой и Еленой, уехали в Камышлов, где жили родители Валентины Александровны. Здесь Бажов тоже преподавал, но с началом революционных событий активно занялся политикой. В августе 1917 года даже стал городским головой – и в этом качестве 29 октября подпись на опубликованное в городской газете «Воззвание революционного комитета». В 1918-м он уже член исполкома Камышловского уездного Совета крестьян-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С бойцами
отряда «Красные
орлы». 1918 год

ских, рабочих и солдатских депутатов, а затем – комиссар просвещения. Летом того же года, когда Камышлов заняли белые, Бажов пошел добровольцем в Красную армию. Воевал в составе 29-й дивизии, редактировал газету «Окопная правда». В конце 1918 года белая армия пошла в наступление; этот период в советской истории Гражданской войны называют «Пермской катастрофой». 29-я дивизия отступала на Пермь через Нижний Тагил, но Пермь была уже занята белыми, и отступать оказалось некуда. Ловушка захлопнулась, попавших в нее красноармейцев истребляли безжалостно, впрочем, дикой жестокостью в этой войне отличались обе стороны. Бажов, к тому времени не только редактор газеты, но и секретарь партийной ячейки Уральской дивизии, попал

в плен к колчаковцам. Позже, в 1933 году, ему предъявили обвинение в том, что в плен он сдался сознательно. В записке партследователю Бажов ответил на это обвинение так: «Когда человек выбегает из зажженного им вагона и сразу попадает под удар прикладом, а потом после зверского избиения уводится в бесчувственном состоянии в тюрьму, то трактовать это как сдачу – значит – либо не понимать действительного смысла этого слова, либо злоупотреблять им в каких-то особых целях». Из тюрьмы он сбежал через пять дней.

По белогвардейским тылам он шел домой в Камышлов, где осталась семья. Дома он обнаружил, что белые арестовали двух сестер жены, зятя и тетку, зарубили шашками племянника: в маленьком Камышлове

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Дом
в Камышлове
на улице Карла
Маркса, 11,
где с 1914 по
1918 год жила
семья Бажова

С селькорами
в редакции
«Крестьянской
газеты»

все знали, что Бажов большевик. Недавно родившую жену в больнице положили в холодный барак, где лежали больные скарлатиной. Жена и новорожденный сын Константин заболели. Мальчик не выжил – Бажов застал умершего ребенка и тяжелобольную жену.

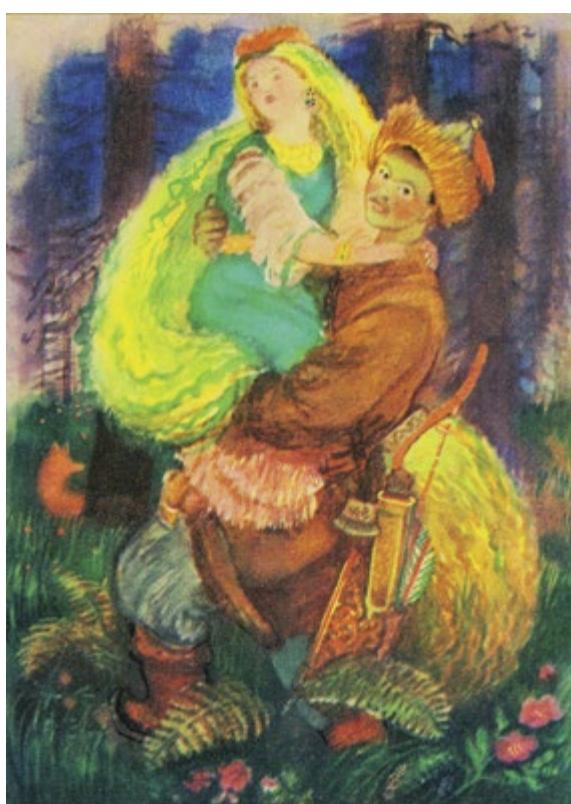
Оставаться в Камышлове было невозможно. Бажов связался с подпольщиками, получил задание найти в Омске конспиративную квартиру. Сбрив бороду, разжился поддельными документами и отправился в Омск. Найти нужного подпольщика не удалось. Бажов из Омска еле выбрался: его документы показались белым подозрительными. Потом он партизанил в Томском урмане, добрался до Барабинска, затем до Каинска; здесь получил документ учителя и несколько месяцев преподавал в глухой деревне Бергуль (ныне – Новосибирская область). Сейчас в Бергуле есть музей Бажова.

Он связался с местными партизанами. Из Бергуля после разгрома партизанского отряда перебрался под Усть-Каменогорск, где выдавал себя за страховогого агента Бахеева (в выданных ему документах фамилию написали криво, «Бажев» стал «Бахеевым»; так было даже удобнее). Бахеев, немолодой мужчина с окладистой бородой, разъезжал по губернии, не столько страхуя имущество, сколько занимаясь организацией партизанского движения на Алтае.

При первой возможности он сообщил жене, что жив; она взя-

ла детей и отправилась к нему. Когда Усть-Каменогорск заняли красные, Бажова выбрали председателем уездного комитета партии большевиков. Он фактически устанавливал в городе советскую власть, устранивая двоевластие: одним центром власти были красные партизаны, вторым – партизаны под руководством атамана Козыря. Бажов-Бахеев успел посидеть в тюрьме, когда козыревцы стали арестовывать красных; успел разогнать часть козыревцев на митинге, а потом занимался в качестве оперуполномоченного ЧК ликвидацией остатков козыревских формирований.

Иллюстрация
к сказу
«Золотой волос». Художник
А.Н. Якобсон

ЖИЗНЬ ЧЕТВЕРТАЯ: ЖУРНАЛИСТ

Когда мирная жизнь вошла в котлею, Бажов организовал в городе две газеты: «Известия Ревкома» и «Советскую власть». В «Советской власти» он был и редактором, и метранпажем, и сам писал передовицы. И городским отделом образования заведовал. Николай Анов, знавший его в те годы как Бахеева, вспоминал, что заведующий обратил внимание на плачевное положение казахских школ, лично занялся подготовкой учителей-казахов для них – и подготовил 87 человек. Бажову-Бахееву принадлежала идея создания Алтайского крестьянского университета – чего-то вроде будущей Высшей партишколы. Особенno замечательна описанная Ановым сцена, где Бажов рассказывает в темнеющем зале о ленинских планах электрификации страны, а свет в зале слабеет и наконец гаснет. Заканчивал доклад Бажов при церковных свечах, которые кто-то притащил из соседнего собора.

В 1921 году Бажов тяжело заболел и решил вернуться в Камышлов. Он ехал совсем больной – с тифом и малярией, жена выхаживала его всю дорогу. Трехлетний сын Вова простудился в пути, заболел пневмонией и умер.

В Камышлове Бажов снова занялся журналистикой: редактировал газету уездного исполнкома «Красный путь», там же печатал свои заметки о недавно пережитом: «По колчаковии в 1919 году: из воспоминаний невольного туриста». В газете много его публикаций – в основном под псевдонимом Камышловец. Названия их говорят сами за себя: «Хлеба нет, а самогонку и пиво ковшом черпают», «Недостаток семян кормовых трав», «Общегражданский налог для восстановления народного хозяйства»...

В 1923 году семья вернулась в Екатеринбург – в свой дерево-люционный еще дом, из которого пришлось по суду выселить самовольно занявших его жильцов. Бажов начал работать в «Крестьянской газете». Его глав-

ные темы – борьба с религией, со-
стояние образования, повседнев-
ные крестьянские проблемы. Он
печатал в газете очерки из исто-
рии Урала. В 1924 году вышла
его первая художественная кни-
га – «Уральские были», воспоми-
нания детства и очерки о жизни
рабочих в Сысерти и окрестно-
стях. Затем вышло еще несколько
книг: «За советскую правду», «По-
терянная полоса», «Пять ступеней
коллективизации». В 1930 году
Бажова приняли в Уральскую ас-
социацию пролетарских писате-
лей – в секцию очеркистов.

В «Крестьянской газете» он до 1930
года заведовал отделом крестьян-
ских писем, много ездил по дерев-
ням. В 1931–1932 годах возглав-
лял Уралобллит, то есть работал
цензором. Работа эта его тяготи-
ла. Сергей Дианов, исследователь
уральской цензуры, рассказыва-
ет: «Он очень иронично относил-
ся к своей должности и в пись-
мах к своим друзьям писал: «Вы
ко мне, если соберетесь в гости,
имейте в виду, что на моей двери
висит табличка, где прописано
очень грозными буквами «Стар-
ший инспектор по делам печа-
ти и зрелиц». Не пугайтесь, как
обычно, поступите, я вас приму».
Дианов выяснил, что в 1932 году в
город приехала комиссия Главли-
та и оказалась недовольна Урал-
обллитом, который «ни в какой
степени не стал оперативно-ор-
ганизационным центром полит-
контроля в области». Бажова уво-
лили, и он стал политическим
редактором и заведующим секто-
ром сельскохозяйственной лите-
ратуры в Уралогизе. Эта работа за-
кончилась строгим выговором за
«небрежность в редактировании
сельскохозяйственной литературы
и привлечение в качестве кон-
сультантов политически и агроно-
мически неграмотных людей».

В 1933 году обком партии от-
командировал Бажова в Истпарт –
Комиссию по истории Октябрь-
ской революции и ВКП(б). Там же
в это время работал участник
Гражданской войны, а впослед-
ствии заведующий Шадрин-
ским окружным архивом Миха-
ил Кашеваров, который сыграл
в жизни Бажова скверную роль.

Писатели
С.В. Михалков,
П.П. Бажов
и К.М. Симонов.
Свердловск.
1939 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЖИЗНЬ ПЯТАЯ: ЧЕРНАЯ ПОЛОСА

В бытность руководителем Уралобллита Бажов не пропустил в печать книгу Кашеварова «Истории Шадрина», которую охарактеризовал как «густо-черносотенную». Автора это глубоко задело. В декабре 1933 года в Истпарте шла партийная чистка. Кашеваров обвинил Бажова в присвоении дореволюционного партстажа. И дополнил обвинение еще пятью пунктами, в числе которых – дореволюционный чин коллежского асессора, дававший право на личное дво-
рянство, протест против разгона Учредительного собрания в 1918 году, членство в партии эсеров, пребывание в пленау белых... На заседании объединенной парторганизации

Истпарта, Партархива и Музея революции его исключили из партии. В 1934 году решение об исключении отменили, но вынесли строгий выговор за «несообщение в момент чистки о незаконности стажа». В 1935 году семью Бажовых постигло горе. Семнадцатилетний сын Алексей, последний из трех сыновей Бажова, проходил практику на заводе и погиб при случившемся там взрыве.

А впереди были новые испытания.

Истпарт издавал книги об исто-
рии уральских частей Красной
армии. Бажов решил взяться за
историю Камышловского пол-
ка 29-й дивизии. У него уже
был нужный опыт: по заказу
Истпарта он написал и опубли-
ковал историю крестьянского
полка «Красные орлы», входившего в ту же 29-ю дивизию.
Истпарт одобрил идею и дал
материалы из своего архива.
Книга «Формирование на ходу»
была написана и вышла в ноя-
бре 1936 года. Но именно в это
время были объявлены троц-
кистами и контрреволюцио-
нерами главный герой кни-
ги, начав 29-й М.В. Васильев,
и два участника событий –
М.П. Панов и Г.В. Никонов, чьи
воспоминания легли в основу
книги.

Бдительный Кашеваров со-
общил об этом парторганиза-
ции. 25 января 1937 года бюро
Свердловского горкома ВКП(б)

В кругу семьи.
1930-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С дочерью
Аriadной.
1939 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

объявило книгу антисоветской, троцкистской и контрреволюционной, постановило изъять ее, а Бажова исключить из партии. Лишился он и работы в издательстве. В феврале Бажов подал апелляцию в Комитет партийного контроля, оправдываясь тем, что грубую политическую ошибку совершил по незнанию, а не преднамеренно. Апелляция почти год пролежала без движения – пока троцкистами не объявили партийцев, которые исключали Бажова, и не началась борьба с перегибами. Только в конце января 1938 года Бажова восстановили в партии – а книга пролежала в спецхране до самой хрущевской оттепели.

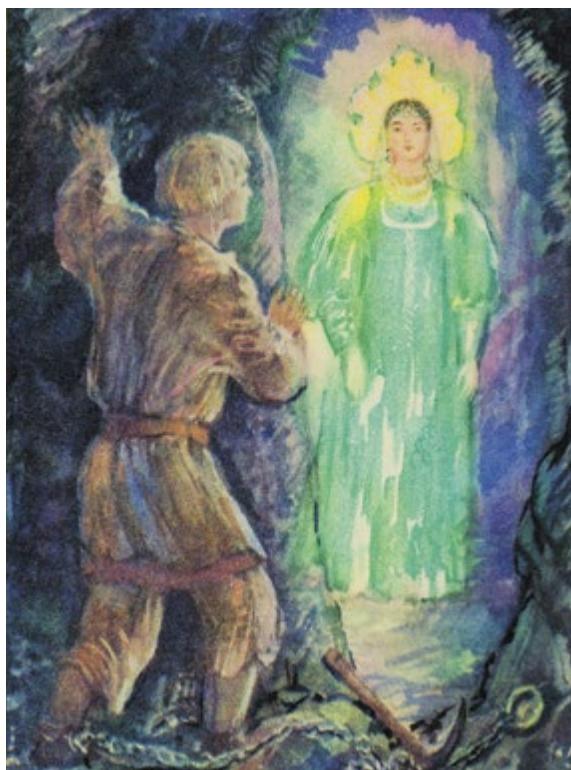
Целый год он сидел без работы; всю семью кормила сестра жены на свою учительскую зарплату. Именно тогда Бажов решил заняться тем, до чего в ежедневной текучке у него никак не доходили руки.

Писатель Стариков приводит в воспоминаниях разговор с Бажовым в ноябре 1939 года: «Не всякий свою тропку в жизни сразу находит, – медленно заговорил Павел Петрович своим глуховатым голосом. – Вот и я тому пример... А сказы, да... – Он помолчал. – Выдалась такая невеселая полоса, что я оказался не у дел. Ну и взялся давние задумки обрабатывать. Так и получилась эта книжка. Как говорится, велению сердца подчинился...»

ЖИЗНЬ ШЕСТАЯ: НАСТОЯЩАЯ

Толчок к работе над книгой дал сборник фольклора, выпущенный Владимиром Бирюковым. Фольклор был собран в основном крестьянский. Редактор сборника Блинова спросила, где же рабочий фольклор, Бирюков ответил, что у него такого материала нет. И Бажов принес им «в виде образца», по его собственным словам, свой первый сказ, «Дорогое имячко», а потом еще несколько – для включения в сборник. Нет,

Иллюстрация
к сказу «Медной горы хозяинка».
Художник
А.Н. Якобсон

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

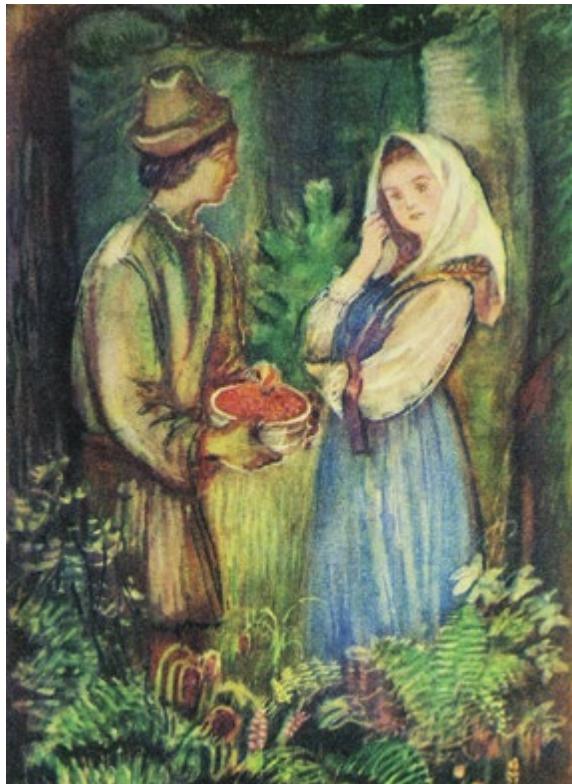
сказала редактор, включить не могу, это фальсификация фольклора. Первые сказы вообще неохотно брали в печать. В 1936 году Бажов поступил на заочное отделение в Литинститут. Тогда же опубликовал первые сказы в «Красной нови» – и среди них уже была «Медной горы хозяинка». Подписаны сказы были так: «Записано П. Бажовым». А к началу 1938-го, к моменту восстановления в партии, у него уже было написано 14 сказов – в том числе «Малахитовая шкатулка» и «Каменный цветок». В 1939 году друзья издали эти сказы отдельной книгой и подарили ее Бажову на шестидесятилетие.

Критики спорили о книге: а что тут, собственно, авторского? Ну записал за дедушкой старые сказки, что такого? В чем авторский труд? Ах, все авторское? И выдается за народное творчество? Но это же фальсификация! За Бажова вступил Демьян Бедный, вспомнивший, что у Семенова-Тян-Шанского в примечаниях есть что-то про Азов-горы, так вот это оттуда фольклорный мотив в «Дорогом имячке».

Сейчас вполне понятно: сказы Бажова – не обработка фольклора, а самостоятельное творчество писателя – самостоятельное, возможно, в той же мере, что и основанные на древних бродячих сюжетах гетевский «Фауст» или пушкинский «Каменный гость».

Что сделал Бажов с рабочим фольклором – ну, кроме того, что привнес в него правильные оценки и нужную идеологию, как сам сказал в автобиографии? Он выстроил особый сказочный мир, который в фольклоре существовал фрагментарно; драгоценности в нем – не символ зла, как это часто бывает в фольклоре, а символ скрытых сокровищ народной души, уникальный дар природы, красоту которого может выявить только настоящий мастер. И Урал в бажовских сказах вырос в пол-

ный рост и предстал перед читателем во всей своей грозной красоте – становой хребет России, ее сокровищница, ее кузница, ее сила. И русский человек оказался не вечным страдальцем, как в литературе XIX века, а могучим и талантливым мастером. Так что это оказалась очень полезная, очень духоподъемная книга. И Сталинская премия второй степени в 1943 году, и орден Ленина в 1944-м – свидетельство того, что именно сейчас стране было очень важно понимать, что у нее есть силы, мощь, неисчислимые богатства и необыкновенные люди. Работая над сказами, Бажов отказался от традиционной, еще к фольклористам прежнего столетия восходящей структуры книги с единым рассказчиком. Объединяет его сказы не рассказчик, а единство художественного мира, восхищение красотой природы и красотой созидающего труда, острое чувство справедливости – и необыкновенный язык. Именно работа над языком оказалась особенно трудной для Бажова. Он внимательно и строго читал предшественников – Лескова и Горбунова. Его задача – любовно сохранить узорчатую народную речь, не снисходя к неграмотному старику-рассказчику, не посмеиваясь над ним, не скатываясь к простому воспроизведению диалектизмов и региональных фонетических особенностей. Сказовая речь Бажова – ясная, ладная, выразительная; она переливчата, как сокровища, о которых повествует. Кажется, лучше и не скажешь про подземные богатства, чем бажовским слогом – не столько пышным, сколько нежным: «Земля тут, как простая глина, а по ней кусты черные, как бархат. На этих кустах большие зеленые колокольцы малахитовы и в каждом сурьяная звездочка. Огневые пчелки над теми цветками сверкают, а звездочки тонехонько позванивают, ровно поют»...

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иллюстрация
к сказу
«Синюшкин
колодец».
Художник
А.Н. Якобсон

Дом Бажовых
в Свердловске

ЖИЗНЬ СЕДЬМАЯ: РУКОВОДИТЕЛЬ И ДЕПУТАТ

Читатели «Малахитовую шкатулку» приняли сразу и безоговорочно – и полюбили навсегда. И начался стремительный писательский взлет.

Бажова приняли в Союз писателей, и очень скоро он уже возглавил местную писательскую организацию, быстро превратившись из опального публициста в патриарха уральской литературы. Даже старый партийный выговор с него сняли. «Малахитовую шкатулку» послали на Международную выставку в Нью-Йорк.

А потом началась война. Уральская писательница Елена Хо-

ринская вспоминала: «В первые же дни войны Павел Петрович пришел в обком партии и сказал, что считает себя мобилизованным на любую работу, чтобы заменить тех, кто уходит защищать Родину». С июня 1941 года Бажов руководил Свердловским областным издательством, с 1942-го – журналом «Уральский современник», да еще его выбрали писательским парторгом. В Свердловск стали прибывать эвакуированные писатели – и со всеми своими бедами шли к Бажову. «И Бажов старался помочь, – вспоминала Хоринская, – одного устраивал на работу, другому находил жилье, третьему помогал отыскивать близких, четвертого помещал в больницу. Приходилось срочно доставать телогрейки, валенки. Первая военная зима оказалась необычайно суворой. А большинство эвакуированных приехали в летней одежде – в чем застала войну...».

Его больше всего волновало в эти дни, как сберечь силы людей, способность писать: «Что для литературы пропало, то и для народа пропало», – сказал он писательнице Анне Караваевой.

Он терпеливо тащил воз обязанностей; современники вспоминают, что Бажов никогда не раздражался, не кричал, старался всех понять, уладить все конфликты, отличался невероятным терпением. Уже старый и больной, он организовывал писательские поездки и ездил в них сам, выступал на литературных вечерах в школах, в госпиталях, на производстве. Защищал писателей, когда их пытались выселить из переполненного эвакуированными Свердловска. Он не опаздывал, всегда был безукоризненно вежлив и точен, много работал – хотя исходил так, что почти светился. И не жаловался. Единственную, кажется, жалобу запомнил писатель Старикин, заехавший в Свердловск с фронта в 1942 году: «Тягости у всех одинаковые... – И тут же, не удержавшись, добавил: –

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Да вот беда – на немощного старика взвалили руководство писательской организацией. Ну и не спрашиваюсь... Чувствую, что не спрашиваюсь. А не освобождают. Ну, да не будем об этом толковать. Расскажите-ка, что повидали».

В доме Бажовых перебывали все свердловские писатели, все эвакуированные, все приезжающие из Москвы или с фронта. Всех поили морковным чаем и угощали молодком от коровы Зоны, которую Бажову подарили в 1944 году. Бажов сам копался в огороде – говорил, что у него «кулацкое хозяйство». Валентина Александровна дома шила, Бажов работал под стук ее швейной машинки и уверял, что ему работает хорошо.

В войну он продолжал писать сказы, в том числе новые, идеинные – о Ленине, о немцах. Андрей Комлев, изучавший историю бажовского руководства уральскими писателями, пишет: «Е. Е. Хоринская приоткрыла мне, что в некотором он пересиливал себя – душа сказителя не лежала к пропагандистскому, но патриот и большевик Бажов искренне осознавал это своим святым долгом». Писать ему между тем становилось все труднее: Бажов терял зрение, с рукописным текстом вообще работать не мог – не видел написанного. А заботы все добавлялись: в 1946 году он стал народным депутатом – и к нему пошли избиратели, и не только

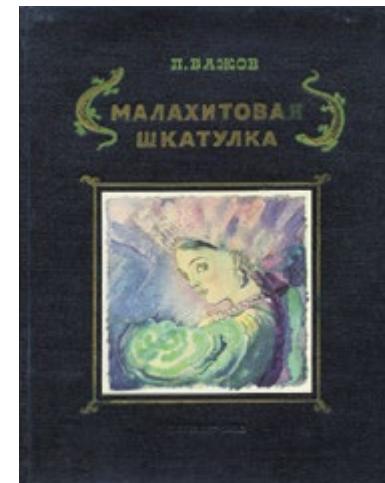
в обком, но и домой – каждый день, потоком. Жена расстраивалась: только ляжет отдохнуть – опять кто-то приходит. И не будить нельзя: рассердится. Он говорил: люди специально к депутату ехали, а у них ведь тоже работа, и поважнее писательской. Депутатскими привилегиями он не пользовался: жил в доме с печным отоплением, без водопровода, от машины отказался, на работу ходил пешком.

Он старел, плохо себя чувствовал. Хотел отказываться от депутатства – не под силу было тащить эту тяжесть, у него уже был рак легких. Но его убе-

Депутаты от Свердловской области в зале заседаний Верховного Совета СССР. П.П. Бажов, К.К. Николаев, Г.К. Жуков. Москва. 1950 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка последнего прижизненного издания «Малахитовой шкатулки» П.П. Бажова с иллюстрациями художника А.Н. Якобсон. Ленинград. 1950 год

дили переизбираться в Верховный Совет на второй срок. В Москве на одной из сессий ему стало плохо. Его увезли в Кремлевскую больницу, где он и умер. Тело писателя привезли в Свердловск, провожать его пришли тысячи людей – в декабре, в мороз. Похоронили его на Ивановском кладбище на вершине холма...

Семь жизней Бажова, непохожих одна на другую. Но только когда он прожил несколько жизней, несколько раз почти умер сам и пережил смерть детей, когда потерял работу и остался наедине с пустотой и страшной простотой жизни, когда уперся в вопросы «что ты теперь можешь?» и «чем теперь будешь жить?» – только тогда стал самим собой. Поздний взлет – не вдохновенное наитие юности, а мудрость и мастерство старости; он теперь тот самый мастер-творец, который выявляет скрытую красоту. И сказки, что оказываются не записью, не обработкой, не почти народными – а в самом деле народными, совершенно архетипичными, совершенно настоящими. Они настолько прочно упираются в основы бытия, что без швов смыкаются с фольклором – с подлинной жизнью – с вечностью.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВДОХНОВЛЕННЫЕ РОССИЕЙ

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ПЕРВЫЙ «РУССКИЙ СЛЕД» В МИРОВОЙ МОДЕ ПОЯВИЛСЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА – СКАЗАЛОСЬ ВЛИЯНИЕ РУССКИХ СЕЗОНОВ СЕРГЕЯ ДЯГИЛЕВА И РОСКОШНЫХ КОСТЮМОВ ВЕЛИКОГО КУТЮРЬЕ ПОЛЯ ПУАРЕ. АВАНГАРДНОЕ ИСКУССТВО КОНСТРУКТИВИСТОВ И СУПРЕМАТИСТОВ 20-Х ГОДОВ ПРОДОЛЖАЕТ БУДОРАЖИТЬ УМЫ ЗАПАДНЫХ ДИЗАЙНЕРОВ ПО СЕЙ ДЕНЬ. РУССКИЕ НАРОДНЫЕ КОСТЮМЫ И СКАЗКИ – ИСТОЧНИК ИДЕЙ ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ МОДЕЛЬЕРОВ. «НАШЕ ВСЕ» – БАЛЕТ И ЛИТЕРАТУРА – ПРОДОЛЖАЕТ ВДОХНОВЛЯТЬ ИХ НА НОВЫЕ КОЛЛЕКЦИИ. И ДАЖЕ РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ НЕ ОСТАЮТСЯ НЕЗАМЕЧЕННЫМИ. А В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ НАДПИСИ НА ОДЕЖДЕ НА КИРИЛЛИЦЕ БЫЮТ РЕКОРДЫ ПОПУЛЯРНОСТИ У МИРОВОГО FASHION-СООБЩЕСТВА.

«... Я

ДО СИХ ПОР ПОМНЮ МОСКВУ С ЕЕ иконами, Кремлем, колокольнями, храмом Василия Блаженного, извозчиками, грандиозными осетрами, икрой на льду,

с изумительной коллекцией новой живописи г-на Щукина и веерами у «Яра...». Так вспоминал Россию в своих мемуарах «Одевая эпоху» «король моды» Поль Пуаре. В Москву он прибыл в 1911 году по приглашению гения портновского искусства, поставщицы двора Ее Императорского Величества Надежды Петровны Ламановой (см.: «Русский мир.ru» №5 за 2017 год, статья «Королева иглы

и нитки». – Прим. ред.), с которой познакомился и подружился ранее в Париже. Именно в ее доме Пуаре прочитает лекцию о современном дамском платье и устроит демонстрацию моделей для московской публики. Именно она познакомит его с кустарными изделиями самобытного русского творчества – сарафанами, рубахами, поймиками и кокошниками, шальми и платками, вышитыми рушниками и скатертями. Очарованный ими знаменитый парижский модельер создаст первую в мире коллекцию, вдохновленную Россией, которую назовет «Казань». Русское влияние будет прослеживаться и в отдельных моделях мастера: вечернее платье «Самовар», несколько шапочек в славянском стиле для его музы и жены Денизы Пуаре – из ярких лент или с широкой косой по краю, накидки с меховой оторочкой, цветастые шали, вышитая обувь а-ля рюс и, конечно, платья, похожие на русские рубахи с вышивкой, края которых замечательным образом соотносились с идеей простоты и удобства в одежде, проповедуемой Пуаре в начале второго десятилетия XX века.

Ив Сен-Лоран,
Лулу де ла Фалез,
Вилли Ван Рой.
1970-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Вечернее платье «Самовар». Поль Пуаре. 1919–1920 годы. Каталог выставки «Пуаре – король моды». 2012 год

Летнее платье от Поля Пуаре с использованием бордюра скатерти, привезенной им из России в 1911 году. Каталог выставки «Пуаре – король моды». 2012 год

Модель из коллекции «Русские балеты и оперы» Ива Сен-Лорана. 1976 год

Правда, знакомство французского модельера с культурой России состоялось на несколько лет раньше – после Русских сезонов Сергея Дягилева, а поездка в Москву и Санкт-Петербург стала лишь ярким завершающим аккордом. Начало положила привезенная Дягилевым в Париж на Осенний салон 1906 года выставка русского изобразительного искусства, где были обласканы вниманием критиков и публики Врубель и Серов, Бенуа и Сомов, Коровин и Малевич, Рерих и Бакст. В предисловии к альбому-каталогу выставки Дягилев писал: «...Это верный образ художественной России наших дней с ее искренним порывом, с ее почтительным восхищением перед прошлым и с ее пламенной верой в будущее». В следующем году Сергей Павлович организует «Исторические русские концерты» и знакомит западную публику с музыкальными сокровищами России: отрывками из «Руслана и Людмилы» Глинки, «Садко» и «Снегурочки» Римского-Корсакова, «Чародейки» Чайковского. И снова парижская публика в восторге. А весной 1908 года сердца парижан покоряет опера «Борис Году-

нов» Мусоргского с Федором Шаляпиным в заглавной роли и невероятными костюмами в русском стиле по эскизам Ивана Билибина. К этой постановке Дягилев долго готовился: ему хотелось представить Парижу подлинную Русь конца XVI – начала XVII века, и ради этого он изъездил российские деревни, собирая настоящие русские сарафаны, старинный бисер и вышивки...

Нельзя не вспомнить и центральное событие сезона 1910 года – балет на русскую тему «Жар-птица», в котором использовались фольклорные образы. Декорации Александра Головина – волшеб-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Вечерняя шапочка в славянском стиле. Поль Пуаре. Октябрь 1910 года. Каталог выставки «Пуаре – король моды». 2012 год

ный сад с дворцом на заднем плане, выступающим из кущи деревьев, – казались прекрасными как сон, они уносили зрителя в чудесный мир сказки. Костюмы по эскизам Леона Бакста и Александра Головина были великолепны: отделанные мехом кафтаны, украшенные золотом и драгоценными камнями сарафаны и кокошники, расшитые высокие сапоги. И хотя в истории моды принято говорить прежде всего о влиянии на творчество Поля Пуаре таких постановок Русских сезонов, как балеты «Клеопатра» и «Шехеразада» с их неповторимой восточной экзотикой и феерией ярких контрастных цветов, – постановки в русской стилистике оказали не меньшее влияние на моду того времени. Парижские модельеры вдохновлялись необычным и завораживающим русским колоритом. Впоследствии в моделях Поля Пуаре и других французских творцов – Пакен, Шанель, Ланвен – будут замечены русские мотивы: яркие шали, вышитая обувь, отделка мехом, стилизованные кокошники, платья-рубашки с вышивкой, обилие тканей, расшитых золотом для вечерних туалетов.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Эскиз
к коллекции
«Русские
балеты
и оперы».
Ив Сен-Лоран.
1976 год.
Из книги
«Мода. XX век.
Развитие
модных форм
костюма».
2006 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ЛОРАН, ДИОР, ГАЛЬЯНО

Спустя почти семьдесят лет русские балеты и оперы вдохновят нового гения моды. Свою коллекцию 1976 года большой поклонник творчества Бакста, друг Лили Брик и Майи Плисецкой Ив Сен-Лоран назовет Opéras-Ballets Russes (кстати, даже своему любимому бульдогу он дал кличку Моцжик. – Прим. авт.). Русское искусство, крестьянские и боярские костюмы, элементы одежды казаков, придворная роскошь, вышивки золотой и серебряной нитью, бакстовские сочетания цветов смешаются в едином художественном вихре. «Русская коллекция» вернула на подиумы исконно русское величие и роскошь», – писала тогда The Observer. «Это революционная коллекция, которая полностью меняет направление в мировой моде!» – утверждала The New York Times. Сам же виновник «революции» резюмировал: «Возможно, не лучшая, но определенно самая красивая из моих коллекций». Хотя коллекция больше похожа на проекцию общего впечатления западного художника о России: пышная, яркая, разноцветная, богато украшенная. Но она остается одной из самых запоминающихся в моде работ, вдохновленных русской культурой. В память о том, что Ив Сен-

Лоран всегда любил Россию, в 2009 году партнер и наследник империи YSL Пьер Берже организовал в Париже большую выставку традиционного русского костюма.

К теме дягилевского «Русского балета», эскизов Бакста и их интерпретации в работах Поля Пуаре обратился в 1998 году Джон Гальяно (дом моды Dior), создав одну из красивейших коллекций. А в 2001 году после десятидневного путешествия по России Гальяно создал коллекцию для дома Dior, в которой

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Казимир Малевич. Женщина с граблями. Около 1931–1932 годов. Государственная Третьяковская галерея. Источник вдохновения для модели Джона Гальяно из коллекции 2002 года для дома моды Dior. Каталог выставки «Диор: под знаком искусства». 2011 год

соединил разные грани русской культуры. С одной стороны, большое впечатление на него произвели картины Малевича, Врубеля, Архипова, а с другой – вдохновили традиционные костюмы народов Сибири и Дальнего Востока. В итоге коллекция получилась крайне эклектичной: в ней смешались балет – модели даже становились на пунты, – супрематические экзерсисы, богато вышитые «шаманские» шубы в сочетании с сапогами из оленьих шкур и комплекты-«матрёшки» с цветастыми юбками в духе народных понёв. Обратившись к русской теме, Гальяно в каком-то смысле продолжил историю любви основателя дома, Кристиана Диора, к России. В детстве Кристиан зачитывался романом «Михаил Строгов» Жюля Верна, с яркими запоминающимися образами сильных духом людей и дикой сибирской природы. Позднее

Кимоно
«Русский балет»
из коллекции
Джона Гальяно
1998 года для
дома моды
Dior. Каталог
выставки «Диор:
под знаком
искусства».
2011 год

Диор грезит о величественной царской России. Влюбляется в балетные постановки Дягилева, слушает Прокофьева, Стравинского, Скрябина. В 1931 году, еще не занимаясь созданием модных коллекций, владелец картинной галереи Кристиан Диор посещает Советский Союз. Его восхищает русский авангард Александра Родченко и Эль Лисицкого. Но впечатления от поездки не совпадут с представлениями Диора о стране социализма. Тем не менее свои мечты о далекой, но прекрасной России он воплотит в таких моделях, как «Князь Игорь», «Икра», «Душка», «Мусоргский», «Чайковский».

РУССКИЙ БУМ

В 2008 году сразу два известных французских бренда – Chanel и Kenzo – вывели на главный мировой подиум коллекции а-ля рюс. «Париж – Москва» – так называлась коллекция Карла Лагерфельда (арт-директор дома Chanel), в которой он вспоминает о любви к России Великой Мадемузель. Габриэль Шанель всегда восхищалась русской культурой, знакомство с которой состоялось благодаря тесной дружбе с великим князем Дмитрием Павловичем. Российский парфюмер Эрнест Бо создает для нее духи «Шанель №5», покорившие весь мир; русские портнихи, вышивальщицы и манекенщицы работают на Шанель; она сотрудничает с Дягилевым, создавая трикотажные костюмы для балета «Голубой экспресс». В так называемый русский период Шанель придумывает платья-рубашки, пальто с мехом, похожие на русские шубки, использует в моделях много вышивки, зачастую со славянским орнаментом. Эдмонда Шарль Ру в своей книге «Время Шанель» признает: «В те годы Шанель создала на основе «рубашки» – длинной свободной блузы с поясом, какую носят русские крестьяне, – модель, которая превратилась в форму парижанок. Русское влияние здесь совершенно оче-

видно». Карл Лагерфельд же в 2008 году показал талантливый гротеск, причудливый микс русского фольклора, имперского шика, конструктивизма и советской символики. Покорили сердца модной публики сумочки в виде матрешек, а в показе принимали участие модели из России.

Модель из коллекции «Париж – Москва» Карла Лагерфельда для дома моды Chanel. 2008 год

Сумочка в виде матрешки из коллекции «Париж – Москва» Карла Лагерфельда для дома моды Chanel. 2008 год

На дефиле дома Kenzo тоже красовались матрешки, но на стульях для гостей. Дизайнера Антонио Марраса вдохновила русская литература: в коллекции переплелись аллюзии на тему «Доктора Живаго» и эпохи революции: пальто-шинели, жакеты и брюки, напоминающие военную форму, и народные русские мотивы – стеганые лоскутные пальто, оторочка мехом, цветочные узоры и ручная вязка, шали, стилизованные под павловопосадские платки. С легкой руки итальянского дизайнера, работающего в японском доме моды, в 2008 году павловопосадские платки стали модным аксессуаром во всем мире.

Русская матрешка, пожалуй, самый узнаваемый символ русской культуры и точно самый копируемый образ для дизайнеров. Придумал ее в конце XIX века русский художник Сергей Малютин. По одной из версий, он вдохновился японской игрушкой Дарума, которую привезла с острова Хонсю жена Саввы Мамонтова. Деревянная кукла в расписном сарафане и цветастом платке получила название «Матрешка»: в основе названия – слово «матерь», ведь вложенные от мала до велика одна в другую куколки олицетворяют идею материнства, со временем кукла завоевала любовь во всем мире.

Образ матрешки вдохновил в 1965 году Ива Сен-Лорана на создание вязаного свадебного платья, по форме напоминающего русскую игрушку. Однако посып дизайнера был несколько иным: его свадебная матрешка своего рода кокон, в который попадает свободная женщина после замужества.

В 2008 году Карл Лагерфельд выпускает на подиум моделей с сумочками в виде матрешек, ставших must-have для модниц – до сих пор они объект желания и даже коллекционирования. В том же году самые известные дизайнеры и дома моды Европы, Америки и России – Ив Сен-Лоран, Джорджо Армани, Дольче и Габбана, Роберто

Кавалли, Версаче, Соня Рикель, Пол Смит, Ральф Лорен, Прада, Гуччи, Денис Симачев, Константин Гайдай, Алена Ахмадулина, Валентин Юдашкин и другие – создали fashion doll, то есть матрешек в стиле того дома моды, который они представляют. Сделано это было для благотворительного аукциона в связи с десятилетием издания журнала *Vogue* в России. Пожалуй, самым запоминающимся стал образ от дизайнеров дома Moschino: абсолютно белая матрешка с тонко прорисованными чертами лица, яблочками на щеках и помещенным внутрь источником света, который просвечивал через вырезанное в форме сердца отверстие. Этот образ передавал не столько форму, сколько суть любимой всеми деревянной игрушки, наполненной теплотой рук мастеров, вытачивающих деталь за деталью, расписывающих каждую фигурку, вкладывающих в работу частичку своей души.

Зимой 2009-го русская тема продолжала будоражить творческие умы. В преддверии Нового года и Года России во Франции руководство одного из старейших парижских универмагов, *Printemps*, предложило знаменитым французским фирмам *Chanel* и *Dior* поучаствовать в оформлении рождественских витрин в славянском стиле. По словам арт-директора *Printemps* Франка Банше, при работе над концепцией оформления их интересовала «не только сама страна, скорее, ее культурное влияние, русская душа... а не широко принятые стереотипы. Мы хотим воссоздать то, что есть привлекательного, что покоряет при контакте. Праздничные цвета, традиционные промыслы, фольклор, традиционный орнамент и даже иконопись. Мы опираемся на все, что акцентирует на себе внимание, впечатляет в российском творчестве».

И тогда за стеклом сказочных витрин воцарилась русская зима и микс представлений о России: золотое яйцо Карла

Космический стиль от Пьера Кардена. Коллекция 1966 года

Фаберже с оживающей внутри куклой, одетой в золотой кафтан, шаровары и кокошник; огромные – самая большая высотой 5 метров – черно-красные матрешки; «коты-ученые», расписанные под Жель; и даже

Украшения Freywillle. Коллекция «Русская страсть», дизайн «Жар-птица». 2013 год

голова Ленина – тоже под Жель. Модели Джона Гальяно (коллекция а-ля рюс 1998 года) и Карла Лагерфельда (коллекция «Париж – Москва») кружились в хороводе, играли в прятки с матрешками, веселились у праздничного стола. Витрины украшали реплики канделябров *Vassagrat*, так полюбившихся в разное время двум российским императорам – Александру II и Николаю II. Созданные *Chanel* куклы ручной работы получили имена русских друзей Коко – «великий князь Дмитрий» и «княжна Надежда». Ну и, конечно, меха, много золота как доминирующего цвета славянской культуры в представлении иностранцев, русские сани, медведи на золотых же поводках. Это был абсолютно эклектичный, но в то же время невероятно красивый, завораживающий мир волшебной русской сказки, надолго запомнившийся зрителям.

Ювелирных дел мастера тоже периодически вдохновляются великим наследием нашей культуры. Австрийская марка *Freywillle*, известная своими уникальными украшениями с ручной росписью по эмали, в 2013 году представила коллекцию с говорящим названием «Русская страсть», включавшую четыре разных дизайна: «Моя матрешка», «Золотая ягода», «Жар-птица» и «Балет». Первый напоминал о самом узнаваемом символе русской культуры. Второй – о не менее узнаваемой хохломе, но, отойдя от канона, дизайнеры бренда разнообразили палитру и сделали роспись не в классическом красном, зеленом и черном цвете по золотому фону, а добавили и других ярких красок. Жар-птица, героиня фольклорных сказаний, поселилась на кольцах, браслетах и серьгах, символизируя исцеление, вечную молодость и красоту. Образы последней темы, с изящными балеринами в пачках, напоминают о «Лебедином озере», «Спящей красавице», «Щелкунчике» – самых известных балетах в мире, ассоциирующихся с Россией.

НАЗАД В СССР

Но не только народное творчество и фольклор, Русские сезоны и литература вдохновляли мировых творцов моды. В 20-х годах XX века в СССР зародилось новое авангардное пролетарское искусство, признанное позднее во всем мире важнейшим русским культурным наследием. Как писал Владимир Маяковский в своем очерке о французской живописи, «впервые не из Франции, а из России прилетело новое слово искусства – конструктивизм...». Смелые эксперименты художников-авангардистов с формой, цветом, фактурой будоражат умы западных модельеров не одно десятилетие. Вдохновляют ли их супрематизм Малевича, работы Кандинского, советский агиттекстиль или прозодежда Родченко, Поповой и Степановой – это всегда свежий, оригинальный, остросовременный взгляд на одежду. Наглядным примером подобного взаимодействия стала прошедшая в 2016 году в Москве выставка «Эффект времени: влияние русского авангарда на современную моду» в Еврейском музее и центре толерантности, где на одной выставочной площадке разместились работы известных домов моды и вдохновившие их картины художников-конструктивистов.

В середине XX века первый полет человека в космос, совершенный Юрием Гагарином, дает новый источник вдохновения. Дизайнеры буквально бредят космическими путешествиями и перспективами открытия новых миров. Как результат – «космические» коллекции появляются одна за другую. Первопроходцами становятся Пако Рабан и Пьер Карден. Причем оба останутся верны этой теме всю жизнь.

Модели из коллекции Демне Гвасалии для Vetements. 2016 год

Модель из коллекции Гоши Рубчинского. Осень-зима 2016-2017

И если Пако Рабанн представлял прекрасных женщин инопланетных цивилизаций, создавая коллекции из пластика и металла, то Пьер Карден, применяя прогрессивные материалы и технологии, скорее, создавал образы молодых и смелых покорителей космоса, к которым мечтал когда-нибудь присоединиться сам. Современные дизайнеры не теряют интереса к теме, и, возможно, кто-то из них – уже не на подиуме, а наяву – реализует мечту Кардена.

Интерес к России не ослабевает и сегодня. На волне популярности российского президента создаются коллекции с его изображениями, одежда с российским триколором или надписями на кириллице – это вообще must-have последних модных сезонов. Дизайнеры из России – на пике известности у западных звезд, а российские it-girls (Мирослава Дума, Наталья Водянова) постепенно меняют устоявшиеся представления о богатых русских.

Модная индустрия полюбила русский язык и образы российских 90-х благодаря выходцам с постсоветского пространства – дизайнерам Гоше Рубчинскому и Демне Гвасалии. В апреле 2017-го обозреватель The New York Times Александр Фьюри в статье «Назад в СССР: возвращение российской моды» серьезно рассуждает о феномене популярности этих дизайнеров и своеобразном «русском ренессансе», сравнивая его с дягилевскими Сезонами сто лет назад.

Так что, вполне возможно, в наше непростое и неспокойное время мода станет одной из связующих нитей между странами, русское культурное наследие продолжит вдохновлять западных творцов модной индустрии на создание рукотворных шедевров, а молодое поколение российских дизайнеров попытается осмыслить непростое прошлое своей страны, пусть и через изменчивую моду. ■

НЕВРОСПАСТ

В петербургском
Театре имени
Деммени
на сцене –
марионетки,
которыми
управляют актер-
марионеточник,
по-старинному –
невроспаст

ЛЕОНИД АФОННИКОВ

АВТОР

ЗИНАИДА КУРБАТОВА

ИМЯ ВЕЛИКОГО КУКОЛЬНИКА ЕВГЕНИЯ ДЕММЕНИ, СОЗДАВШЕГО ПЕРВЫЙ В СТРАНЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР, СЕЙЧАС ЗНАЮТ, ПОЖАЛУЙ, ТОЛЬКО СПЕЦИАЛИСТЫ. ИЛИ ТЕ ПЕТЕРБУРЖЦЫ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ, ЧТО ХОДИЛИ В ДЕТСТВЕ НА КУКОЛЬНЫЕ СПЕКТАКЛИ: КАК ГОВОРИЛИ ТОГДА, «К ДЕММЕНИ» – В ДОМ НА УГЛУ НЕВСКОГО И САДОВОЙ.

ДЕТИЩЕ ДЕММЕНИ существует и поныне. Называется Театром марионеток и носит имя основателя. Что-то есть загадочное и притягательное в этом театре, расположившемся на втором этаже старинного здания. Здесь в фойе за стеклом витрин притаились куклы-легенды, куклы-ветераны, куклы-примы и скромные артисты вторых ролей. Все они когда-то блистали на этих подиумах. А на подоконнике одного из окон стоит старый сундук с 18 куколками – классическими персонажами французского народного театра. С них-то, кстати, все и началось.

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТЕАТРОМ

Легендарный
Евгений
Деммени,
блестяще
образованный,
сдержанный
и благородный.
Это он создал
театр, который
теперь носит
его имя

ЧИСТ, КАК ЗОЛОТО, ТВЕРД, КАК СТАЛЬ

«По происхождению дворянин, по образованию военный. По устремлениям – актер». Так писал о себе Евгений Деммени. Его биография известна только в общих чертах. Это и понятно: в те времена люди подобного происхождения старались поменьше рассказывать о себе. У Евгения Сергеевича не было семьи и детей, расспросить о его жизни не у кого. Он оставил несколько книг, впрочем, сугубо профессиональных. Даже спустя много лет после его смерти преданные ученики – артисты-марионеточники – объясняли, что

ЛЕОНИД АРОЧНИКОВ

лучше не касаться биографии мастера. Иногда покойный ныне Никита Охочинский после бокальчика вина мог вдруг рассказать, как Деммени пел баллады на прекрасном французском. Говорят, уже в постсоветское время приезжали из Европы родственники, искающие его могилу... Ну а если спросить про отношения Деммени с другим выдающимся кукольником, Сергеем Образцовым, то вам посоветуют сменить тему.

Деммени родился в Петербурге в 1898 году в семье чиновника Министерства двора, окончил Николаевский кадетский корпус, затем – Пажеский. Кстати, на некоторых фотографиях на руке мастера виден перстень. Это – неофициальный знак пажей, выпускников этого элитного учебного заведения, выполненный из золота и стали.

Мать Деммени была «смолянкой» – так называли выпускниц Смольного института благородных девиц. Она профессионально играла на фортепиано, привила сыну любовь к живописи и музыке. Это она отвезла пятилетнего Евгения в Париж, где он впервые увидел кукольный театр и навсегда полюбил это древнее площадное искусство. И даже в окопах Первой мировой, а потом на Карельском и Северном фронтах Гражданской Деммени мечтал о своем кукольном театре.

Кристина Романова – самая молодая актриса театра. Она играет Красного лилипута в спектакле «Гулливер»

При Деммени в театре вовсю ставили классику, и смотрели эти спектакли взрослые. Сейчас театр на Невском окончательно стал детским

НА ПОРОГЕ ВАЖНОГО ДЕЛА

Однажды, уже после демобилизации, Деммени шел по Невскому и в витрине комиссионного магазина увидел сундук с французскими куколками – Пьереттой, Пьеро, Звездочетом, Коломбиной... Конечно, он их купил. И отнес в рабочий кружок «Петрогубтранса», где руководил театральной студией. Актеры в ней были – сплошь вагоновожатые трамваев и ремонтники. Так что это была известная смелость: предложить им не агитационную постановку в духе времени, а «Арлекинаду» и «Поцелуй Коломбины». Сценарии писали друг по Пажескому корпусу Юрий Гауш и молодой Самуил Маршак. На первом спектакле была масса театральных критиков, которые назвали постановку успешной. Известный театральный режис-

сер и педагог Александр Брянцев написал Деммени письмо, в котором утверждал: «Вы стоите на пороге важного дела». Евгений Сергеевич создал свой театр, в который позже влилась группа марионеточников Любови Шапориной-Яковлевой, эмигрировавшей из СССР...

А в 1937 году театр переехал в здание на углу Невского и Садовой...

«Могут ли куклы играть трагедию? Нужно ли ставить в кукольном театре пьесы, которые могут быть разыграны «живыми» актерами? Есть ли вообще какие-либо точные законы, определяющие пригодность пьес для кукольного театра?» – писал Евгений Деммени в 1939 году.

К тому времени он уже доказал, что куклы блистательно играют трагедию. Что на одной сцене могут одновременно находиться и взаимодействовать актеры, и марионетки. Он стал режиссером первого в Европе игрового кукольного фильма «Макс и Мориц» по знаменитой стихотворной сказке Вильгельма Буша... В 1938 году, на заре телевидения, поставил первый в стране кукольный телеспектакль «Школьяр в раю» по фарсу Ганса Сакса. Он создал куклотерапию для больных детей и первым организовал курсы для кукловодов. И как не вспомнить о придуманных им потрясающих приемах, благодаря которым марионетки на сцене оживали, а масштабы предметов вокруг персонажей изменились?

«Управляемая сложной системой ниток марионетка, имевшая широкое распространение во многих европейских странах, редко использовалась в спектаклях советских театров кукол. И только благодаря театру Деммени удалось сдвинуть дело с мертвой точки и создать начальные условия для появления в наших театрах марионеточных спектаклей. Достаточно заметить, что театр Резо Габриадзе «вырос» из театра Деммени», – вспоминал ученик мастера Никита Охочинский.

ЛЕОНИД АРОЧНИКОВ

ГУЛЛИВЕР

До сих пор в Театре марионеток идет легендарный спектакль – «Гулливер в стране лилипутов», премьера которого состоялась в 1928 году. На сцене полулежит английский моряк, попавший в чудесную страну. А по нему прыгают, с ним разговаривают лилипуты. Гулливер под детский хохот в зале съедает лилипутское угощение – целого поросенка. И запивает его бочонком вина. А лилипуты колют его своими копьями-иголочками. Сейчас Гулливера играет Юрий Дормидонтов, а первым исполнителем этой роли был Михаил Дроздкин – артист, пришедший из «человеческого», как тут говорят, театра. Это был первый опыт включения «живого» актера в игру кукол. И тогда, и сейчас разница фактур нисколько не ощущалась.

Было время, когда в этом театре играли и Петрушки, и тростевые куклы, но постепенно Деммени увлекся именно марионетками. В 1930-х он съездил в Германию и там, в библиотеках, перерисовал их устройство.

Марионеткой управляют с помощью нитей, крепящихся к ваге. Актер-марионеточник, или, по-старинному, невропаст, стоит высоко над сценой на так называемой тропе. У марионеток есть преимущество перед перчаточными и тростевыми куклами: она не скрыта наполовину ширмой. Это целый «человечек», и опытный актер может заставить его ходить любой походкой. Бегать или красться. Ходить, откинувшись в кресле и сотрясаясь всем телом. Угодливо приседать перед королем. Дрожать от страха. Это завораживало на протяжении столетий. Человек управляя куклой, кукла послушна в его руках – совсем как в нашем мире, где есть управители-кукловоды, а есть бесправные и зависимые. С марионетками все так, да не совсем. Каждый актер вам расскажет, что в какой-то момент кукла начинает влиять на него и даже управлять им. Капризничать, не повиноваться. То ложится на пол так, как вздумается, то не хочет садиться на игрушечный стульчик. И ак-

ЛЕОНИД АРОНИКОВ

Деммени первым придумал вывести на сцену одновременно и артистов-людей, и марионеток. Случилось это в спектакле «Гулливер», который идет здесь и сейчас. Гулливера неизменно играет Юрий Дормидонтов

тер подстраивается. Юрий Дормидонтов рассказывает о том, как начал работу в этом театре: «Была такая прекрасная актриса Галина Мороз. Я вхожу перед спектаклем в гримерную, она сидит, у нее на руке кукла, и она с ней разговаривает. Я думал, что попал в сумасшедший дом. Сидит пожилая женщина и обращается к Петрушки: «Я тебя уже сегодня кормила, ты больше не получишь...» Это потом я понял, что она так настраивалась, искала соединение с куклой. Я стал тут работать и осознал: если я не поверю, что кукла живая, ничего не получится. А кукла бунтует, проявляет характер. Это мы, люди, зависимы от нее».

Наверное, сами актеры этого уже не замечают. Но это действительно так. Когда они берут куклу в руки, просто чтобы показать ее нам, то их голос меняется. Они сами начинают как-то иначе двигаться. Происходит нечто таинственное...

Кукла Павел Первый, вырезанная из дерева художником Павловичем. В зависимости от того, как выставлен свет, Павел может кричать, отдавать приказания, смеяться. Быть гневным или жалким

**ПЕТРУШКА
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА**

«И вот появляется над ширмами крошечный и очень уродливый человечек. У него огромный нос, а на голове остроконечная шапка с красным верхом. Он необычайно подвижный и юркий, ручки у него крохотные, но он ими выразительно жестикулирует», – писал в своих мемуарах художник, искусствовед и законодатель вкусов на рубеже XIX–XX веков Александр Бенуа.

В конце позапрошлого столетия возникает невероятный интерес к балаганам, ярмаркам, народным гуляням и скоморохам. Бенуа прекрасно и очень подробно написал о гулянях в Петербурге на Масленой, о балаганах, Арлекинах и, конечно, Петрушки. Это главный герой сценок, исполнявшихся одним-единственным актером. Он ставил на землю небольшую ширму или надевал на себя пояс-экран, скрывавший его голову и руки. Из-за ширмы появлялся Петрушка, или Петр Иванович Уксусов, с дубинкой, которой он лупил своих врагов вроде арлана, квартального и доктора. Не мог он победить только смерть. Эти впечатления легли в основу гениального балета «Петрушка», придуманного Бенуа, премьера которого состоялась в парижском театре Шатле в 1911 году. Успех был ошеломительный. Со-

ЛЕОНИД АРОНИКОВ

ЛЕОНИД АРОНЧИКОВ

авторами Бенуа стали Стравинский и Фокин. В Петрушке, жалкой кукле из опилок и тряпок, просыпается жизнь, Петрушка способен любить и страдать, погибнуть из-за любви, превратившись в гору тряпок.

В эпоху Серебряного века во многих семьях был свой домашний театр, были маскарады, где излюбленными масками являлись Арлекин и Коломбина. Самый популярный сюжет домашних постановок был незатейлив: холдная красавица отвергает любовь героя. Во всем этом присутствовал еще и известный надлом, предчувствие чего-то страшного и неумолимого – великих трагедий XX века. Евгений Деммени, участвовавший в подобных спектаклях в доме своего друга Юрия Гауша, безусловно, был человеком эпохи Серебряного века. Кукла с тонко вырезанным, умным лицом, небанальный текст, хорошая музыка, тонкие смыслы – это отличало постановки Деммени на протяжении всей его творческой жизни.

Я НИКОГО НЕ ХОЧУ СМЕШИТЬ

Так получилось, что в стране всем известно имя Сергея Образцова, а имя его петербургского коллеги знают лишь посвященные. Возможно, это связано с тем, что Образцов работал в столице, был обаятельным, всеми любимым. Охотно брался за общественную работу. Возможно, с тем, что многие постановки Об-

разцова не были осложнены таким значительным культурным подтекстом, как работы Деммени. Они больше обращены к народу, более понятны. Деммени, умерший в 1969 году, не давал интервью, нет ни одной его телевизионной съемки. Образцов дольше прожил, много выступал на телевидении, его легендарные спектакли «Божественная комедия» и «Необыкновенный концерт» транслировали по телевидению несколько раз в год. Не хочется сравнивать, но... Оба кукольника говорили друг о друге только хорошо. И были предельно вежливы. Было ли между ними соперничество? Наверное, они были слишком разными. Даже в эстрадных номерах. Образцов сам за ширмой прекрасно пел, играл на гитаре. Деммени не произносил ни слова. И тем не менее...

ЛЕОНИД АРОНЧИКОВ

Сначала актер управляет куклой, а потом происходит удивительное. Кукла начинает диктовать свои правила актеру. Вячеслав Попов и кукла Еж в спектакле «Теремок»

У Деммени одним из знаковых был номер «12 рапсодия Листа». Пианист исполнял рапсодию, то ложился лицом на клавиатуру, то вздымал вверх руки, то, зависая над инструментом, тряс шевелюрой. Интересно, что за ширмой у Деммени играл настоящий тапёр. Чуть позже родился «Необыкновенный концерт» Образцова. Он, по сути, подхватил и расширил идею. Хотя принято говорить, что идеи носятся в воздухе. Ленинградский критик Александр Белинский спросил у Деммени про этот номер: «Вы пародируете Софроницкого?» «Я никого никогда в жизни не пародировал, – ответил Деммени. – Я ненавижу имитацию. Я разоблачаю то, что мне не нравится в этом жанре». Когда представление заканчивалось, Деммени выходил кланяться – с серьезным, бесстрастным лицом, в безукоризненном фраке. Он никогда никого не хотел смешить.

КУКЛЫ ТЕАТРА ДЕММЕНИ

Когда-то в театр Деммени взрослые ходили чаще детей. Здесь шли спектакли для взрослого зрителя, часто ставили классику. Марионетки играли «Дон Кихота», «Черевички» по Гоголю, «Свадьбу» Чехова, «Проказниц Виндзора», номер «Анна и Вронский»... Кстати, до Деммени ни один кукольный театр за постановку Шекспира не брался. Так что и в этом он был первым. «Главное, на наш взгляд, заключалось в соответствии гротескного изображения действующих лиц и их поведения исполнительному стилю Петрушек. Постановка комедии Шекспира приобретала существенное значение еще и потому, что определяла зрелость актерского коллектива», – писал Деммени.

Сейчас большинство марионеток тех постановок отдыхает за стеклом витрин в фойе театра. Их даже неловко называть куклами. Вот артисты спектакля «Белая крыса» по пьесе Мамоновой и Чани, премьера которой состоялась в 1935 году. Действие происходит при дворе Павла I. Кто-то разворачивает в стране зерно.

Хитрые вельможи-воры указывают на мнимого преступника – белую крысу: на сцену, кстати, выходила ручная крыса. Всех куколок для этого спектакля вырезал из липы художник Иван Павлович, погибший от голода в блокадном Ленинграде. Лицо Павла I не забыть – настолько оно выразительное и страшное. Но Деммени усилил эффект, додумавшись выставлять свет на каждого героя – как в кино. Поэтому Павел, как и его вельможи, может кричать и молчать, хмуриться и радоваться: выражение лица меняется от освещения.

А скульптор Мария Артюхова сделала кукол иначе. У ее героев... два разных профиля. Один улыбается, другой хмурится. Артюхова работала над куклами для «Проказниц Виндзора», «Испанского танца», «Заклинания дьявола». Она признавалась, что у нее не получаются положительные герои. Только злодеи или характерные. А Павлович вырезал кукол для «Черевичек», «Мертвой царевны», «Багажа». Один из его шедевров – Пушкин, вырезанный со знаменитого автопортрета, который поэт оставил на полях рукописи. Некомплиментарный, прямо скажем, портрет. Очень выразительный. Иван Павлович создал его в 1932 году к Третьему областному съезду Союза работников искусств. Очевидно, это был специально придуманный для участников съезда номер: деревянный Александр Сергеевич поворачивает голову, достает из-за уха перо, то ли улыбается, то ли гримасничает...

ЛЮДИ ТЕАТРА ДЕММЕНИ

Деммени собирал единомышленников, людей образованных, талантливых, эстетов. Музыка для спектаклей писалась специально. Часто режиссеры сами участвовали в создании кукол и писали пьесы, как Юрий Поздняков.

Детская тема меньше привлекала внимание цензоров, давала некоторую свободу для творчества. Неслучайно в 1930-е годы ленинградское издательство «Детгиз» стало прибежищем для талантливых людей, вытесненных за

ЛЕОНИД АРОННИКОВ

Куклы, созданные Иваном Павловичем – настоящие произведения искусства. Для какого концертного номера был сделан этот Пушкин, сейчас никто не скажет

Во время блокады актеры ездили с фронтовыми концертными бригадами, показывали бойцам агитационные номера. Особенно веселил всех кукольный Гитлер, у которого из орбит выскакивали глаза

формализм из взрослой литературы или живописи. И театр Деммени стал такой же отдушиной. Многие из его актеров погибнут на фронте и в блокаду, о многих сейчас почти не осталось сведений. Уже после войны Деммени взял в театр Никиту Охочинского – сына своего однокашника по Пажескому корпусу, погибшего в лагере на Колыме. Скорее всего, и до войны он «прятал» в театре таких сотрудников.

Мало кто знает, что как-то пьесу для театра Деммени написал Даниил Хармс. Специально для марионеток. По замыслу автора театр-цирк заполнялся водой, а марионетки в ней должны были плавать. Пьесу не поставили. Возможно, из-за технических сложностей. Юрий Дормидон-

тов считает, что пьесой, которую Хармс писал для Деммени, был «Цирк Шардам». Активно работал с театром и Самуил Маршак. Свой «Кошкин дом» он создал именно для этого коллектива.

В первые месяцы блокады театр продолжал работать. «Вскоре налеты участились, в день бывало до десяти тревог, – писал Деммени, – спектакли приходилось прерывать. Публика протестовала и отказывалась спуститься в убежище. После отбоя спектакли продолжались». Кстати, за время блокады ни одна деревянная кукла театра не отправилась в печь вместо дров. Потом часть актеров-мужчин отправилась с фронтовыми бригадами выступать перед солдатами – никто из них не вернулся. Первым погиб Дроздин – легендарный Гулливер...

Было решено эвакуировать театр в Ташкент. В итоге осели в Иванове и принялись за работу. У эвакуированных был лимит: не более 30 килограммов личного багажа. Можно легко представить, что они должны были везти: постель, посуду, одежду... Каждый актер театра в своем багаже вез по 10 килограммов кукол. В Иванове поставили пьесу Маршака «Юный Фриц», с которой выезжали для выступления перед нашими бойцами. В ней действовала марионетка Гитлера с вываливающимися из орбит глазами. Показывали также спектакль «Кукольный дом», где речь шла о том, как надо защищать отчество и действовал самый омерзительный персонаж за всю историю театра Деммени – «Свинья-копилка».

ЧЕБУРАШКА И ДРУГИЕ

В 1960-е годы господствовала иная эстетика. Изменились и куклы театра – художники больше не вырезали лица-портреты из липы. Нужны были яркие и броские герои, гипертрофированные образы.

Один из знаковых спектаклей той эпохи – «Чебурашка и крокодил Гена». Эдуард Успенский сразу же согласился написать пьесу для Театра марионеток, после того как вышла его книга. Режиссером постановки стал Виталий

ЛЕОНИД АРОННИКОВ

ЛЕОНИД АРОНЧИКОВ

Ильин, руководивший театром уже после смерти Деммени. Ильин был не только скульптором, но и прекрасно разбирался в механике кукол. Он очень любил имя Лариса, и потому крысы Лариски в спектакле не было, ее заменил пес Тобик. А Чебурашка был ярко-оранжевый, с огромными ушами и голубыми глазами. На спектакль было не попасть. Роль Чебурашки исполнила Фаина Костина, крокодила Гены – Никита Охочинский. К тому времени, когда «Чебурашка» с триумфом покорила Ленинград, театр совсем обветшал, ему требовался срочный ремонт. Но чиновники не спешили. И тогда театру помогли... сами куклы. «Театр нуждался, сдвинуть с места эту историю было невозможно. И тогда мы решили выступить на телевидении. Я играла лягушку, а актриса Инна Петрова – девочку Катю, – вспоминает Фаина Костина. – Наш номер заключался в том, что лягушка и Катя пришли на развалины театра. Они говорили о том, что спектаклей больше не будет. Этую передачу по телевизору случайно посмотрел внук всесильного председателя Ленинградского горисполкома Александра Сизова. После чего

рыдал без остановки. В итоге за три месяца сделали ремонт. Потом мы устроили капустник по поводу открытия театра после ремонта. Позвали всех знаменитостей города».

Театр Деммени – это и мой первый в жизни театр. У моего отца были там знакомства, поэтому и удалось достать билеты на «Чебурашку». Спектакль производил впечатление какого-то чуда. Когда представление закончилось, мы пошли за кулисы. Я увидела Чебурашку и Гену, они были такие большие и абсолютно живые. На

Фаина Костина, первая исполнительница Чебурашки в знаменитом спектакле, который был поставлен еще до появления мультфильма. Это было уже новое время, и куклы стали другими

артистов я даже не обратила внимания. В руках у меня был мой любимый игрушечный мишка. И вдруг крокодил Гена наклонился к моему мишке и ухватил его зубами: моя игрушка оказалась у него в пасти. Из оцепенения меня вывел смех взрослых. Через тридцать лет я познакомилась с Никитой Охочинским и рассказала ему эту историю. А он показал мне отцовский перстень выпускника Пажеского корпуса. Такой же, как носил Деммени.

ТЕАТР ДЕММЕНИ В XXI ВЕКЕ

Эстетика современных кукол совсем иная, изменилось и музыкальное сопровождение спектаклей. Раньше за сценой играл концертмейстер. Теперь звучит фонограмма. Актеры говорят и поют за кукол в микрофончики. При Деммени было не так.

Но кое-что из прошлого все же осталось. «Однажды к нам в театр приехали канадские коллеги. А у нас шел спектакль «Утенок Тим», – рассказывает Юрий Дормидонов. – В нем допотопная машинерия. Двое крепких мужчин крутят огромный барабан, для того чтобы прошла панорама. Расцвел один цветочек. Это же советский супрематизм. Канадцы просто застыли, когда это увидели».

Среди новых постановок были явные удачи. Японская сказка «Волшебное перышко» режиссера Бориса Константинова получила высшие театральные награды страны. На этот спектакль с удовольствием ходили и взрослые. В нем использовались японские народные инструменты, никаких фонограмм. Тонкий, удивительный спектакль сейчас почему-то снят с репертуара.

Неизменным успехом пользуется «Гулливер». Играют в нем те самые куколки, вырезанные в 1936-м художником Николаем Кочергиным. Фаина Костина в спектакле играет нынче министра Флимнапа. А начинала она в 1960-е с Красного лилипута. Почему-то именно этого героя первым берут в руки молодые артисты театра. Это уже традиция. Сегодня Красного лилипута играет юная Кристина Романова.❶

ЛЕОНИД АРОНЧИКОВ

ВВЕДЕНИЕ НА ХОЛМ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

БЫЛО У ПЕТРА ВЕЛИКОГО ДВА БЛИЖАЙШИХ СПОДВИЖНИКА-ИНЗЕМЦА. ШВЕЙЦАРЕЦ ФРАНЦ ЛЕФОРТ И ШОТЛАНДЕЦ ПАТРИК ГОРДОН. ПЕРВЫЙ УМЕР В МАРТЕ 1699-ГО. ВТОРОЙ – В ДЕКАБРЕ ТОГО ЖЕ ГОДА. ПОХОРОНИЛИ ИХ В МОСКВЕ, НО В РАЗНЫХ МЕСТАХ. ЛЕФОРТА – ЧУТЬ ЛИ НЕ В МАРЬИНОЙ РОЩЕ, ГДЕ В ТЕ ВРЕМЕНА СУЩЕСТВОВАЛ ПОГОСТ ДЛЯ «НЕМЦЕВ». ГОРДОНА – В НЕМЕЦКОЙ СЛОБОДЕ НА ПРАВОМ БЕРЕГУ ЯЗЫ, ПО СОСЕДСТВУ С ПЛОЩАДЬЮ РАЗГУЛЯЙ.

Входная арка
на Введенское
кладбище
со стороны
улицы
Госпитальный
Вал

ДВУХ ЭТИХ УДИВИТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ И ПРИ ЖИЗНИ ОКРУЖАЛИ ВСЯЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ И ДОМЫСЛЫ. Лефорт никаких записок потомкам не подарил. Гордон, напротив, оставил дневники, датированные 1655–1698

годами. Большая их часть опубликована в XXI веке. Но в них, понятное дело, не содержится объяснений, что случилось с душами и прахом самого автора и генерала ЛефORTA после их кончины. А случилось следующее. Что до душ, то сие нам неведомо, а вот останки обоих героев Петровской эпохи были перенесены в XIX веке на Введенское кладбище в тогда еще подмосковном Лефортове. И перезахоронены на участке №11 в 1877 году.

Далее историю подменяет мистика. Доказать, что в этой земле лежит прах ЛефORTA и Гордона, никто так и не смог. Равно как нет и доказательств, свидетельствующих об обратном. Но легенды продолжают будоражить людей и сегодня. Одни вполне уверенно утверждают, что дух генерала (и по совместительству адмирала) ЛефORTA время от времени материализуется и тревожит танцами и игрой на флейте не только жителей окрестных кварталов, но даже водителей в построенном в 2003 году трехкилометровом автомобильном Лефортовском туннеле. Другие столь же убежденно утверждают, что на кладбищенских аллеях под настроение появляется призрак генерала Гордона. Видеть не видели, но стук тяжелых каблуков и звуки старинных шотландских песен слышали.

НА РЕКЕ СИНИЧКЕ

Легенды бывают разные. В том числе и абсолютно бестолковые. Самая бестолковая из тех, что связаны с Лефортом и Городоном, та, которая сообщает нам, будто оба были сразу по смерти похоронены на Введенском кладбище. Бестолковая по той простой причине, что никакого кладбища в этих местах на стыке XVII–XVIII веков не существовало. Оно возникло в 1771 году по вполне определенной причине. В Москве разразилась эпидемия чумы. Императрица Екатерина II отправила бороться с заразой, угрожавшей истребить население Первопрестольной, графа Григория Орлова. Любопытно, если не сказать больше, то, что эпидемия пришла в город как раз с того места, где вскоре возникло Введенское кладбище: из Военной гошпитали в Лефортовой слободе (ныне – знаменитый Госпиталь им. Н.Н. Бурденко. – **Прим. авт.**), основанной еще Петром I. Там от привезенной с войны бубонной беды в ноябре 1770 года умер один офицер.

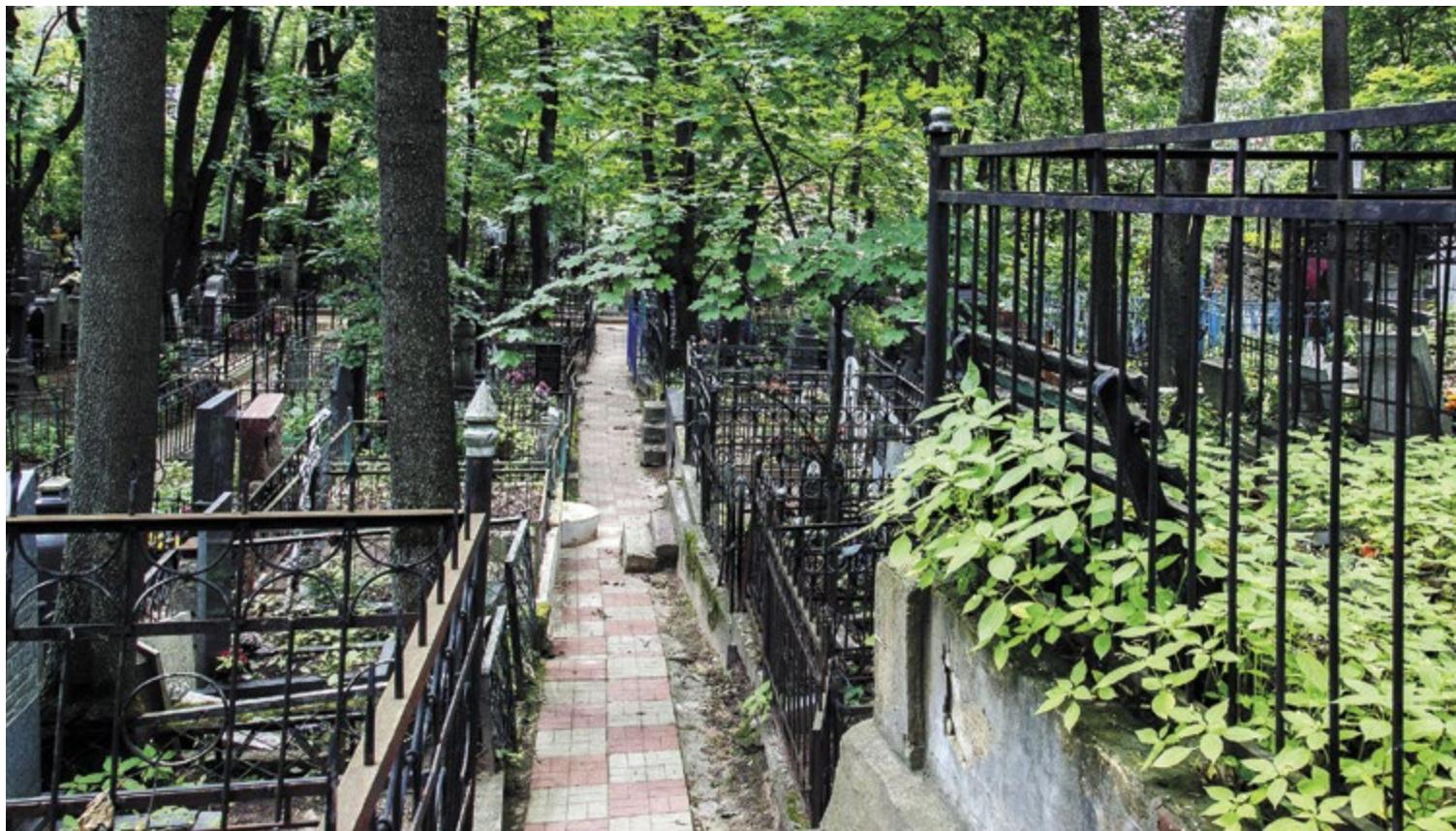

Каменные ангелы
Немецкого
погоста. Их тут
больше, чем на
всех московских
кладбищах,
вместе взятых

На узких
дорожках
Введенского
некрополя

Орлов, не знавший сомнений, принял ряд суровых мер. В частности, запретил хоронить умерших от чумы на церковных погостах в черте города. А для того, чтобы тысячи погибших нашли упокоение, распорядился выделить участки земли для новых захоронений. Одним из таких и стало Введенское кладбище на одноименном холме, нависавшем над берегом кро-

хотной речки Синички – притока Яузы. К слову, Синичка жива по сей день. Увидеть ее, правда, дано далеко не всем. Только работникам специальных городских служб да диггерам-любителям. Она спрятана в подземную трубу и течет себе в вечной темноте, огибая Введенский холм с южной стороны. Теперь – о холме. Семь холмов Рима – аксиома. Истори-

ки и не думают оспаривать основу основ Вечного города – Septimontium. Что касается Москвы, то тут не все так просто. Это только принято говорить, что столица стоит на семи холмах. На самом деле их побольше будет. В классический перечень Введенский холм, само собой, не попадал, так как Лефортовская слобода стала частью Москвы только в середине XVIII века, и то не вся. Но спустя некоторое время этот холм вошел в «счастливую семерку» и сегодня занимает в ней законное место наряду с Боровицким холмом (Кремль), Ивановской горкой (Маросейка и Солянка), Трехгоркой (Пресня и Ваганьково), Страстной горкой (Пушкинская площадь), Сретенским холмом, Таганским холмом и Воробьевыми горами.

Как это частенько случалось в Первопрестольной, одно географическое место имело несколько названий. Введенский холм, Введенские горы, Лефортовский холм, Введенская горка... Суть, однако, не меняется. Севернее холма когда-то располагалось село Семеновское. То самое, что стало родиной сначала «потешного», а позже лейб-гвардии Семеновского полка. Свое название холм и сельцо при нем получили от храма Введения Богородицы, построенного еще в середине XVII века. Деревянный храм, как водится, сгорел, а село и высоты название сохранили.

В связи с тем, что на противоположном берегу Яузы находилась знаменитая и весьма разросшаяся к середине XVIII века Немецкая слобода, заселенная пришельцами из Западной и Центральной Европы, новообразованное кладбище отдали под захоронения иноверцев: католиков и протестантов. Народ в слободе отреагировал тут же, и официальное название – «Введенское» – быстро переиначил на понятный лад. «Иноверческое» или «Немецкое». Ведь немцами называли всех европейцев, прибывавших в Москву временно или на ПМЖ.

Могилы
героев полка
«Нормандия –
Неман» Бруно
де Фальтана
и Сергея
Астахова

ВОЕННАЯ КОСТОЧКА

Совсем рядом с южной стеной Немецкого кладбища находился в советское время кинотеатр «Спутник». Не подумайте дурно о человеке, предложившем это название для скромного культурного центра, построенного в 1958 году. Вряд ли им двигало чувство тонкого, хотя и несколько мрачноватого, юмора. Скорее всего, название было продиктовано требованием времени и впечатлением от могучих корпусов Московского энергетического института, выросших на противоположной стороне. «Спутник» в качестве очага культуры работает и сегодня. На полном серьезе, без всяких там сложных ассоциаций. Между кинотеатром и стеной некрополя сохранился довольно глубокий, правильной формы, котлован,

который когда-то представлял собой пруд, заполняемый время от времени водой из речки-трубы Синички. Зимой мы – лефортовские дети и подростки – катались там на коньках, теша себя надеждой, что в награду за физкультурные подвиги родители купят нам по билетику на отменные мультипликационные программы, которыми «Спутник» славился в округе. О кладбище разговоров не было.

Октябрьята и пионеры что-то слышали о «немецком кладбище», но вовсе им не интересовались. Скорее, наоборот – игнорировали на всех уровнях сознания и подсознания, так как были уверены, что там лежат останки пленных солдат-фашистов, которые, к слову, кое-что построили в Лефортове после войны. Без энтузиазма, разумеется, но со свойственной германцам аккуратностью. Советские взрослые нас в этом представлении разубедить не пытались. Посещение кладбищ октябрятами и пионерами было не в чести. Буклеты об истории погоста на школьных политинформациях никто не распространял. Так что здание кинотеатра весьма стойческой архитектуры привлекало нас куда больше, чем краснокирпичная стенка в некотором отдалении.

60–70-е годы прошлого века – это время замечательных фильмов о войне. Среди прочих мальчишки затаив дыхание смотрели ленту

Кенотаф
летчиков полка
«Нормандия –
Неман»,
погибших
в боях Великой
Отечественной
войны

«Нормандия – Неман». Эх, кто бы нам сказал тогда, что за невзрачной красной стеной похоронены французские летчики этой эскадрильи! И бог тогда с коньками. Да и с мультфильмами тоже. Герой Советского Союза Марсель Лефевр, маркиз Морис де Сейн... И отдельно: французский летчик Бруно де Фальтан и русский техник Сергей Астахов. Они погибли вместе в сгоревшем самолете в 1944-м под Витебском. У Сергея не было парашюта. И Бруно прыгать не стал. Окажись мы тогда около их надгробий, мы вряд ли бы узнали, что прах французских летчиков в 50–60-е годы перевезли и захоронили на их родине. И вряд ли бы узнали, что близкие Бруно решили оставить его в русской земле.

В 2007 году рядом с Введенским кладбищем, в Лефортовском сквере, был торжественно открыт памятник летчикам «Нормандии – Неман». В присутствии президентов России и Франции. Интересно, знают ли об этом дети и взрослые, что собираются в свободные часы у котлована за спиной кинотеатра «Спутник» покататься на великах, погонять мячик, полежать на травке?..

Рядом с некрополем «Нормандия – Неман» – еще один памятник, связанный с Францией. Точнее, с пленными французскими солдатами наполеонов-

Надгробие
над могилой
московского
военного
коменданта
середины
XIX века
генерала
фон Сталаля

ской армии, умершими в русских госпиталях после нашествия 1812 года. Его установили в 1889 году, в память о тех французах, что легли на этом месте в могилы на заре XIX века. Мысль тривиальная, но бесспорная. Аллеи некрополя примиряют всех. Французов, сжегших когда-то Москву, и нас, живущих в ней сегодня. Преданного монархии коменданта Москвы генерала от кавалерии барона фон Сталаля и заслуживших звание Героя Советского Союза под сенью красных знамен, коих тут похоронено 54 человека. И скончавшихся от ран немецких солдат Первой мировой войны, похороненных на московском Немецком кладбище. Где ж еще?

Монумент
в память
о французских
солдатах
1812 года,
умерших
в московских
госпиталях

СОГЛАСНО РЕЙТИНГУ

Недавно кто-то из телевизионных коллег со знанием дела сообщил, что ушедший из жизни заслуженный человек будет «похоронен на Троекуровском кладбище, втором по престижности в Москве». Что и говорить, профессия, она, конечно, обязывает, но она и деформирует. Новодевичье, далее, как теперь ясно, Троекуровское, затем, видимо, Ваганьковское. Каким-то образом надо теперь встроить в рейтинг Федеральное военное мемориальное кладбище под подмосковными Мытищами. То самое, что неофициально принято называть нашим «Арлингтоном». Между прочим, согласно постановлению правительства от 25 февраля 2004 года, именно на нем предполагается отдать последние почести ушедшим из жизни президентам СССР и России, премьер-министрам, маршалам, нобелевским лауреатам, народным артистам, кавалерам высших государственных наград. Что тут посоветовать коллегам? Следить за рейтингом... На Введенском кладбище хоронят и сегодня. На семейных участках и в семейных склепах. Свободной земли почти нет. Ну и рейтинг, само собой, не чета первой тройке. Получая разрешение на фотосъемку, мы с моим бессменным соавтором фотографом Александром Бурым поинтересовались в администрации, нет ли какого распечатанного плана, чтобы не бродить по аллеям в поисках знакомых имен, чтобы понять, согласно какому «рейтингу» оказались тут ушедшие от нас люди. Что душой кричить, на памяти были великие фамилии, но хотелось понять, куда идти, где искать. Помочь нам не смогли. И пришлось положиться на случай. Он представился почти сразу. На главной аллее – надгробие могилы прекрасного писателя-сатирика Аркадия Арканова. Не могу похвастаться серьезным знакомством с Аркадием Михайловичем, но довелось как-то по общему делу

Могила писателя
Аркадия
Арканова

В память о народной артистке СССР
балерине Ольге Лепешинской

в самом начале 90-х путешествовать поездом из Москвы в Камышин. Как известно, в публичной и частной ипостасях человек нередко раздваивается. Сколько часов добирались, а Арканов не изменял двум качествам: точности и тонкости. И надгробная плита – все точно и тонко. На Введенском кладбище можно положить цветы на могилы народных артисток СССР балерины Ольги Лепешинской и оперной певицы Марии Максаковой. Можно помянуть актеров

Михаила Козакова, Геннадия Бортникова, Николая Волкова, Татьяну Пельгцер, Рину Зеленую, Лидию Смирнову. Ой, длинный список из мира искусства. Да и вообще – из большого мира: художники Виктор и Аполлинарий Васнецовы, издатель Иван Сытин, поэтесса Вера Инбер, композитор Эдуард Колмановский, режиссер Юрий Озеров, его брат – телекомментатор Николай, писатель Михаил Пришвин, боксер Валерий Попченко, журналист Алекс

Надгробие
«святого
доктора»
Федора Гааза

сей Аджубей. А это уже и вовсе без комментариев – «святой доктор» Федор Гааз. Человек, которого сегодня называли бы безликим словом «правозащитник». И человек, который был одним из первых в России защитников тех, кого защищать в начале XIX века никому в голову не приходило – ссыльных и каторжников. Федор Достоевский, Сергей Максимов и Антон Чехов в определенном смысле его ученики и последователи.

Федор Петрович не только бесплатно лечил бедный люд, но еще и делился с ним всем, чем мог. И это не пустые слова, иначе не хоронили бы его за счет московской... полиции. За гробом шли 20 тысяч человек! Памятник «святому доктору» охраняют цепи с «гаазовскими кандалами». Был такой термин когда-то. Не имея возможности избавить узников от тяжелых железных оков, Гааз изобрел специальную конструкцию. Изнутри металл обшивался кожей, что хоть как-то облегчало жизнь кандалников. Именно доктору Гаазу принадлежит великолепное изречение библейского масштаба: «Спешите делать добро». Да, сложная штука – рейтинги... Особенно там, где их надо каким-то образом сопрягать с вечностью.

Место паломничества российских кулинаров – могила Люсьена Оливье

ЭСТЕТИКА ВЕЧНОСТИ

Не каждая фамилия на надгробных плитах Немецкого кладбища говорит нам, живущим сегодня, о том, что ее носитель некогда внес вклад, повлиял на прогресс, раздвинул рамки, добавил света. Впрочем, кто как рассудит. На одной из аллей поинтересовались у строгого охранника субтильного вида с допохмельными глазами, где же могила Люсьена Оливье. Сомнительно, что он не знал, что ответить. Скорее – не отвечалось. То ли по причине утренней усталости, то ли надоело. Ведь всем вынь да положь Оливье. Мотнул головой, махнул рукой и пошел дальше. Отреагировав на мотание и махание, мы нашли вечное пристанище знаменитого повара и владельца московского ресторана «Эрмитаж» в одноименном саду довольно скоро. И скромная табличка помогла. Внес, повлиял, раздвинул или добавил – один Бог знает. Но не менее 200 миллионов человек, так или иначе знакомых с советской традицией встречи Нового года, относятся к создателю знаменитого салата с неизбывной теплотой и благодарностью. А вот памятник Оливье никаких ассоциаций с его блюдом не вызывает. Скорее – наоборот. Кстати, был Люсьен хоть и французского происхождения,

Надгробие «Вот и все». Разве можно выразиться точнее?

но родился в Москве. Стало быть, спит вечным сном на родине. Сомнений в том, что никто, за исключением потомков и узкого круга знатоков истории московских некрополей, не знает судьбу Софи и Леона Пло, нет. Но памятник на их могиле вполне может послужить основой для драматургического поиска в шекспировском стиле. Леон был крупным торговцем металлом, его супруга содержала модный магазин на Кузнецком Мосту. В один ужасный день Пло заподозрил Софи в супружеской измене. Куда там платок Отелло! Он заказал скульптору изваяние женщины, идущей на свидание. Оплатив работу и по-

лучив произведение, Леон убил жену и себя. Еще одна легенда? Возможно. Но скульптура оказалась... надгробием на их общей могиле.

Заставляет задуматься о вечном и мавзолей промышленника Людвига Кноппа. Если этот полуразрушенный римский портик вынести куда-нибудь в Помпей или Геркуланум, в голову не придет, что он родом из российской столицы. Далеко не все захоронения украшены скульптурными или архитектурными изысками. Но что бросается в глаза: во многих случаях, там, где эти изыски имеются, часто используются женские образы. Что, впрочем, вполне объясни-

Склеп неизвестных в европейском стиле – из металла

Надгробие над могилой несчастных супругов Софи и Леона Пло

быть выполнена в православном стиле. Мозаику внутри часовни выполнил художник Кузьма Петров-Водкин. Вышло так, что прах Антона Эрлангера в новую часовню так и не перенесли. Но в 1914 году там был похоронен его сын Александр. Прошли не то что годы – десятилетия. Бесхозная часовня пришла в полное запустение. В 1990 году в православном приходе Святых апостолов Петра и Павла, храм которого находится рядом с кладбищем, на Солдатской улице, решили изыскать средства для ее восстановления. Стоять с кружкой для сбора подаяния отправили женщину по имени Тамара. Она настолько рьяно отнеслась к послушанию, что решила жить у разрушенной часовни. Поставила рядом шалаш и неделями не отходила прочь.

Хватило собранных Тамарой пожертвований или нет, история умалчивает. Но через несколько лет часовня перешла в ведение храма Святых апостолов Петра и Павла, и в ней, приведенной в полный порядок, начались службы. Беспорядок, если его можно так назвать, присутствует только извне: после реставрации часовни родилась традиция. На стенах постоянно появляются надписи, смысл которых прост: люди просят помочи у Господа. И сколь часто их ни закрашивают, спустя считаные часы они появляются вновь. Как стук тяжелых каблуков генерала Патрика Гордона по пустынным ночным аллеям погоста. Как звуки флейты над вековыми липами, на которой так замечательно играл Франц Лефорт. ♦

мо: мужчины в плакальщицы не годятся. Так, с доминирующей женской фигурой оформлена усыпальница Софии и Карла Феррейн. Да-да, того самого купца первой гильдии Карла Феррейна, что открыл в 1832 году аптеку в центре Москвы, на Никольской улице. Изумительно оформлен памятник на могиле Роберта Фульда, ювелира. Именно он основал первый в городе футбольный клуб и построил первый настоящий стадион – в Сокольниках. Представлял Россию в ФИФА, занимался олимпийским движением. Иными словами, человек энергичный, надо думать, уверенный в себе. И вдруг: «Милосердие» склонило голову на краю каменного бастиона и спрятало лицо под капюшоном строгого плаща... Пусть погост и называют Иноверческим, но без православного

духа тут не обходится. Жил-был когда-то на Москве мукомольный король России Антон Эрлангер. Сам Антон Максимович, владевший 800 механическими мельницами, был католиком. А вот вся семья – православные. Эрлангер ушел из жизни в 1910 году. Его похоронили на Немецком кладбище на семейном участке. Но вскоре семья решила построить отдельный мавзолей. Проект заказали известному архитектору Федору Шехтелью с одним наказом: часовня должна

Надпись-послание на стене заброшенной часовни Введенского кладбища

АНДЕРСЕН ИЗ КАСИМОВА

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЕВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

КАЗАЛОСЬ БЫ, КАКОЕ ОТНОШЕНИЕ МОЖЕТ ИМЕТЬ ХАНС КРИСТИАН АНДЕРСЕН К ГЛУБИНКЕ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ? ОКАЗЫВАЕТСЯ, МОЖЕТ, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ВЕЛИКОГО СКАЗОЧНИКА МОЖНО ЗАПРОСТО ВСТРЕТИТЬ В НЕБОЛЬШОМ ГОРОДКЕ КАСИМОВЕ: ОН ЧАСТЕНЬКО ПРОГУЛИВАЕТСЯ ПО ЗДЕШНИМ УЛОЧКАМ, РАССКАЗЫВАЕТ СКАЗКИ И УГОЩАЕТ ДЕТВОРУ ЛЕДЕНЦАМИ...

МЕСТНЫЙ КРАЕВЕД Анатолий Смирнов перевоплощается в великого сказочника давно. Для этого у него есть специальный костюм, помогающий создать образ всемирно любимого сказочника. Надев цилиндр и фрак, Анатолий Николаевич отправляется на прогулку. Его уже считают одной из местных достопримечательностей, называя «касимовским Андерсеном». И такой маскарад – не простое чудачество местного жителя. Каким бы странным это ни казалось, между автором «Дюймовочки» и маленьким мещерским городком действительно существует связь. Именно в Касимове родилась Анна Ганзен – знаменитая переводчица андерсеновских сказок. Как говорят специалисты, благодаря ей читатели нашей страны смогли прочитать

наиболее точные переводы любимых сказок. До этого русские читатели получали продукт двойного перевода: с датского на немецкий, а уж с немецкого – на русский. Естественно, после такой обработки многие детали авторских задумок утрачивались. Анна Ганзен смогла погрузиться в язык Андерсена и подарить удивительно тонкий мир его сказок читателям на русском языке.

МАЛАЯ РОДИНА ПОМНИТ...

Сегодня практически каждый житель Касимовского района, да и всей Рязанской области, знает, что одна из самых известных переводчиц сказок Андерсена – их землячка. Но имя Ганзен было возвращено рязанцам не так давно. Во многом это заслуга краеведа Анатолия Смирнова и таких же увлеченных, как он, людей.

Касимов – небольшой уездный городок, уютный и красивый, со своим колоритом и богатой историей

«Еще в 1990-х годах я, работая в музее, услышала по радио упоминание Касимова. Слух сразу выхватил родное название, и я стала прислушиваться, в связи с чем упоминается наш город, – рассказывает научный сотрудник Касимовского краеведческого музея Галина Семиличенко. – Говорили о перевоплощении сказок Андерсена Анне Васильевой, которая родилась в Касимове. Для меня это было настоящим открытием, и я стала искать информацию, связанную с ней».

В архивах музея материалов не нашлось, Галина Алексеевна отправилась в архив ЗАГСа и вскоре нашла информацию о том, когда родилась Анна Васильева, в какой церкви ее крестили, в каком квартале находился дом Васильевых, что собой представлял этот дом...

Потом Галина Алексеевна собирала информацию в Центральном государственном архиве литературы и искусства. Отправляясь в Москву, всегда выкраивала время на то, чтобы заскочить в архив, по полдня проводила там, выискивала материалы, просматривала фильмы – по крохам копила все, что связано с именем переводчицы. «Там я нашла ее переписку с издателями, писателями – она была востребованым переводчиком, – продолжает Галина Алексеевна. – Много интересного удалось найти, постепенно материал набирался, но донести его до людей никак не получалось – в то время у музея было небольшое помещение, даже выставку организовать не было возможности». Однако Галина Семиличенко свое дело не бросала, упорно продолжала «копать» и собирать все, что было связано с жизнью и творчеством Анны Ганзен. Только в 2002 году удалось сделать следующий шаг: музей получил дополнительное помещение, и сотрудники решили устроить елку – это была первая елка по сказкам Х.-К. Андерсена. «Мы тогда собирали по всем знакомым реквизит – у кого свинью-копил

ку, у кого солдатиков, что-то из музейных фондов задействовали, – вспоминает Галина Алексеевна. – Сделали как могли. Первый опыт понравился, и потом такие сказочные елки стали традицией».

Знаковым событием для Касимова стало празднование 135-летия со дня рождения Анны Ганзен, которое удалось провести в 2004 году. А следующий, 2005-й, можно считать выходом на новый уровень. 200-летие Андерсена отметили серьезной конференцией, которая собрала множество гостей и из Рязани, и из столицы. Впервые прибыли тогда на Касимовскую землю правнук Анны Ганзен – Петр Валерьевич Кожевников.

На радость всем неравнодушным к творчеству переводчицы конференция положила начало Ганзеновским чтениям. На первые такие чтения в 2007 году даже приехал посол Дании в России. Впоследствии Ганзеновские чтения вышли далеко за пределы Касимова – они проводились и в Рязани, и в Москве, и в Петербурге, собирая все больше и больше людей, способных оценить дар переводчицы.

«ПОДАРИВШАЯ РОССИИ АНДЕРСЕНА»

«Трудно сказать, помнила ли Анна Васильевна что-то из своего касимовского детства, ведь семья переехала в Петербург, когда Анечке было всего 3 года. Но, может быть, какие-то яркие моменты ее память все-таки сохранила. К примеру, в доме Алянчиковых, известных касимовских купцов, всегда проводили пышные елки, возможно, такая рождественская елка осталась в ее воспоминаниях яркой вспышкой», – делится Галина Семиченко. Кажется, что она проникла во все глубины жизни Анны Васильевны и, хотя уже вышла на пенсию и не работает в музее, деятельность свою не прекращает. В приходских книгах Галина Алексеевна нашла, что родилась Анна Васильева 8 декабря 1869 года, 9 де-

Судьба распорядилась так, что дом Анатолия Смирнова стоит практически на том же месте, где в XIX веке находился дом Васильевых

кабря ее крестили в храме Успения Пресвятой Богородицы. Отец Анны, Василий Васильевич Васильев, работал в городской Думе, был удостоен звания личного почетного гражданина города Касимова.

В 1872 году семья перебралась в Петербург, где отец устроился на работу конторщиком газеты «Русский мир». Анна была самой младшей в семье, тринадцатым ребенком и всего вторым выжившим... В 4 года Аня научилась читать, рано стала писать стихи и сказки. В гимназии Анна проявила особые способности к иностранным языкам и литературе, с серебряной медалью окончила Литейную гимназию, посещала Бестужевские курсы. Как чаще всего пишут в биографии Анны, однажды она

увидела объявление – детям датчанина требовалась гувернантка. Где-то можно встретить иную информацию: Анна дала объявление, предлагая частные уроки – ее отец в то время уже сильно болел, и она старалась помочь семье. В этот период Анна даже вязала варежки и шарфы на продажу, а потом занялась частными уроками. Потомки семейства Ганзен говорят, что точно теперь никто не знает, объявление сыграло столь судьбоносную роль или их встреча произошла случайно, но самое главное свершилось: они встретились. И возрастная разница в 24 года не помешала создать им по-настоящему гармоничный союз.

Петр Готфридович Ганзен был личностью весьма колоритной.

В музее Анатолия Смирнова каждый может почувствовать себя героем сказок

В молодости мечтал стать актером, и мечту свою осуществил, служил в Королевском театре Дании, однако быстро разочаровался в выбранной профессии и в 25 лет решил искать себя в другой сфере. Ганзен стал телеграфистом и отправился в Россию – запускать телеграфную линию, строившуюся вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. Планировал съездить на короткий срок, но судьба распорядилась так, что провел он в России 35 лет. Здесь женился, но, увы, быстро овдовел. Дети, оставшиеся после первого брака, нуждались в женской опеке, и вот поиск достойной учительницы подарил Ганзену и спутнику жизни, и прекрасного соавтора. Анна быстро выучила и датский, и другие скандинавские языки – супруги стали настоящими половинками не только в семейной жизни, но и в творчестве. Еще до встречи с Анной Петр Готфридович занимался переводами русской литературы – можно сказать, что именно он подарил датским читателям произведения Толстого, Гончарова и многих других русских писателей. Совместная ра-

бота творческого тандема супругов Ганзен принесла огромные плоды: Генрих Ибсен, Кнут Гамсун, Сёрен Кьеркегор, Бьёрнстьерне Бьёрнсон, Юхан Август Стрингберг, Карин Микаэлис – благодаря работе четы переводчиков мы имеем прекрасные переводы произведений этих писателей на русский язык. Конечно, огромный пласт работы супругов Ганзен – творчество Андерсена. Петр занимался пьесами, романами, путевыми заметками, перевел автобиографию «Сказка моей жизни». Кстати, Петр Ганзен был знаком с Андерсеном, и в их судь-

Анатолия Смирнова окружает по-настоящему сказочная обстановка. И сотворил он эту сказку собственными руками

Теперь по этому адресу направляют всех, кто разыскивает Андерсена

бах есть общие моменты: к примеру, оба мечтали об актерской карьере.

Анна сконцентрировалась на переводах сказок. Ее нередко называют «подарившей России Андерсена». Она удивительно чувствовала язык Ханса Кристиана, переводила тонко и чутко, сохраняя не только смысл, но и завораживающий дух сказки. Сами датчане признавали ее переводами лучшими в мире.

Анна Васильевна была членом Союза писателей, известно, что в 1940 году союз ходатайствовал о присвоении ей звания заслуженного деятеля искусств РСФСР. Увы, пока это ходатайство рассматривалось, многое изменилось... Война, блокада... В тот период было совсем не до званий. Анна Васильевна умерла в 1942-м в блокадном Ленинграде от голода. Похоронили ее, как и многих ленинградцев, в общей могиле на Пискаревском кладбище. «Сейчас существует символическая могила на Смоленском кладбище – там похоронены другие члены семьи Ганзен, но останков Анны Васильевны найти, конечно, не удалось, – объясняет Анатолий Смирнов. – Я ездил на Смоленское кладбище, отвозил частичку касимовской земли. Мы провели на могилке службу, рассыпали песочек в память о той земле, на которой она родилась. Связь с ее родиной существует, и мы стараемся эту связь укреплять».

ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ АНДЕРСЕНА

Так сложилось, что дом Анатолия Смирнова стоит практически на том же месте, где когда-то был дом Васильевых. «Вот здесь, в Никольском овраге, как раз и находился дом, – показывает Анатолий Николаевич фотографии, сделанные с колокольни Казанского женского монастыря в позапрошлом веке. – Он был построен в начале XIX века и простоял до начала XX. В 1921 году, к сожалению, был уничтожен пожаром. Следующие хозяева построили дом

чуть в стороне, правда, при постройке использовали и материалы сгоревшего дома. Потом мои бабушка и дедушка купили этот дом, и я помню, что кое-где были видны обгоревшие бревна – потом уже я узнал, что это были части дома Васильевых». То ли сами стены дома дали Анатолию Смирнову энергию для бурной просветительской деятельности, то ли его неуго-момный характер, но касимовский краевед устроил рядом со своим домом настоящий музей Андерсена.

Уже подъезжая к Никольскому оврагу, как будто оказываешься в сказке. Вас встречает стойкий оловянный солдатик, новогодняя ель, с которой вот уже несколько лет не снимают игрушки, большие деревянные калоши счастья, пушка, сказочное кресло, мельница, колодец… Кстати, все это сделано руками местного Андерсена, то есть Анатолия Смирнова. «Наверное, музеем это назвать нельзя, я бы, скорее, именовал это занимательной территорией сказок, – рассуждает Анатолий Николаевич. – Видя энтузиазм, с которым Галина Алексеевна занимается исследованием творчества Анны Ганзен, нельзя было оставаться равнодушным. Я стал думать, что и как можно организовать в моих условиях. Водить домой, в маленькие комнатки, группы по 30 человек нереально. Поэтому пришла идея организовать экспозицию на улице». Создавалось все постепенно. Сначала появилась мемориальная доска Анне Васильевне. Затем друг Смирнова, скульптор Иван Куликов, сваял бюст знаменитой переводчицы и фигуки героев любимых сказок… Потом была посажена елочка, создана часовенка, сделана витрина… Сейчас уже та маленькая елочка разрослась, и вокруг нее устраивают игры по сказкам Андерсена. Да и вообще, это место превратилось в один из туристических брендов Касимова, пусть неофициальный, зато очень популярный. Сюда приезжают большими группами тури-

У посетителей необычного касимовского музея потом долго сохраняется ощущение, что они побывали в сказке

сты, здесь побывали представители посольств, историки, литераторы, потомки Анны и Петра Ганзен. И хотя лежит рядом с домом камень, на котором указано, что от Касимова до Копенгагена 1824 километра, поверить в это трудно. Да и как тут поверишь, когда вот он, живой Андерсен, в цилиндре и накидке – все как на портретах в сборниках сказок. Побывав здесь, дети потом долго сохраняют уверенность, что они лично знакомы со знаменитым сказочником, были у него в гостях и он даже угощал их леденцами…

Подходящий костюм Анатолий Смирнов давно сшил себе на заказ на собственные средства, большой велосипед смастерили

своими руками, да и петушков на палочках готовит для детворы сам. Как только выдается свободное время, Анатолий Смирнов надевает костюм, садится на велосипед и отправляется в путешествие по городу, раздает детям сладости, расспрашивает про сказки, рассказывает про Андерсена и Анну Ганзен… «Здесь главное не пересказать биографию, важно забросить зерно, чтобы интерес проник в душу. А если удастся заинтересовать, и дети, и взрослые потом откроют для себя много нового в творчестве Андерсена. Ведь он не просто сказочник, это настоящий философ. Его произведения наполнены очень глубокой христианской философией», –

В музее, созданном Анатолием Смирновым, уже появляются свои легенды: говорят, если надеть калоши счастья и загадать желание, оно обязательно сбудется

считает касимовский Андерсен. Чтобы заложить тот самый фундамент интереса, Анатолий Смирнов уже шесть лет подряд проводит конкурс «Великий Андерсен» – сначала дети создавали рисунки и поделки, потом конкурс пополнился литературным творчеством. Состязаются дети в пяти номинациях: продолжение сказки Андерсена, собственная сказка, стихи, эссе и сказка на иностранном языке. Дети участвуют охотно, а Анатолий Николаевич с удовольстви-

ем поддерживает их творчество, и его нисколько не огорчает, что на это приходится тратить собственные средства. Да, они у него весьма скромные, приходится и работать, и огородом заниматься – без этого в уездном городке никак не прожить. Андерсен – это для души... Но бросать любимое дело он не намерен. Напротив, надеется, что со временем начатое получит развитие. «Вы знаете, у меня мечты, как о Нью-Васюках в «Золотом те-

Стараниями местных энтузиастов связь Касимова и Копенгагена укрепляется, несмотря на огромное расстояние

Необычный велосипед касимовский Андерсен смастерили сам, причем это не только декорация, но и средство передвижения

ленке», – смеется Анатолий Николаевич. – Я думаю, здесь вполне можно было бы сделать резиденцию Оле Лукойе. Чем мы хуже Великого Устюга, где живет Дед Мороз? У нас и место позволяет, и материал богатый. Можно было бы сделать игровые площадки с героями сказок. Сама природа много дала – в зимнее время на скатах оврага можно устроить горки, и дети будут кататься на санках, как Кай и Герда. Только одному с этим не справиться. Надеюсь, когда-нибудь все-таки найдутся заинтересованные люди».

Пока смелые мечты Анатолия Николаевича остаются мечтами, он продолжает свое скромное дело – несет в мир добро с помощью сказок. «Есть вечный двигатель – это Андерсен. И не важно, какое сейчас время, какой строй в государстве, какая экономическая ситуация, людям все равно хочется прикоснуться к сказке, – говорит Анатолий Николаевич. – И так приятно, когда тебе удается сделать людей хоть немного счастливее. Так радостно видеть, как даже у взрослых загораются глаза, когда они надевают костюм оловянного солдатика или садятся в сказочное кресло...». И как бы ни менялось время, сюда, в Никольский овраг, будут приходить гости, чтобы окунуться в сказку, пообщаться с Хансом Кристианом Андерсеном и примерить калоши счастья...

ЧУДО НА БЕЛОЙ СТЕНЕ

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

КТО СКАЗАЛ, ЧТО ДИАФИЛЬМЫ УСТАРЕЛИ? ВЗРОСЛЫЕ. А ДЕТИ... НЫНЕШНИЕ ДЕТИ В БОЛЬШИНСТВЕ СВОЕМ О ДИАФИЛЬМАХ И НЕ СЛЫШАЛИ. ДАБЫ ПЕРЕУБЕДИТЬ РОДИТЕЛЕЙ И ОТКРЫТЬ НОВЫЙ МИР МАЛЫШАМ, РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА УЖЕ БОЛЕЕ ДВУХ ЛЕТ РАБОТАЕТ НАД ПРОЕКТОМ ОЦИФРОВКИ СОВЕТСКИХ ДИАФИЛЬМОВ.

ПОЧТИ З ТЫСЯЧИ ПЛЕНОК уже переведено в электронный вид в первозданном качестве – над цветокоррекцией работают совместно со старыми мастерами. И более половины из них можно посмотреть на сайте РГДБ. Корреспондент журнала «Русский мир.ru» побывал в библиотеке и познакомился с кропотливым процессом. А также узнал, что диафильмы не канули в прошлое, а продолжают занимать умы художников. Между прочим, фестивали современных диафильмов собирают сотни авторов и тысячи поклонников неумирающего жанра.

Возглавив проект по оцифровке диафильмов, Илья Гавришин принес в библиотеку своего любимого «Урфина Джюса»

ДО 40 И СТАРШЕ

Диафильмы встречают посетителей Российской государственной детской библиотеки прямо на входе. На стене фойе, за спиной огромного фанерного дяди Степы, с утра до вечера в режиме нон-стоп крутятся диафильмы с озвучкой. И детишек от стены не оторвать. Пока мама ищет в сумке читательский билет и сдает одежду в гардероб, ребенок занят светящимися картинками. Убежденным в том, что искусство диафильма умерло, став жертвой технического прогресса, достаточно полчаса провести в фойе главной детской библиотеки страны. И увидеть, как воспринимают бабушкины и дедушкины сказки сегодняшняя малышня, привыкшая, казалось бы, к современным гаджетам.

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА

Зачастую в споры об актуальности диафильмов вступают как раз те, кто в детстве сам вдоволь покрутил ручку диапроектора. От них можно услышать рассуждения о том, что в прошлом диафильмы давали информацию, рассказывали интересные истории, радовали творениями выдающихся художников и собирали в темной комнате всю семью. Все эти функции ныне заменены другим техническим оборудованием: компьютером и домашним кинотеатром. Выходит, диафильмы живут благодаря ностальгии людей в возрасте 40+, выросших на этом статичном пленочном искусстве. А ностальгия, хотя и считается сильным чувством, редко дает толчок к развитию.

Заместитель директора по информатизации и фондам РГДБ Илья Гавришин, который возглавляет главный российский проект по оцифровке диафильмов, с выше-сказанным не согласен.

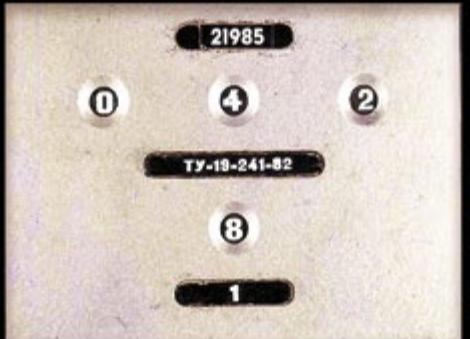
«Если говорить о пользе для ребенка, диафильм в выгодную сторону отличается от компьютерных игр, видеороликов и прочих современных продуктов, – говорит он. – Диафильмы часто сравнивают с комиксами, но, по моему мнению, между ними огромная разница. Совершенно иной принцип. В комиксе рисун-

АНДРЕЙ СЕМАШКО

ки следуют на одной странице, и они открываются сразу. В диафильме кадр от кадра отделен, и ребенок может пофантазировать, домыслить продолжение. В хорошем диафильме картишка никогда полностью не дублируется текстом, они дополняют друг друга. Ребенок может регулировать скорость просмотра, возвращаться к началу, рассматривать. Все это развивает воображение, создает более глубокое и вдумчивое понимание той истории, которая рассказывается».

Львиная доля диафильмов сделана по мотивам сказок, а это означает непрекращающую актуальность. «Ассортимент сказок гигантский, – продолжает Илья Гавришин. – Я интересовался этим вопросом и специальным подсчитал: сказки более чем 20 народностей РСФСР, 10 республик СССР, а также более чем 20 зарубежных стран были представлены на пленках. А еще авторские сказки – Пушкин, Бажов и многие другие. Иллюстрации к сказкам создавали выдающиеся художники, которые сделали советскую детскую литературу феноменом. Вечные тексты, вечные иллюстрации. Вы спрашиваете, чем диафильмы могут привлечь современного человека? Визуальным и эстетическим наслаждением, которое они дарят».

Иногда диафильмы ругают за поверхностность: как можно изложить «Оливера Твиста» в 35 картинах? Между тем, по мнению Ильи Гавришина, адаптированные воплощения больших романов позволяют с самых ранних лет вводить ребенка в мир мировой классики. «Существуют потрясающие учебные диафильмы, созданные по школьным программам, – говорит он. – Обучающие диафильмы по русскому языку, математике и другим предметам не утратили актуальности по сей день. Огромное количество диафильмов было создано о выдающихся деятелях науки и искусства, о важнейших событиях в истории страны. Было бы здорово вернуть эти диафильмы в школу».

Коля жил в Москве, в большом доме. Соседнюю квартиру занимал таинственный человек. Иногда он надолго исчезал, а порой к нему приезжали странные, молчаливые люди. Как-то утром Коля увидел, что дверь к соседу открыта и оттуда выносят носилки.

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА

«УРФИН ДЖЮС» И ЕЩЕ 3 ТЫСЯЧИ ПЛЕНКОК

Для Ильи Гавришина спасение диафильмов – не только общественное, но и личное дело. «Моим любимым диафильмом в детстве был «Урфин Джюс и его деревянные солдаты», – рассказывает Илья. – Он, собственно говоря, остался у меня единственным диафильмом, после того как мама «навела порядок». Мамы, жены и бабушки, а также все те, кто имеет полномочия делить содержимое кладовок и архивов на хлам и раритет, всегда первыми чувствуют умершие технологии и традиции. Однако диафильмы пережили и это. После того как в прессе появились публикации о большом проекте реставрации и оцифровки диафильмов в РГДБ, их понесли сюда коробками. Так и объясняли: мол, выбросить было жалко. В библиотеке все пленки принимают, даже те, которые уже имеются в коллекции. Когда пленок несколько, больше шансов при оцифровке восстановить диафильм в первозданном виде. Дублеты поступают в зал обслуживания и выдаются на руки.

«Коллекция диафильмов в Российской государственной детской библиотеке комплектовалась много десятилетий и выдавалась на дом, – говорит Илья Гавришин. – И, в отличие от многих библиотек, этот процесс не прерывался. Правда, те фильмы, которые имеются в единственном экземпляре, мы с выдачей изъяли – условно для вечного хранения. Выдача диафильмов на руки существует по сей день и пользуется стабильной популярностью. Причем популярность возрастает, поскольку о пользе диафильмов для детского восприятия узнает все большее число родителей». Когда РГДБ начала свой проект по оцифровке, ее коллекция диафильмов насчитывала 1560 названий и порядка 4 тысяч фильмов. После старта проекта, когда библиотеки по всей стране стали жертвовать свои

списанные коллекции РГДБ, а люди понесли сюда свои до машние диафильмы, список названий вырос вдвое.

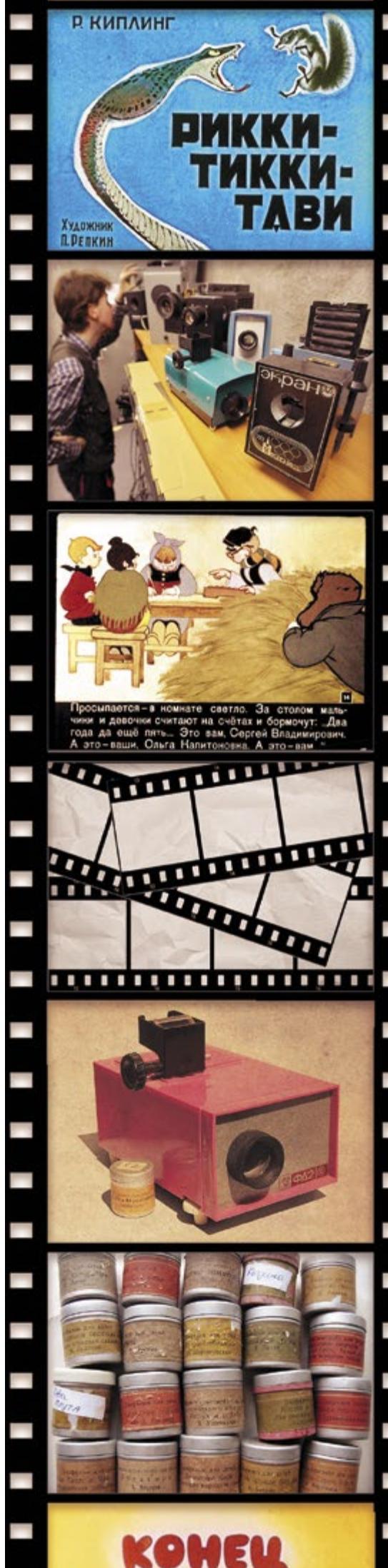
«Безусловно, нашу коллекцию нельзя назвать полной, – говорит Илья Гавришин. – До этого еще очень и очень далеко. По оценкам студии «Диафильм», было сделано более 16 тысяч пленок. Эта цифра получилась из анализа индексов, которые присваивались диафильмам. К сожалению, единого каталога не существует. В нашем сводном реестре порядка 6 тысяч названий, выпущенных «Диафильмом». Остальной массив предстоит найти, собирая информацию из разных источников. Большую надежду возлагаем на частных коллекционеров».

Что же послужило стимулом к оцифровке диафильмов? Целей несколько: это сохранность, создание реестра, предоставление доступа к оцифрованным пленкам на легальной основе. Инициатором проекта стала директор РГДБ Мария Александровна Веденяпина, проект был одобрен Министерством культуры РФ.

«Толчком стало наше желание попытаться возродить эту историю, – говорит Илья Гавришин. – В нашей библиотеке она и не умирала, но в масштабах страны мы наблюдаем, что интерес к этому виду информации в значительной степени угас».

Если верить западным кинофильмам, то американцы или европейцы любят собираться семьей и смотреть слайд-шоу, составленные из личных снимков. Этот процесс сродни совместному перелистыванию семейного фотоальбома.

Кто же придумал сюжетные диафильмы? «По нашим представлениям, диафильмы – это в большой степени отечественная технология, – рассказывает Илья Гавришин. – Начиналось со стекол, потом появились диапозитивы, и лишь после этого возникли диафильмы, которые мы знаем. Технология

отечественная, но, насколько мне известно, студия «Диафильм» активно производила пленки на экспорт. Достаточно было перевести текст и наложить его на те же картинки. Также диафильмы изготавливались в странах соцлагеря и в дальнем зарубежье. У нас есть иностранные пленки, но мы с ними пока не работаем, потому что есть вопросы относительно юридических прав на них».

Появление первых диафильмов относят к 30-м годам прошлого века, самый старый диафильм, представленный в коллекции РГДБ, был создан в 1939 году.

ОТ ЛАМПЫ ДО ЦИФРЫ

Мы отправляемся в один из залов абонемента РГДБ, где выдают книги, диски и диафильмы на руки. Если вам известно название диафильма, который ищете, его можно найти в каталоге – классические библиотечные карточки, расположенные по алфавиту, хранятся в столь же классических ящичках. Если же посетитель пришел выбирать диафильм по принципу «какой приглянется», его отправят к большому сенсорному экрану, на котором можно полистать диафильмы, разбитые по жанрам. Удивительное совмещение старых и новых визуальных технологий. Экран необходим не только для удобства посетителей, но и для того, чтобы снизить нагрузку на пленку. Ведь раньше при выборе диафильмов люди распаковывали коробочки, извлекали пленку и «прокручивали» ее в руках на свет.

О том, что «живые» диафильмы и сегодня пользуются популярностью, несмотря на интернет-версии, Илья Гавришин не обманул. На столе у библиотекаря Ирины Синицыной скопилось около 30–40 диафильмов. По ее словам, чаще всего берут диафильмы по русским сказкам. «Это примерно половина от того, что сегодня принесли, – сообщает Ирина Синицына. – Кто берет диафильмы?

В основном продвинутые родители, которые знают, зачем идут. Они прочитали про то, что бич нынешних детей – клиповое мышление, то есть невозможность на чем-то сосредоточиться. Просмотр статичного, а не динамичного, изображения позволяет решить ряд проблем – научить сосредоточиваться, читать, анализировать увиденное, делиться впечатлениями и эмоциями, правильно воспринимать цвет и многое-многое другое».

Далее наш путь лежит в скан-центр, где происходит, собственно, оцифровка диафильмов. Через эту тесную комнатку за два с лишним года, пока длится проект, прошло без малого 3 тысячи пленок, а результат труда небольшого коллектива инженеров и «айтишников» может увидеть каждый на сайте РГДБ. Скан-центр не предназначен для экскурсий: между пирамидами из компьютеров и другого оборудования проложена дорожка к рабочим местам сотрудников. В помещении стало еще теснее после приобретения специализированных сканеров, необходимых для реализации проекта оцифровки диафильмов.

Широкий «многоэтажный» стеллаж на одной из стен плотно заставлен диапроекторами разного размера и возраста – от совсем простеньких домашних до огромных профессиональных. «Посетители принесли вместе с диафильмами, – объяснил ведущий инженер отдела автоматизации библиотечных процессов Евгений Завьялов. – Спасибо им. Мы иногда проводим выставки для посетителей».

Строго говоря, диапроекторы сотрудникам скан-центра не нужны, поскольку они работают с цифровыми изображениями. Оцифровка – многоступенчатый процесс, и начинается он с очистки. Затем, если сохранность пленки позволяет, диафильм копируется с помощью специального сканера, который позволяет не резать плен-

ку. Сорок минут – и картинки мигают на экране в нужной последовательности.

Но это только первый шаг, причем самый легкий. Оцифровка одной пленки измеряется не минутами, а в лучшем случае часами. Вслед за сканированием происходит кадрирование и обрезка черных полей по краям (в интернет-пространстве они не несут смысловой нагрузки), а также обработка и цветокоррекция, во время которой специалисты убирают царапины и прочие повреждения, а также возвращают выцветшим картинкам былую яркость и насыщенность. Зачастую приходится отдельно работать с каждым кадром.

«От времени пленки желтеют, краснеют, бледнеют и «ходят» во все цвета радуги, – говорит Евгений Завьялов. – Это зависит от производителя и условий хранения. У кого-то бабушка держала диафильмы в простой коробке рядом со старой чугунной батареей, а кто-то, как положено, хранил их в металлических коробах и в нужных температурных условиях. Мы работаем и с теми, и с другими. Процесс небыстрый, но очень творческий».

Утрата или изменение цветов подчас страшнее обрывов и царапин. Иногда оцифровщикам удается встретиться с художниками, которые рисовали тот или иной диафильм, и увидеть эскизы рисунков. Это позволяет вернуть утраченные цвета.

ДИАФИЛЬМЫ БЕЗ ПЛЕНКИ

Художница из Санкт-Петербурга Евгения Ставицкая покупает фотопленку вовсе не для фотографирования. Она засвечивает ее и нацарапывает рисунки, которые становятся фильмом с героями и сюжетом. Фильмом, который смотрят участники и зрители фестиваля «Диазавр», созданного Евгенией Ставицкой несколько лет назад вместе с друзьями. «Конечно, в детстве я смотрела диафильмы, но стать их автором не думала, – рассказывает

она. – Вышло так. Когда я жила в Орле, мы с ребятами организовали андеграундный клуб, в котором проводили показы разных фильмов. И в один вечер у нас сломался видеопроектор, и кто-то притащил диапроектор и включил диафильм. Всем это показалось очень смешным и забавным, мы хорошо провели время. Потом кто-то сказал: «А ведь диафильм можно сделать самим, нужна фотопленка». Так и зачнулось».

Фестивали «Диазавр» собирают от семи до десяти авторов, которые творят в разных диафильмных техниках. Рисуют гвоздем, маркерами и акриловыми красками. К поиску новых путей подчас толкают бытовые и совсем не творческие причины. Например, дорогоизна пленки. Одна из художниц заменила ее полосками, нарезанными из прозрачного конверта для бумаг, и открыла новые изобразительные возможности. А другой автор нарисовал диафильм на канцелярских папках!

Некоторые увлечены видеоартом, и на их пленках каждый кадр живет самостоятельной жизнью. Другие придумывают героев и сюжеты. «Меня увлекает то, что я могу сделать свой маленький театр, – говорит Евгения Ставицкая. – Вообще, диафильм – это универсальная история, которая доступна всем. На наших фестивалях не раз было так, что у ребенка, который не умеет рисовать, получался более живой и яркий фильм, нежели у мастера. В этом особая магия этого жанра».

По словам Евгении, современные авторы не пытаются повторить советскую историю диафильмов, хотя интересуются ею. «Мы делаем диафильмы сейчас, потому что есть ощущение, что это актуально, – говорит она. – Диафильмы очень живо работают, причем на разные аудитории – от мала до велика. И я не встречала людей, которые бы не подняли глаза на экран, на котором показывают диафильм».

ПУТЕШЕСТВИЕ ЛЕРМОНТОВА

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

В АВГУСТЕ 1941 ГОДА ОТЛИЧНИЦА ПОДМОСКОВНОЙ ЛОБНЕНСКОЙ ШКОЛЫ АНЯ СИДЕЛЬНИКОВА С ВОСТОРГОМ ДОЧИТАВАЛА ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕДШИЙ РОМАН ВЕНИАМИНА КАВЕРИНА «ДВА КАПИТАНА».

ПЕРВЫЙ ТОМ ЗАВЕРшился пятой частью, где на предпоследней, четыреста двенадцатой странице главные герои «стали прощаться с утром». Второго тома почему-то не было, все самое интересное осталось тайной. Зато тема расставания оказалась близкой и неожиданно простой, будничной. Без особых обсуждений однажды ей было сказано собираться в дорогу. Она поедет вместе со старшим братом, Левом, его женой и их маленькой дочерью в экспедицию, за Урал. В геодезическую партию. В командировку. И поможет им там, за Уралом, по хозяйству и с девочкой. Ведь больше помочь-то и некому, а ты, Анна, уже большая, одиннадцать лет. Это ненадолго. Понимаешь?

Она понимала. Кругом шла война. Немцы наступали. В небе летали страшные самолеты, и лучи неведомых прожекторов с земли ночами линовали небо, и Семен уже вырыл неподалеку от дома бомбоубежище, где можно было ходить, согнувшись, или сидеть на низкой длинной скамейке. Земляные стены там обложены досками, а крыша, тоже из досок, завалена травой для маскировки. Там всегда стоит ведро с чистой водой и кружка – на всякий случай.

Бомбили где-то совсем рядом. Они уже сдали радиоприемник – был ведь строгий приказ – сдать! – и они сдали и жили теперь без радио. А вот отцовскую английскую винтовку не сдали, а спрятали, зарыли, наверное, а ей так и не сказали куда. И от этого немножко обидно, словно не верят братья, что и она может сохранить любую тайну. На войне были старшие и такие родные, давно не приезжавшие в гости или просто пожить, – Петя, Женя, Сергей. И писем от них давно не было.

А вот Леву и Симу в армию по здоровью не взяли, и они работают, чтобы приблизить победу. А как же тут мама – одна в доме останется? И как быть со школой?

Но мама ответила, что все будет в порядке и что школы есть везде. И что неплохо бы взять с собой книги, тетради, ручки, карандаши. Пригодятся. Братья надо не очень много. Чтобы влезло в портфель. Чтобы нести удобно. Чтобы не тяжело. Книгу Анна выбирала придирчиво.

И выбрала Лермонтова. Книга большая, широкая и толстая, как альбом, новая. Надолго хватит. В ней много красивых рисунков и фотографий. И очень такая она... взрослая.

На обложке рамочка золотая, а в ней: «М.Ю. Лермонтов. Избранные произведения». И чуть по-

меньше буквы внизу – «Гослитиздат, 1941».

Стоит книга 6 рублей 50 копеек. Ого! Почти килограмм сарделек. Если развернуть, открыть книгу – слева портрет Лермонтова. Лермонтов немножко грустный, зато с усами.

А справа: «Под общей редакцией П.Г. Антокольского, Н.Л. Бродского и В.Я. Кирпотина».

А предисловие и примечания Е. Михайловой. Страницки отчего-то отмечены римскими цифрами...

В конце предисловия убедительно сказано: «Против Лермонтова встала в неравном поединке вся чугунная сила самодержавия. Он был убит, но не был побежден».

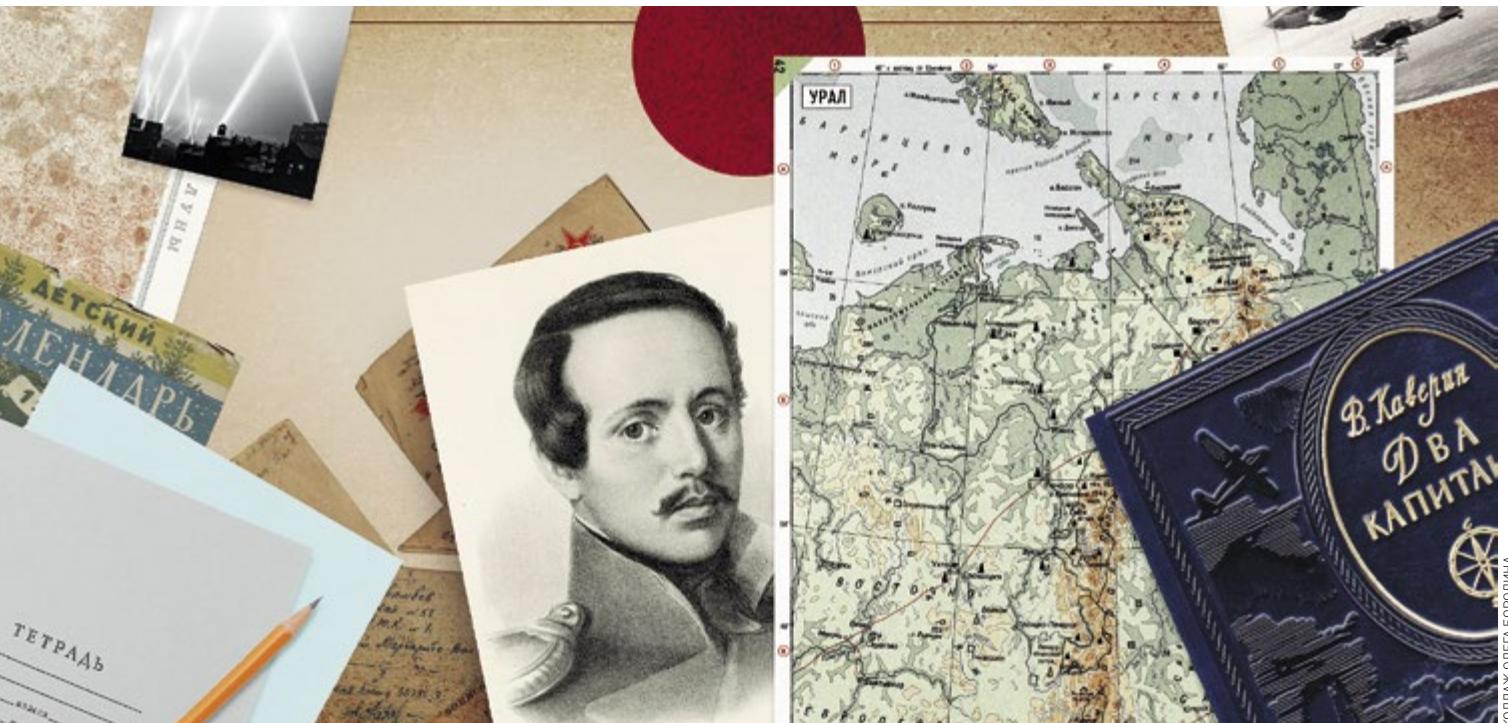
Да, очень интересно. Неравный поединок. Чугунная сила... Надо брать. Обязательно!

Книга еле влезла в портфель. Трудно, тяжко прощаться с родным домом. Хотя взрослые и говорят – ненадолго...

Итак, моя мама покинула Лобню 24 августа 1941 года в возрасте одиннадцати лет. Она ехала не в эвакуацию, а именно в геодезическую командировку, в партию, которой командовал брат – Лев Павлович Сидельников. С рождения он имел большое, неразвитое легкое, операцию надо было делать в детстве, да помешала Первая мировая война. Не до операций стало, а делать операцию соглашались только в Санкт-Петербурге. Туда еще доехать надо из Архангельска. Да как ехать, когда на руках дети малые, а муж на фронте. Невозможно.

Лопатки у Льва несимметричны, одна выше другой, в подкладку пиджака для ровности зашивали вату.

По сути, они привычно уезжали в Челябинскую область, на привычную работу. Взяли с собой Анну и от войны, и в нянки – присматривать за трехлетней двоюродной сестрой Ириной. Жена Льва Павловича работала в той же партии геодезистом. Уезжали в воскресенье. Было солнечно и тепло.

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА

Отрывной календарь Детгиза знакомил в тот день с картой Луны.

«Изображены на рисунке главные пятна: 1 – Море Кризисов, 2 – Море Изобилия, 3 – Море Нектара, 4 – Море Спокойствия... Автор названий – итальянский монах Риччоли».

Спокойствия как раз не наблюдалось. Вернее, оно было внешним, вымученным. Мама говорит, что дорогу на Урал она совсем не помнит. А вот число, год и месяц отъезда запомнила навсегда.

Гляжу в окно: уж гаснет небосклон,
Прощальный луч на вышине колонн,
На куполах, на трубах и крестах...
И Лермонтов на восток ехал.

Немцы подошли к Лобне в конце ноября. Атакой на Клин – Рогачево – Лобню предполагалось окружить Москву с севера. В этих местах – железная дорога, станция, канал, шоссе до столицы.

От Лобни – 27 километров до Москвы.

Именно у Лобни, на северном направлении, был остановлен враг.

И тем не менее сражения здесь никогда не выпячивались, не славились в учебниках и кинофильмах. Отчего так?

Все просто.

Срочно созданной для обороны этого участка 20-й армией Западного фронта командовал генерал Андрей Власов, чуть позже, под Волховом, захваченный в плен изменник Родины, к тому же идейный, так сказать, противник, перешедший на сторону врага.

И хотя многие военные историки по сию пору утверждают, что в самый разгар боев Власов не был в частях, не командовал, а лечился в госпитале в Москве, а командовали его заместители, в частности начальник штаба армии Леонид Сандалов, приказы за подписью генерала имеют место. Власов значился и в списке прославленных генералов, которые сразу, по горячим следам, были объявлены спасителями Москвы.

Получилось, что будущая измена Власова притушила, притягала, смишировала подвиг тех, кто оборонял и не сдал Лобню фашистам. На первый план вышли иные победы, иные герои, иные битвы.

Но подвиг под Лобней был. Геройски сражались 33-я стрелковая дивизия, 28-я, 35-я и 64-я морская стрелковые бригады, 896-й зенитно-артиллерийский

полк, 15-й минометный гвардейский дивизион и многие другие части и соединения. Управились за неделю, в лютый мороз. И не зря здесь, на пересечении Букинского и Рогачевского шоссе, стоит памятная зенитка, остановившая немецкие танки.

Шесть братских могил на Лобненской земле. Кто знает, сколько павших там захоронено... Ближе Лобни враг к Москве не подошел. В сражениях 1–7 декабря 1941 года ценой огромных потерь он был остановлен, разбит, а затем и отброшен от столицы.

С 19 октября Москва на осадном положении.

Последним поездом Савеловской железной дороги уезжает в октябре из Лобни в Москву Семен Павлович Сидельников. Уезжает работать. В позднем наброске автобиографии он скромно напишет об этом несколько строк: «С началом Великой Отечественной войны работал в тресте Мосэлектротранс в должностях техника, прораба, инженера-проектировщика и руководителя группы. В 1942 году был направлен на монтаж высокочастотного генератора

на Термитно-Стрелочный завод. По окончании работ был переведен на Термитно-Стрелочный завод на должность начальника цеха».

На Лобню он вернется в январе 1942 года, после снятия осады. Дома никого не было.

О том, что у него две медали – «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», я узнаю после его смерти.

Медали он никогда не носил. Вернее, я ни разу не видел.

Когда фронт подошел к Лобне, а бомбежки стали постоянным явлением, местные учителя со-обща решили эвакуироваться. Шли пешком, семьями, с детьми, на восток, в сторону Загорска. Шла в этой колонне и моя бабушка, Людмила Евгеньевна Сидельникова.

В Загорске, вспоминала она, все было четко организовано: питание, ночлег, теплушки, горячая вода. Ноябрь стоял холодный, ночами уже примораживало. При выборе дальнейшего пути уроженка Архангельска не колебалась – Север.

На станции Вожега Вологодской области она проработает учительницей в местной школе остаток осени и зиму 41/42 года, а в самом конце февраля вернется на Лобню.

Прообраз нового дома, а пока еще только сруб, построенный общими семейными усилиями перед самой войной – уцелеет. Наступавшие солдаты Брянской Пролетарской дивизии захотят было разобрать сруб на дрова, для обогрева, но кто-то из оставшихся на Лобне соседей, скажет: «Не трогайте. Это учительницы дом, у нее три сына в Красной армии».

И солдаты не тронут, несмотря на сорокаградусный мороз того страшного декабря.

Ничего этого Аня Сидельникова пока не знает, она лишь тихонько смахивает слезу, перечитывая строки:

«В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...»

Что же мне так больно и так трудно?

Ждуль чего? Жалею ли о чем?

Что она помнит теперь о тех временах?

В памяти остались какие-то отрывки, картиночки, эпизоды. Очень скучала по маме, по Лобне, по дому, по брату Симе...

Это было сильнее всего, сильнее голода.

Чувство одиночества.

Вот они с маленькой Ирой гуляют по деревянному городу. Это Курган, дома крепкие, сибирские, ворота тяжелые, заборы высокие.

Вот толпа у кинотеатра, только один раз им достались билеты. Вот очередь в столовой, зажатый в ладошке талон и стол, где кому-то повезло, в супе плавает большой кусок курицы.

Вот деревня Пороги, там удалось проходить в школу целую четверть. А в Кургане почему-то учиться не пришлось, а ведь так хотелось.

«Вот замерзла едва река Сатка, поверх льда выступает вода, а мы бродим в валенках с галошами, доходим чуть не до середины...

Родители Иры весь день на работе, мы предоставлены самим себе, а спрос за все – с нее, с Ани. А в январе известие – погиб Женя!

Погиб, защищая Ленинград. Убит зимой 41-го года младший лейтенант Евгений Павлович Сидельников. Почему он младший? Он же самый старший из моих братьев. Он родился в 1910 году. Почему младший-то...

Когда-то он научил меня складывать 39 и 42 и все такие похожие цифры, перескакивающие через ноль, взял и научил – столбиком.

Не может быть, что он больше не приедет на Лобню. Он так редко приезжал к нам... Не может этого быть.

Как громко плачет брат Лева».

Мой дядя, Сергей Павлович Сидельников, попал на войну раньше всех. Он участвовал в войне с финнами. Говорил мне про эту войну всего одну фразу: «Там наших ребят перемерзло больше, чем погибло».

Подходила демобилизация, но началась война с немца-

ми. Срок службы продлился, и эта служба вновь оказалась войной.

Он участвовал в Таллинском переходе, а лучше сказать, Таллинской трагедии. Переход главных сил Балтийского флота в Кронштадт через Финский залив привел к гибели тысяч людей и почти сотни судов.

Военные историки до сих пор спорят о потерях. Немцы и финны отлично подготовили совместную операцию. Наши корабли обстреливались с вражеских подлодок и бортов, попадали в подготовленные минные поля, а самым страшным оказались массированные налеты авиации.

Фактически это был массовый расстрел с воздуха и моря. Сергей Сидельников почти сутки продержался на воде и был спасен вышедшими на поиски уцелевших нашими катерами. С обожженным лицом, с контузией он угодил в госпиталь, а потом, после лечения, в морскую пехоту, защищавшую Ленинград.

Вновь был ранен под Лугой, на этот раз тяжело – «осколок, размером с помидор, из ноги вытащили» – опять одной фразой заключал он мой вопрос про войну, – и по Дороге жизни вывезен на большую землю, в госпиталь, в Саранск.

Ему тогда – 21 год, а вес – 42 килограмма.

«Закрою глаза – буханка черного хлеба и луковица, больше никаких видений».

После лечения – комиссовали полностью. Инвалид второй группы.

На Лобню, в отчий дом, он вернется весной 1943 года.

...Когда дочь Сергея Павловича на излете семидесятых запросится в Израиль, вслед за мужем Ромой, он откажет категорически: «Не для того я свою кровь проливал...»

Мила останется в родной Самаре, а вот внучка Сергея Павловича обоснется зато в Нью-Йорке. Мила перелетит океан, съездит к дочери в гости, посмотрит, оценит. Даже навестит Вашинг-

тон и Лос-Анджелес. И вернется в родную Самару.

Про Америку высажется юмористически: мол, дураков не меньше, чем тут, только все какие-то американские...

Такой подход Сергей Павлович оценил бы.

Война войной, а люди как люди... Дала трещину семейная жизнь геодезистов – Льва Павловича Сидельникова и Ольги Михайловны. Вышла в Кургане своя маленькая человеческая война.

Весной 1942 года состоялся разъезд. Ольга Михайловна с детьми уезжала из Кургана в Краснодар. Расстояние – две тысячи километров! В Краснодаре – родители, сестра, да и край благодатный, хлебный. Вроде бы правильный и понятный шаг. Вот только война...

Ехали до Краснодара – месяц. И Аня Сидельникова ехала скрепя сердце. Хотя в Куйбышеве и устроила истерику, потому что хотела домой, на Лобню, к маме, и понимала уже, что до Москвы от Куйбышева ближе, чем до Краснодара.

Нельзя было весной 42-го года в Москву. Москва – закрытый город, всякий въезд сюда только по спецпропускам.

Ехали с бесконечными пересадками. В самых разных поездах, однажды даже в мягком, но в основном в теплушках, с нарами и с печкой посередине. На остановках подбегали к дверному проему и кричали все вместе: «Мест нет! У нас мест нет! Занято!» Но люди все равно лезли...

Мчись же быстрее,
летучее время!
Душно под новой бронею
мне стало!

И Лермонтов на юг ехал. (Лермонтову на юг, кстати, не приывать.) В мае приехали. Жили в станице Пашковской.

А 9 августа в Краснодар вошли немцы. Началась оккупация.

Школьником я и знать не знал, что мои мама и папа детьми

«были под немцами». Мама на Кубани, папа под Смоленском. Деталь для нашей семьи, да и для нашего времени – характерная. Лучше было – не знать.

В начале августа 43-го года старенький маломестный «Дуллас», вылетевший из Краснодара еще вчера и имевший ночевку в Борисоглебске, наконец-то приземлился. Над Москвой сильно болтало, многих тошило, а Лермонтову – хоть бы что. Аня пытаясь читать вдоль и поперек заученную книжку:

*Кто этот русский? с саблею в руке,
В фуражке белой?*

Страха он не знает!

Дома после слез и объятий, после первых расспросов и обрывков рассказов (как рассказать эти два года разлуки?) брат Сергей показал ей большую настенную карту. На маленьких гвоздиках крепилась нитка, обозначающая линию фронта:

«Смотри, Анна, как пехота-то прет!»

А Сима улыбается и дымит свою длинную папиросу.

А потом, вечером, они сидели с мамой вдвоем на лагах потемневшего сруба – пола в доме еще не было – и отчего-то долго и тихо плакали.

И в сентябре она пошла в школу, новую, кирпичную, выстроенную перед самой войной.

...Брат Петя, лейтенант Петр Павлович Сидельников, командир огневого взвода 598-го артиллерийского полка, умрет от ран в госпитале под Кёнигсбергом 6 февраля 1945 года.

Отцовское английское дореволюционное ружье Сергей выкупает и выгодно продаст.

Победу на Лобне встретят в пятром: Лева, Семен, Сергей, Аня и Людмила Евгеньевна Сидельникова, учительница истории лобненской школы №1.

А в 1950 году они наконец-то переедут в новый, отстроенный, их собственный дом, на улице Вокзальной.

И Лермонтов переедет.

На царицу
острова –
цаплю –
орнитолог
Михаил Корепов
смотрит снизу
вверх

ЗЕМЛЯ, ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

РАНЬШЕ НА ОСТРОВ БОРОК МАЛЬЧИШКИ ПЛАВАЛИ ЛОВИТЬ ЗЕЛЕНЫХ ЯЩЕРИЦ, КОТОРЫХ САЖАЛИ НА ЛАЦКАН ПИДЖАКА ИЛИ ВОРОТНИК РУБАШКИ. ЯЩЕРИЦА ЧАСАМИ СИДЕЛА НЕПОДВИЖНО, СЛОВНО ИЗЯЩНАЯ ИЗУМРУДНАЯ БРОШЬ. ЭТО БЫЛ ШИК: С ТАКИМИ «БРОШКАМИ» ХОДИЛИ НА ТАНЦЫ В КЛУБ СЕЛА НИКОЛЬСКОЕ-НА-ЧЕРЕМШАНЕ.

НО С ТЕХ ПОР, КАК НА острове появилась колония цапель, ни змей, ни ящериц на Борке не осталось. «Ни одной змеюки на острове не заметите. Всех ваши цапли сцапали», – кричит рыбак Сергей, управляющий моторной лодкой. «Любимая пища цапель!» – отвечает орнитолог Михаил Корепов. Он рассматривает Борок в бинокль и вздыха-

ет: когда он видел остров в первый раз, тот был явно больше. Борок с каждым годом уменьшается в размерах. «На острове все подъели и летают теперь в поисках живности за тридевять земель! – продолжает Михаил и показывает на цаплю, скользящую в небе. – Вон полетела!» С залива гнезд цапель не видно. Можно проплыть вокруг всего острова и не догадаться, что на

нем живет самая крупная в Поволжье колония серых цапель. Остров находится в центре Черемшанского залива. На карте этот ключок суши обозначен как Красноярский, но местные зовут его «Борок». Когда-то остров был высоким участком поймы реки Черемшан на окраине села Красный Яр. Но после создания Куйбышевского водохранилища Никольское-на-Черемшане и Красный Яр, жителей которых переселили на берег водохранилища, оказались на дне. А возвышенность с сосновым бором превратилась в остров, на котором уже более полувека развивается изолированная экосистема. «Фауна на Борке обедненная, так как нет связи с берегом, – объясняет Михаил. – Зато много разных птиц».

А для Сергея поездка на остров все равно что посещение родных могил. И дед, и прадеды его когда-то жили в деревне, покоящейся на дне залива. Он слушает объяснения Михаила и ворчит: «Ваших цапель даже есть нельзя, рыбой воняют!»

С воды Борок похож на огромную изумрудную корзину. Мы приближаемся: вот уже можно различить прибой, лежащий берега острова. Стая птиц поднялась с затопленных коряг. Крачки. Но спутнула их не наша лодка, а пролетевший орлан-белохвост.

Вид у острова дикий. Упавшие в воду деревья не дают причалить к берегу. «Я помню, эти деревья стояли далеко от берега. Остров таёт просто на глазах», – сокрушается Михаил. «Мы когда ночевали на острове, то разбивали палатку вот здесь – рядом с берегом, а теперь это место под водой», – подтверждает слова коллеги Виктория Краснобаева.

Борок
на горизонте!

БЕЛЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Наконец Сергей причаливает к берегу рядом с рухнувшей в воду огромной береской. Когда-то она служила маяком для рыбаков. Дерева больше нет, а привычка осталась: недалеко стоит грубо сколоченный стол, видна яма для свежепойманной рыбы. Пока мы оглядываемся, Сергей выгружает вещи из лодки. Ему нужно возвращаться домой, но вечером он приплывет за нами. На прощание предупреждает: не пугайтесь, если вдруг прибой вынесет кости или череп. Все ж таки вместе с селами и кладбища затопили.

Михаил дотошно проверяет экипировку: бинокль с десятикратным увеличением, спутниковый навигатор с координатами самых крупных скоплений гнезд цапель, железные когти-кошки и страховку, чтобы лазить по деревьям, фотоаппарат. Полевой дневник он прячет в нагрудный карман вместе с карандашом. Разворачивает видавший виды зеленый прорезиненный дождевик: пуговиц на нем нет, рукава дырявые. Орнитолог объясняет, что лучше быть похожим на огородное пугало, чем попасть под «душ» помета цапель. Так птицы незваных гостей прогоняют. «И еще, – возясь с дождевиком, предупреждает Михаил, – если есть вопросы, лучше задать их сейчас, в колонии цапель беседовать будет сложно: они поднимут страшный гвалт, пытаясь нас прогнать. То же самое они делают при появлении любого хищника. Потому и селятся колониями. Так что когда услышите невообразимый гвалт, на одежду появятся белые отметины, а дышать будет нечем – значит, мы уже в колонии».

Оглядев нас и кивнув напоследок, Михаил скрывается в буйных зарослях крапивы. Вот о крапиве он не предупредил! А жалется она тут даже сквозь рукава! Тропы нет. Спасти от высокой и густой крапивы, которая хлещет даже по лицу, невозможно. Постоянно спотыкаешься о какие-то коряги, перелезаешь через поваленные замшелые стволы. Уворачиваешься от « занаве-

Крапива – вторая царица острова

сей» паутины, опутавшей кусты бузины. Вот теперь действительно становится ясно, что по этому острову годами никто не ходит. Все начинают кашлять от разлившегося в воздухе зловония – это значит, что мы приближаемся к гнездовьям. Еще через несколько метров натыкаемся на абсолютно... белое дерево. Колония совсем близко: это ведь из-за птичьего помета несчастное дерево поменяло цвет. Здесь, в глубине острова, сконцентрировано около 500 гнезд серых цапель. И почти в каждом – по четыре птенца! Все чаще попадаются сосны – именно на них в основном селятся цапли. Причем белые стволы деревьев теперь встречаются на каждом шагу. Судя по всему, мы уже на месте: над головой то

и дело проносятся тени больших птиц. Огромные крылья, устраивающие длинные клювы... Они совсем непохожи на тех смешных и симпатичных цапель, которых мы привыкли видеть на страницах детских книжек. Неприятное и резкое карканье переходит в сплошной рев. Михаил показывает на цаплю, кружящуюся над гнездом: «Вот – над нами жилое гнездо. Крапива под ним обгажена. И само гнездо белое. А вон в том гнезде – сразу три птенца». Виктория показывает на другое гнездо, из которого доносится шум. В нем четыре птенца и две взрослые цапли. «Да их там битком!» – улыбается орнитолог. Заполненность гнезд орнитологов радует: значит, островная колония цапель по-прежнему стабильна. Вот в колонии цапель в Старомайнском заливе, где этим летом Михаил и Виктория работают на биостанции, динамика отрицательная: из ста гнезд осталась лишь половина. Цапля не является редкой птицей, она не занесена в Красную книгу. Поэтому для цапель стало благом, что в 1989 году остров Борок признали особо охраняемой территорией и памятником природы Ульяновской области. Но этот памятник природы не финансируется, его никто специально не охраняет. Колонию цапель спасают воды залива, сплошные дебри и сами птицы.

Под гроздьями гнезд цапель любому гостю острова находится небезопасно

ГОЛУБАЯ СКОРЛУПА

«Цапли обычно гнездятся в камышах, — рассказывает Михаил. — А тут, на острове, они вьют гнезда на деревьях. Особенность этой колонии в том, что цапли селятся не только на соснах, но и на березах, дубах и липах. Где вы еще такое увидите? Ну-ка, поберегитесь!» Кажется, что среди ясного дня пошел сильный дождь. У всех нас на спине, плечах и руках появляются дурно пахнущие отметины. Это напуганные цапли стреляют пометом из гнезд. Ясно, что хозяева нас прогоняют. Их шумный гвалт похож на лягушачий хор. К нему примешивается чавканье и крики, которые сопутствуют драке. Это птенцы в гнездах дерутся из-за принесенной родителями рыбы.

Основная задача орнитологов на Борке — провести учет. Деревья с гнездами похожи друг на друга своим белым окрасом. Чтобы дважды не посчитать одно и то же, каждое дерево обматывается... туалетной бумагой. Но сегодня Михаил ограничивается визуальным осмотром гнезд. А Виктория внимательно глядит под ноги, оценивая

осколки голубой скорлупы. Почему яйца цапель голубого цвета — до сих пор загадка. Скорлупы здесь много, она хрустит под ногами, так же как и рыбные кости, которые выпали из гнезд. Раньше колония находилась в другом месте острова. Но из-за высокой концентрации азотистых соединений, содержащихся в помете цапель, не выдерживают деревья. Они гниют и падают. По сути, цапли сами уничтожают места своих гнездовий. Сейчас на месте прежней колонии — поросший высокой травой пустырь. «А в центре этой колонии почва засыпана так, что даже крапива

В переполненном гнезде цапли яблоко негде упасть

Вот из такой скорлупы, которая валяется под деревом, эти птенцы и появились на свет

уже не растет, — констатирует Михаил. — Мы привозили на остров орнитолога из Германии, так он сравнил цапель с птеродактилями из фильма «Парк юрского периода». Но так далеко мы с ним не заходили! Смотрите, на дубах даже по девять гнезд. Мы в центре колонии!»

Страшный гвалт цапель похож на шумовую атаку, у нас с не-привычки закладывает уши. Любопытные птенцы высовывают головы из гнезд, рассматривают нас. Людей они видят первый раз в жизни, потому и не боятся. Вообще, цапли на острове никого не боятся. Хотя рядом с ними проживает пара орланов-белохвостов. Но хищники цапель не трогают. Почему — неизвестно. Это еще одна загадка для орнитологов.

Гнезда у цапель большие, лохматые, будто сложенные из сена, и выглядят довольно неряшливо. Михаил говорит, что цапли и старые гнезда используют, и строят новые. Внутри колонии цапли конкурируют, ссорятся из-за пищи, чужих птенцов не кормят, но объединяются для защиты от хищников. Зимовать отсюда они улетают в Причерноморье. А те, кому не хватает сил на перелет, остаются на острове и погибают. Цапли вообще-то часто становятся жертвами паразитов, так как поедают большую рыбу. А под гнездами нередко можно найти мертвых птенцов, выпавших или вытолкнутых братьями из гнезд в борьбе за пищу. И они же часто становятся пищей для лис, которые караулят своих жертв.

Но все эти наблюдения орнитологов за цаплями острова Борок отрывочны. Виктория рассказывает, как вчера на биостанции вблизи села Старая Майна она водила студентов-биологов в колонию цапель. Вот где ведется многолетний мониторинг. Даже экскурсии для туристов организуются. Цапель можно наблюдать и с берега, и с лодки. А на Борке не разгуляешься. Наблюдение колонии на острове затруднено из-за труднодоступности.

ПАДЕНИЕ ПТЕНЦА

Виктория занимается цаплями с 2012 года, так что удивить ее чем-то трудно. Правда, в гнезде цапли она никогда не поднималась. Обычно это делает Михаил. Вот и сейчас, нацепив на ноги кошки, он карабкается на сосну, чтобы осмотреть гнездо. Чем выше поднимается Михаил, тем больше градус переполоха внутри колонии.

«Ой! – вдруг кричит Виктория. – Падает! Падает!» Она показывает не на ту сосну, по которой карабкается ее коллега, а на соседнюю. Молодая цапля свесилась из гнезда, в ветках которого запутались ее лапы, машет крыльями. Судьба цапли предрешена. Последний пронзительный крик и... гнездо вместе с цаплей обрушивается вниз. Мы быстро находим ее в зарослях крапивы. Удивительно: не сразу узнаешь эту большую птицу в маленьком скавшемся комочке. Осторожно поднимаем цаплю, которая разражается карканьем, и выносим ее на солнце. Цела ли бедняга? Виктория внимательно осматривает птицу и говорит, что ей нескованно повезло: никаких серьезных повреждений. Михаил наконец спускается с дерева, подбегает к нам, разворачивает крылья птицы как большой веер: «У нее наполовину раскрыты маховые перья. Вроде все цело. Это слёток еще». В руках Михаила цапля снова каркает. «Просто редкий случай! – теряет невозмутимость Михаил. – Обычно в колонии птенцы падают во время сильного ветра, когда деревья шатаются. А эта просто из любопытства оступилась. Или за рыбу боролась, которую мать принесла. Мы, конечно, часто находим выпавших птенцов. Но такого большого, да еще чтобы падение произошло на наших глазах – такое случается впервые!» Михаил снова и снова осматривает свалившегося с дерева птенца. Птица почти взрослая, может самостоятельно перепархивать с ветки на ветку и хватать корм, может подбирать остатки корма, выпавшего из гнезда. Если не ста-

Михаил
Корепов считает
маховые перья
выпавшего
из гнезда слётка
цапли: все целы,
летать будет!

нет в ближайшие дни добычей лисиц, которые патрулируют колонии, то вероятность выжить есть. «Мы брали птенцов цапель на биостанцию, – вспоминает Михаил. – Пытались кормить и консервами, и вареной рыбой. Но птенцы на биостанции не выживают. Родители кормят птенцов полупереваренной пищей, которую они приносят в зобу. Поэтому каких-то ферментов не хватает в нашей пище. У этого слётка шансы есть. Крылья целы, еще немного – и маховые перья до конца раскроются, мышцы на-

растут. Да и побережье недалеко. Михаил бы поднялся на сосну, с которой упал слёток, но ее ствол слишком тонкий, да и гнездо, располагавшееся на длинном и тоже тонком сучку, обрушилось и валяется на земле...

Лет семь назад Михаил и Виктория по неопытности взяли бы молодую цаплю на биостанцию. Но сейчас считают, что лучше ей остаться в колонии. Не стоит вмешиваться в ее судьбу. Какой бы она ни была. Орнитологи осторожно опускают цаплю на землю, и та прячется за деревом, с которого она упала. Будем надеяться, что цапле удастся выжить. Через минуту мы находим еще одного полуживого птенца с рыбой в клюве. Огромный карась птенца и погубил: из-за тяжелой рыбы птица выпала из гнезда. Так что можно представить, какие схватки разгораются на верхушках деревьев. «Жизнь цапель на острове сконцентрирована, и все ее явления – тоже. В том числе смерть. Это естественный процесс, на самом деле таких случаев много, мы просто их не видим», – успокаивает нас Михаил. Но история с молодой цаплей не дает покоя. Этот эпизод для колонии останется незамеченным. Родители слётка искать не будут – им это не свойственно.

Эта сучковатая
сосна,
по которой
к гнезду цапли
карабкается
орнитолог
Михаил Корепов,
начала расти,
когда Борок
еще не был
островом...

Виктория с самого начала путешествия по острову собирает букет из перьев цапель. Есть в нем и маховое перо, выпавшее из оперения нашего слетка. Сегодня вечером она расскажет студентам, проходящим практику на биостанции, как увидела падение цапли из гнезда. «Будем надеяться, что шанс у нее есть!» — повторяет все время девушка. Нам пора возвращаться к берегу и ждать лодку. Идти тяжело. Ни тропинок, ни дорожек здесь нет. Всякая хозяйственная деятельность на острове запрещена. Туристам посещать остров не рекомендуется. Примитивный деревянный столик, неподалеку от которого мы высадились, единственный признак цивилизации. Мы сидим на берегу, ожидая Сергея, и наблюдаем, как тянутся по небу с разных сторон к острову Борок цапли. «Вот спрашивают, зачем нужно изучать цапель, — рассуждает Михаил. — У нас не так много птиц, которые гнездятся на одном участке. Поэтому важно охранять места, где птицы концентрируются. Изучать их биологическое приспособление к выживаемости. Мы до сих пор не можем точно сказать, почему цапли выбрали остров Борок. Но можем утверждать, что цапли сильно воздействуют на природу. На древостой, на рыбные запасы, которые они уменьшают незначительно. Жаль, если остров будет продолжать сокращаться. Тогда и уникальная колония цапель исчезнет. А ведь цапли — эстетическое украшение любого водоема».

Небо затянуло тучами, начался ливень. Когда моторная лодка наконец пришла за нами, мы уже промокли насекомые. Я сообщаю Сергею, что ни одного пресмыкающегося на острове мы действительно не увидели. «Даже на берегу всех гадов пожрали эти долговязые, хоть за это им спасибо, — ворчит хозяин лодки. — Как бы без рыбы не оставили». Но здесь он не прав. На дне лодки лежат большая щука и жирный судак — сегодняшний улов Сергея...

Долговязая
цапля даже
не представляет,
героем какого
количества
загадок,
пословиц
и скороговорок
она является!

Никогда не забывает Николай Музуров, как в далекие 1930-е мальчишкой с холма, поросшего сосновым бором и ставшего потом островом, ведерками носил подснежники для одноклассниц. А потом плавал на Борок за цветами для будущей жены

ИСЧЕЗАЮЩИЙ ОСТРОВ

Когда Людмилу Михайловну Борисову — хозяйку и основательницу частного музея «Усадьба Раздолье» — спрашивают, где раньше стояло село Никольское-на-Черемшане, которое посещали писатели Сергей Аксаков и Владимир Соллогуб, она показывает на остров Борок. Коллекция старых вещей, вынесенных водой, хранится в стенах отданной под музей бревенчатой избы. Помогал обустраивать музей Александр Семенов. Он руководит бригадой, которая сносит в

новом селе старые постройки, перевезенные из Никольского-на-Черемшане и Красного Яра. И после разбора очередного дома Александр обязательно приносит в музей какой-нибудь раритет.

К острову Борок у Семенова свое отношение. Только здесь жители села брали ивовый прут для плетения корзин. Александр ходил за прутом зимой по льду, плавал за ним осенью на лодках. И ящериц он привозил с острова. А еще ранней весной доставлял с Борка подснежники: в Никольском-на-Черемшане за первыми цветами отправляются на остров по весеннему льду.

Сосед Александра — 90-летний школьный учитель Николай Александрович Музуров — помнит, как еще в 1930-е годы мальчишкой вместе с одноклассниками ходил к деревне Красный Яр. В середине марта сосновый бор на верхушке холма солнце прогревало так, что снега уже не оставалось. И тогда можно было найти целые поляны подснежников. А теперь остров с поселившимися на нем цаплями тает с каждым годом. В частых вечерних спорах Александр доказывает своему соседу, что остров сократился уже наполовину, а старик настаивает, что на две трети. «Я не дожи-

ву, а ты увидишь, как от Борка один шиш останется», – пророчит Николай Александрович. Верить в это не хочет не только Александр, но и патриот села Павел Александрович Устинов. Времена великого переселения он помнит смутно. Зато вспоминает, как сотни раз плавал вокруг острова на лодке. Павел Александрович тоже щеголял с зеленой ящерицей на воротнике. Рядом с селом Никольское-на-Черемшане ящерицы были коричневые. А на острове – словно выточенные из изумруда. «Ну настоящая брошка!» – улыбается он.

Когда на месте Красного Яра появился остров, то переселенцы

вывозили с Борка сосну для строительства домов на берегу водохранилища. Причем в огромных количествах: зимой по льду, летом на лодках. На Борок ездили за ягодами и грибами. Каждую весну на остров местный колхоз и жители переправляли телят на плотах. Выгоны там были отменные. С острова же на плотах вывозили огромные стога накошенного сена.

Первым, кто понял, что жизнь острова зависит от сохранности леса на нем, был Николай Романович Позин – бывший механик и местный Кулибин. Он смастерили мини-трактор, который рыбаки на лодках переправляли на остров. Во вспаханные тракто-

выброшенным волной на берег залива со дна водохранилища предметам быта затопленных деревень, в том числе Красного Яра, не найти себе уже места в новой жизни, только стать грустным напоминанием...

ром борозды лесхоз сажал сосенки. Вся северо-восточная часть острова была засажена сосновыми вручную.

Помнит Павел Устинов и рыбакский стан на острове. С лодками, ледником для рыбы, конюшнями для лошадей. Рыбу с острова перевозили на склад рыболовецкого колхоза. Начальником склада был отец Павла Александровича. Как-то Павел с двумя товарищами на отцовской лодке отправился в начале лета на Борок. Там их застал шторм. Три дня Павел с друзьями «робинзонили» на острове, запекали в костре вороньи и грачные яйца. Добраться до яиц цапель не смогли – высоко. Мальчишки сделали шалаш из веток осины и липы, постель смастерили из травы. Вернулись с острова живыми и здоровыми. «Но долго потом меня отец с ремнем по пирсу гонял», – смеется Павел Александрович.

Да и рыбаки нередко спасались от внезапно налетавших штормов на острове. Тогда-то они и выяснили, что цапли не гоняются для еды – пахнут рыбой. Так что птиц, поселившихся на острове в начале 1970-х годов, не трогали. А прежде полными хозяевами Борка были вороны и грачи.

Павел Александрович даже придумал герб села – с цаплей в центре. Но Геральдический совет Ульяновска утвердил другой вариант: замок со знаменами и княжеской шапкой, заимствованными из полного герба князя Александра Даниловича Меншикова – бывшего владельца этих земель. Павел Александрович никому ничего доказывать не стал – утвердили, и ладно.

И, кстати, в отличие от орнитологов, Павел Александрович считает, что знает ответ на вопрос, почему цапли облюбовали Борок. Когда затапливали долину реки Черемшан, то, спасаясь от воды, многочисленные змеи и ящерицы сползлись именно сюда. Ими кишел весь Борок. Вот цапли и обосновались на острове...

С берега Черемшанского залива видно, как линия острова Борок с каждым годом уменьшается

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

**Во всех почтовых
отделениях России:**
по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог
Прессы России».
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

**В почтовых отделениях
стран СНГ:**
по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:
электронный каталог агентства
«МК-ПЕРИОДИКА» на сайте
www.periodicals.ru

**Корпоративная подписка
по Москве (доставка курьером):**
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru